

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЯ
СЕВЕРНОЙ РУСИ
И БАЛТИКИ

К 80-летию со дня рождения
Глеба Сергеевича Лебедева

Том 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 63.4
ББК 902
А

Рецензенты:

Т. Н. Джаксон (Ин-т всеобщей истории РАН),
О. А. Шеглова (Ин-т истории материальной культуры РАН)

Редакционная коллегия:

В. А. Витязева-Лебедева, Е. Р. Михайлова (отв. ред.),
В. Н. Седых, И. Л. Тихонов

А **Археология Северной Руси и Балтики:** К 80-летию со дня рождения Глеба Сергеевича Лебедева. Том 1 / под ред. В. А. Витязевой-Лебедевой, Е. Р. Михайловой. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2024. — 178 с. ISBN 978-5-288-

Сборник научных трудов и материалов «Археология Северной Руси и Балтики. К 80-летию со дня рождения Глеба Сергеевича Лебедева» посвящен памяти выдающегося российского археолога, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Глеба Сергеевича Лебедева (1943–2003). Сборник содержит не публиковавшиеся ранее произведения Г. С. Лебедева и воспоминания о нем, труды его коллег, посвященные археологии Северной Руси и стран Балтийского бассейна в эпоху раннего средневековья.

Для археологов, историков, науковедов.

УДК 63.4
ББК 902

ISBN 978-5-288-

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
<i>Лебедев Г. С.</i> Песня о сборах	6
<i>Лебедев Г. С.</i> Полевой дневник Смоленской археологической экспедиции 1966 г.	8
<i>Лебедев Г. С., Булкин В. А., Витязева В. А.</i> II. Каспьянский дневник 1966 г.	52
О Г. С. Лебедеве. Очерки и интервью	68
<i>Тихонов И. Л.</i> Г. С. Лебедев и отечественная историография археологии	91
<i>Лебедев Г. С.</i> Российская археология первой половины XX века	101
<i>Лебедев Г. С.</i> Российская археология во второй половине XX в.	130
<i>Лебедев Г. С.</i> Феномен петербургской археологии (вводный обзор)	169

ПРЕДИСЛОВИЕ

У представленного сборника длинная, даже чересчур длинная предыстория. Он был задуман уже давно, но выходит только сейчас, когда Глебу Сергеевичу исполнилось бы уже 80 лет, спустя 20 лет после его трагического ухода.

Глеб Сергеевич Лебедев родился 28 декабря 1943 г. в блокадном Ленинграде. Закончил кафедру археологии исторического факультета ЛГУ, а в 1969 г. стал ее преподавателем (с 1978 г. — доцентом). В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию «Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов», в 1987 г. — докторскую диссертацию «Эпоха викингов в Северной Европе».

Автор пяти монографий, первая из которых — «Археологические памятники Ленинградской области» (1977) по сей день остается единственным систематическим обзором по археологии Ленинградской области и источником ряда так и не опубликованных материалов. Последующие книги Г. С. Лебедева вошли в золотой фонд отечественной археологической скандинавистики, и не только ее. Нужно вспомнить и «Историю отечественной археологии» (1992), и коллективные монографии «Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон» (1999) и «Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны» (2001), которыми начались новые направления в гуманитарных исследованиях.

Создатель и руководитель Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ, воспитавшей в 1970–1980-х годах многих и многих заметных исследователей Северо-Запада. Научный руководитель экспериментальной археолого-навигационной экспедиции «Нево».

В 1990–1993 гг. депутат Ленгорсовета (Петросовета) и председатель Постоянной комиссии по культуре и культурно-историческому наследию, в 1990–1991 гг. — член президиума. С 1996 г. председатель Государственной экспертной комиссии Санкт-Петербургского отделения Высшей комиссии по охране культурного наследия при министре культуры России.

С 1994 г. — директор Санкт-Петербургского филиала РНИИ культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и РАН, в 1998 г. преобразованного в Центр региональных исследований и музейных технологий «Петроскандика» в составе НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ.

15 августа 2003 г. Глеб Сергеевич трагически погиб в Старой Ладоге.

За пределами этой краткой официальной биографической справки осталось целое море воспоминаний о беспокойной творческой натуре, научных проектах и поездках, стихах... Можно было бы вспомнить, например, о песнях «варяжского цикла», распевавшихся под руководством Глеба Сергеевича. О его знаменитых полевых дневниках, аккуратно писавшихся на протяжении всей жизни. О том, как он на защите собственной диссертации читал скальдические висы в ожидании запоздавшего оппонента. О нашей дружной агитации на ленинградских улицах за кандидата в депутаты Лебедева или о том, как группа его учеников и свежееиспеченных сотрудников РНИИ наследия неожиданно для себя самих оказалась в роли оргкомитета Первого Дельфийского конгресса (и кое-кого пришлось для этого отпрашивать с лекций).

Нам хотелось показать и сохранить разные стороны деятельности нашего учителя, этим и обусловлена кажущаяся разнородность сборника. Он открывается стихотворением Г. С. Лебедева «Песня о сборах» и дневниками его первой самостоятельной экспедиции — Каспийской разведки 1966 г., запечатленной в «Гимне оголтелого норманизма» («Мы по речке, по Каспле...»). Дневники, вместе с другими накопившимися за много лет материалами, хранились в домашнем архиве Лебедева. Теперь они разобраны и описаны В. А. Витязевой-Лебедевой, передавшей их в Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, где личные бумаги Г. С. Лебедева составили фонд № 1134. Для этого издания Вера Александровна не только предоставила тексты, но и прокомментировала их.

Публикуемые далее воспоминания о Г. С. Лебедеве были записаны вскоре после его гибели и долгое время хранились у директора петербургского Интерьерного театра Н. В. Беляка. Планировалась мемориальная книга, которая, к сожалению, тогда не состоялась.

«Научная часть» составлена в основном из статей, написанных по материалам докладов, сделанных на научной сессии «Археология Северной Руси и Балтики», посвященной 75-летию со дня рождения профессора СПбГУ Г. С. Лебедева (2019). Они посвящены проблемам, которыми активно занимался сам Г. С. Лебедев — эпохе викингов, древностям Северной Руси, археологии Петербурга. Ряд статей вводит в оборот полевые материалы самого исследователя. Значительную часть сборника составляют историографические работы. Ряд из них принадлежит самому Г. С. Лебедеву и представляет логическое продолжение его «Истории отечественной археологии», несколько статей — разбор его текстов коллегами.

Редакционная коллегия

ПЕСНЯ О СБОРАХ*

ЛЕБЕДЕВ Г. С.

Я строю рюкзак. Как строители дом
старину.
Я строю его по кирпичику,
а не крупноблочно.
Я строю неспешно его. Мне вовсе
спешить ни к чему,
Ведь то, что поспешно построено —
будет непрочно.

Я свитер норвежский сперва
расстилаю на дне,
И банки с тушенкой, книзу,
осторожно, с любовью.
Ведь мы одержали победу
в минувшей войне,
Американской тушенкой
и русской кровью.

Отцы возмутятся, я знаю: кощунственно —
вещи такие равнять.

Ну, что же — и мы деньгами
ленд-лиза вовек не покроем.
Но знаете вы, ведь — что кровь
веселей проливать,
Немного горячей тушенки
поев перед боем.

Еще положу аппарат, чтоб фиксировать
мир,
И Тацита книжку, античной исполненной
меры.
Я в путь собираюсь, как римский
легионер.
Но Тацита книг в вещмешки
не клали легионеры.

---

* Литературные произведения Г. С. Лебедева (стихи и проза), папка № 50 из Полевых дневников (см.: СПФ АРАН. Ф. 1134 Лебедева Г. С. Папка № 30. Л. 92 об. — 91 об).
Публикация В. А. Витязевой-Лебедевой.

Лопата, саперка и миллиметровки
                                                трулон,
И спальный мешок. Я навьючен, как мул —
                                                и по собственной воле.
Быть может, меня и не пустят
                                                такого в вагон,
Но мне ведь в вагоне — всего лишь
                                                доехать до поля.

5 и 6 июля [19]70 г.

Г. Лебедев (подпись)

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК СМОЛЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1966 г.*

ЛЕБЕДЕВ Г. С.

Надпись на титульном листе: Руководитель Е. А. Шмидт. Разведочный маршрут № 2. Г<ород> Демидов — ст<анция> Куприно Смол<енской> обл<асти> Г. Лебедев II к<урс> К<афедры> А<рхеологии> ЛГУ. Начат 31 июля 1966 [г.]. Закончен 18 августа 1966 [г.]. В дневнике пронумеровано 60 листов».

ОФОРМЛЕНИЕ ДНЕВНИКА

«Полевое крещение», по словам Г. С. Лебедева, произошло у него в 15-летнем возрасте в Верхневолжской археологической экспедиции ЛОИА, руководимой Н. Н. Гуриной, летом 1960 г., после окончания девятого класса. Допустили его к полевым работам по рекомендации руководителей двух археологических кружков, в которых он занимался, О. И. Давидан (Государственный Эрмитаж) и Л. С. Клейна (исторический факультет, ЛГУ). Следующий полевой сезон, после окончания школы, первого курса Университета и службы в армии, наступил через шесть лет. Таким образом, Полевой дневник Смоленской экспедиции (САЭ-66) является первым в научной биографии Г. С. Лебедева

Дневник представляет собой изготовленный в типографии блокнот (размеры: 17,0×11,0 см), на светлых пластмассовых пружинках, нелинованный, обложка — не сохранилась; схемы и глазомерные планы выполнены в масштабе с топографической привязкой, простым мягким карандашом, которым написана вся текстовая часть; около 20 страниц — с угасающим или трудно-читаемым текстом. Нумерация страниц — авторская: справа сверху на лицевых страницах, номера обведены кружком. В среднем на одной странице (без зарисовок и глазомерных планов) от 21 до 25 строк, количество знаков (с пробелами) — от 22 до 28.

В 1994 г. был создан Санкт-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия Министерства культуры Российской Федерации и РАН, директором которого стал Г. С. Лебедев. Вскоре у филиала появилась собственная круглая печать, и все титульные страницы Полевых дневников, включая и самый первый, имеют ее оттиск, с надписью в центре: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Авторские сокращения раскрыты в угловых скобках: < >; пропущенные автором слова раскрыты в квадратных скобках: [ ]; комментарий В. А. Витязевой в авторском тексте — в фигурных скобках: { }; примечания в круглых скобках: ( ) — после Приложения Г. С. Лебедева к основной части Дневника.

---

* Папка № 25 из Полевых дневников (см.: СПФ АРАН. Ф. 1134 Лебедева Г. С.). Публикация и комментарии В. А. Витязевой-Лебедевой.

2. б. — бумага
3. В.Б. — Василий Булкин
4. Вера — Вера Витязева
5. Д., Дер. — деревня
6. Дл. — длина
7. ДМ — диаметр
8. «Кадры» (в тексте) — номера кадров на фотопленке, где фиксировались общие виды местности, курганы или курганные группы, городища, селища, находки и т. д.
9. Кар. — карандаш (простой)
10. К — рой — (на) которой
11. К. с., культ. сл. — культурный слой
12. Л. — левый (напр., «л. берег»)
13. Прзб — текст неразборчив
14. «№№ пакетов» (в тексте) — в плотную, непромокаемую, светло-коричневого цвета бумагу (ею снабдил нас Смоленский музей) паковались находки: вымытая, высушенная и зашифрованная керамика, кремневые отщепы и пластины, нуклеусы, крицы и т. д. Для нанесения шифра использовалась черная тушь, бутылочки с нею хранились в карманчике моего (В. Витязевой) рюкзака, ручка перьевая, набор перьев, карандашей, простых и цветных, ластиков, точилок, поршневых ручек, два блокнота — маленький клад канцелярских товаров; номера на пакетах ставились карандашом или ручкой: номер пакета, место находки, дата. По возвращении в Смоленск все материала были показаны Е. А. Шмидту, а затем сданы в археологический фонд Смоленского исторического музея, вместе с выписками из Полевого дневника об истории находок и фотофиксацией; все графические материалы из Дневника были пересняты. В Дневнике фиксировались номера кадров; основная фотосъемка во 2-м отряде велась Г. С. Лебедевым и автор отдельно не указывался, если фотографировал Вас. Булкин со своего фотоаппарата — это отмечалось в Дневнике (Б., В.Б.). Передача материалов в Смоленский музей делалась по договоренности с администрацией музея начальника экспедиции, поскольку музей, вместе со Смоленским педагогическим институтом, частично финансировал экспедиции Е. А. Шмидта, в том числе и нашу разведку по Каспле. Также по договоренности со Е. А. Шмидтом мы имели право пополнять дуплетными материалами экспозиции школьных музеев; для учителей истории и литературы, для школьников (от 10 до 15 лет) наши работы были самыми захватывающими уроками по истории родной земли, они готовы были часами слушать лекции Г. С. Лебедева, и расставания наши были наполнены щемящей грустью и невосполнимым, запомнившимся на всю жизнь, чувством потери...
15. Оз. — озеро
16. Подчеркиваниями в тексте Дневника, одной или двумя параллельными, с нажимом проведенными чертами, выделены: даты, номера пунктов, названия рек, городищ, селищ; наличие курганов, курганных групп, кладбищ. Глазомерные планы одной или сдвоенной чертой, не во всех случаях, но часто, отделены от текста.
17. Пропуск в тексте, сделанный при научно-технической обработке материала, чаще всего при описании местности, речных террас и т. д., — (...).
18. Р. — река
19. Цифровые данные в сантиметрах, помещенные в круглые скобки, сразу после масштаба на глазомерных планах, указывают размеры (ширина — длина) глазомерных планов на страницах Полевого дневника. Авторские названия глазомерных планов выделены

кавычками; отсутствующие названия даны при научно-технической обработке Дневника в октябре — декабре 2013 г., они даны без кавычек.

«Л. 1

Состав экспедиции:

Руководитель 1) Е<вгений> А<льфредович> Шмидт (1)

1 маршрутная группа —

2) И<горь> Портнягин (2)

3) В<алерий> Петренко (3)

4) В<ладимир> Кольчатов (4)

2 маршрутная группа —

5) Г<леб> Лебедев (5)

6) В<асилий> Булкин (6)

7) В. Назаренко (7)

8) В<ера> Витязева (8)»

«МЫ ПО РЕЧКЕ, ПО КАСПЛЕ, ИДЕМ...»

Л. 1 об. — 5: Проект маршрута с семью схемами, графиком переходов, названиями деревень и мест обследования. И хотя Г. С. Лебедевым здесь же (л. 4) была сделана запись: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги — а по ним ходить!» (Л. Н. Толстой), тем не менее основная часть программы была выполнена и работа получила высокую оценку Е. А. Шмидта.

Л. 6: 1-е августа 1966 г.

Выход из {г.} Демидова в 9.30. Вдоль берега Каспли (...)

Пункт 1. На плато верхней террасы, на правом берегу р. Каспли (примерно в 3 км вверх по реке от г. Демидова), в 100 м на юг от дороги Демидов-Смоленск и в 500 м на восток от каменного здания коровника (недостроенного). Плато занято картофельным полем, на котором были найдены кремниевые отщепы (5 шт.), пластины (3 шт.); (пакет 1). Фрагменты керамики, в основном средневековой и современной. (Фото: к<адр> 3, 4.) Приложение: Глазомерный план поля, где были найдены кремниевые отщепы и пластины.

Л. 6 об.: Пункт 2. Ок<оло> 0,5 км вверх по течению р. Каспли, на левом ее берегу, на плато второй надпойменной террасы (70–100 м от воды) по краю поля собрано несколько фрагментов лепной керамики (пакет 2) (фото В. Булкина, к<адр> 36).

Пункт 3: Правый берег р. Каспли, через дорогу и ЛЭП {линия электропередач}, в 300 м на СЗ от белой будки шлагбаума (9 столбов ЛЭП) и 100 м от участка (сада, огороженного деревянным забором) в песчано-гравийном карьере (глубиной 3–4 м) найдены дисковидный нуклеус и фрагменты кремня со следами обработки (пакеты 3, 4; кадры 5–7).

Характерно обилие кусков необработанного кремня в галечнике на дне и в стенах карьера.

Карьер находится на СВ от дер. Семеновка, на расст<оянии> ок. 3 км.

Маршрут закончен в 19.00. Ночлег в дер. Дедово.

Л. 7: 2 августа. Выход из Дедова в 9.00.

Пункт 4: На распаханых полях второй надпойменной террасы, в 1,5 км к Ю<го->В<остоку> от дер. Дедово сбор керамики от лепной до современной. Там же <найдено> несколько отщепов кремней. На опушке леса, в разрезе рва (современного) — <обнаружено> несколько больших железных криц (фото 8). Маленькие крицы найдены на близлежащем поле. Расстояние до р. Каспли на СВ — 300–500 м (пакеты 5, 6, 7, 8; фото 9).

{Внизу листа: Глазомерный план участка (показаны: д. Дедово, изгиб р. Каспли, лес), где знаком «+» отмечены места находок криц}.

Л. 7 об.: обследование устья р. Свадицы {полей, возвышенности; отмечено, что подъемного материала нет}. Ночевка в д. Новые Мамолки, ок. 1 км от устья р. Свадицы (Деревня Зарецкая, указанная на карте, уничтожена в годы войны). 3 августа. Выход из Новых Мамолок в 7.30.

Пункт 5: На распаханых полях надпойменной террасы левого (южного) берега р. Свадицы найдены несколько фрагментов светлой толстостенной гончарной (круговой) керамики с обгоревшими примесями дресвы и песка. Там же фрагменты средневековой и современной керамики. Место — 1,5 км на ЮВ от моста через р. Свадицу по дороге Мамолки-Акатово, 500–700 м на юг от берега р. Свадицы (пакет 9, фото В. Б. № 10).

Л. 8. **Пункт 6. «Акатовское городище»:** на берегу Акатовского озера, на высокой возвышенности с крутыми склонами со стороны озера, густо заросшего кустарником. Памятник расположен на западной половине возвышенности (восточная занята современным кладбищем). Городище состоит из трех частей, окруженных невысокими (до 2,5 м) расплывшимися валами, образующих незамкнутые четырехугольники; между отдельными секторами [городища] сохранились так же расплывшиеся валы; памятник поврежден окопами военного времени, через все городище проходит ход сообщений (или траншея).

Памятник раскапывался: остатки раскопов сохранились во всех трех секторах. Культурный слой снят до материка. На сохранившихся участках толщина культурного слоя достигает 40 см. {Слева внизу страницы начат рисунок укреплений Акатовского городища, но, перечеркнув его, так как не поместился, автор перенес его на две следующие страницы.}

ЛЛ. 8 об., 9 об. — «Акатовское городище». Глазомерная съемка. М 1 см:3 м (б., кар.).

Л. 10 — Примерная схема возвышенности «Акат<овского> городища» (б., кар.).

Л. 10 об.: На городище [нами] было заложено 7 шурфов (см. план) и [сделано] два разреза валов — линии АБ и ВГ. В шурфах №№ 1, 3, 6, 7 и в разрезе по линии АБ были найдены фрагменты керамики и кости животных (пакеты 10, 11, 12, 13; фото — 10–17).

Пункт 7: Курганная группа у оз. Корец на крутом обрывистом берегу (высота 8–10 м) оз. Акатово; сохранились два кургана № 1 и № 2.

№ 1 — высота ок. 1 м 70 см[,] Дл. 15 м. Круглый в основном, полусферической формы. Северный склон кургана порос деревьями.

№ 2 — высота 1,5 м. Расплывшийся в длину ок. 7 м; восточный склон кургана размыт; форма неправильно-полусферическая.

№ 3 — уничтожен окопами и {два слова нрзб} времени.

Л. 11: Планировочная структура расположения курганной группы на Акатовском озере. Глазомерная съемка М 1 см:5 м (б., кар.).

Л. 11 об.: {продолжение описания курганной группы} № 4 — высота 2,5 м. Дл. 10 м — правильной полусферической формы.

Пункт 8: пляж на берегу Акатовского озера, между ним и оз. Корец, в 200–500 м на СВ от городища (точнее, от возвышенности, на к-[ото]рой расположено городище и кладбище). Пляж покрыт слоем песка, перемешанного с серыми остатками культурного слоя. Таким образом, культурный слой разрушен на всей территории памятника. Глубина культурного слоя при шурфовке не превышает 10–15 см. На пляже собрано несколько мелких фрагментов керамики. Границы памятника определяются размерами темного пятна на пляже, резко отличающегося по цвету от светло-желтого озерного песка (пакет 14).

Ночевка в дер. Холм.

Л. 12: 4 августа 1966 [г.]. Выход в поле в 9.00.

Пункт 9: У д. Холм на северном берегу Акатовского озера в 500 м на СВ от впадения р. Свадицы в Акатовское озеро и 800 м от моста через р. Свадицу. Памятник расположен на широком языкообразном мысу, образованном с юго-запада долиной Свадицы, с северо-запада — заливом Акатовского озера. На мысу, на убранном поле, найдены фрагменты толстостенной красной керамики с примесью кварца, и средневековой славянской (?) керамики, а также несколько криц (фото 18, пакеты 15–17). На селище заложен шурф 0,5 м × 0,5 м.

Глазомерный чертеж селища у р. Свадицы М 1 см:30 м; (7,5 см × 5,3 см): справа — вид шурфа в разрезе: дерн — 5–7 см; к. с. — 20 см; материк — глина (б., кар.).

Л. 12 об.: {Описание селища у р. Свадицы} Культурный слой памятника почти не поврежден. Начинается сразу за тонким (до 7 см) слоем дерна и перегнойной. Мощность культ. слоя — 15–20 см. Слой подстилается желто-красной материковой глиной.

Пункт 10: Ок^{оло} 1,5 км на восток от д. Холм (вверх по р. Свадице) в 100 м от крайних домов д. Захарьино, на плато второй террасы, ограниченной с севера — долиной р. Тёти, с юга — оврагом с безымянным ручьем, на левом берегу р. Свадицы, найдены фрагменты венчиков (с линейным орнаментом) и круговой керамики. Находки собраны на картофельном поле (фото 19, пакет 18).

Л. 13: Глазомерный план Пункта 11 — «Захарьино городище» М 1 см:2 м (б., кар.); (10,3 см × 17,1 см).

Л. 13 об.: Разрез шурфа № 1 (10,5 см × 5,5 см) с прорисовкой: 3–5 см слой дерна, 25–35 см культ. слой, черно-серый, крайне бедный. Подстилающий серый песок.

«ЗАХАРЬИНО ГОРОДИЩЕ»

[Расположено] на правом берегу р. Свадицы, напротив д. Захарьино, на высоком (25 м) бугре, начинающем гряды, отделяющем долину р. Свадицы от соседнего (на север от реки) болота.

Глазомерный план Захарьино городища. М 1 см : 20 м (10,5 см × 6,3 см).

Л. 14: Размеры городища ок. 50 м с З^{апада} на В^{осток} и ок. 15 м с С^{евера} на Ю^г. Крутые склоны бугра, видимо, искусственно сровненные, служили укреплением городища. С западного и восточного конца насыпаны небольшие дополнительные валы высотой до 1 м (1 вал на западном и 2 вала на восточном конце). На поверхности городища было заложено 4 шурфа 0,5 × 0,5 м, выявившие очень бедный культурный слой мощностью 20–40 см. Находки — фрагменты лепной керамики, красной и черной, с обширными примесями кварца (пакет 19; фото 20, 22, 23, 24). На склоне в ЮЗ части городища был сделан разрез, выявивший оплывший сверху культ^{урный} слой с фрагментами керамики.

Л. 14 об.: Глазомерная съемка: Западный конец укрепления городища (10,5 см × 10,4 см). {Здесь же запись:} «Ночевка в дер. Диво» — «Дивий маршрут. 4/VIII–66 г.» с наброском плана: оз. Диво, д. Диво, д. Бондари; внизу: Акатовское, Холм (10,5 см × 5,9 см).

Л. 15. 5 августа 1966 г. Выход в поле в 8.30.

Обследование северо-восточного берега оз. Диво (в месте впадения в него трех безымянных речек). Широкая долина озера сплошь заболочена и заросла густым кустарником. На берегах речек и на полях распаханной части поймы ничего не найдено. Берега оз. Диво крутые, залесенные; у воды — заболоченные и заросшие тростником и камышом.

Обследование верхних террас (моренных) [в] с^{еверо}-вост^{очной} части озера.

Пункт 12. На моренном плато, в 600–800 м на север от берега озера, на распаханном поле найдены 2 фрагмента кружалной керамики (пакет 20, фото В. Б. 24). Внизу {л. 15} глазомерная съемка моренного плато, М 1 см: 10 м (10,3 см × 3,2 см).

Л. 15 об. Вера {Витязева} обрабатывает материал в школе дер. Диво. Обследование озера {Глебом Лебедевым и Василием Булкиным} закончено к 12 часам. Обед. Выход на маршрут в 13.30.

Пункт 12а {чтобы не ставить нелюбимую цифру «13», автор заменил ее на «12а»}.

«КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У Д. ДРОНОВО»

На юг от дороги Орлово-Дроново, в 100 м южнее каменного здания заброшенного хлева и в 100–120 м от каменного здания скотного двора дер. Дроново обнаружена группа из 8 курганов, полусферической формы, высотой до 1,5 м. 2 кургана эллипсоидной формы (соотношение диаметров 1 : 2). Края курганов № 2 и № 4 четко ограничены; курганы №№ 1, 2, 4, 8 — разграблены, № 7 — поврежден с западной стороны.

Зачистив грабительскую яму (?) в кургане № 4, выявили остатки кострища.

На север от могильника, возле здания разрушенного хлева — остатки раскопанного (возможно, поврежденного авиабомбой) земляного сооружения (кургана?) дл. 20 м, высотой ок. 2 м.

Л. 16. План «Курганного могильника у д. Дроново».

Глазомерная съемка. М 1 см:10 м; занимает весь лист блокнота (10,3 см × 16,8 см).

Л. 16 об. Пункт 14. 300 м на СЗ от скотного двора на совхозном поле 3 августа 1966 г. распаханно 4 кургана. По словам местных жителей, при вспашке был найден череп, женский (слово нрзб) и железный нож (все указанные вещи погибли). При обследовании поля были найдены остатки сожжения, угли. Медные бусины (пакеты 21, 22, 23).

Смоленская область, Демидовский р-н, Пересудовский с/с {сельский совет}, дер. Дроново, Федотенков Евгений (фотографировал ребяташек); Дивенская восьмилетняя школа. По рассказам местных жителей, в лесу, в 3 км со стороны д. Орлово находится одиночный курган.

Л. 17. Пункт 15. На северном берегу Акатовского озера, в 1,5 км западнее дер. Дроново, на прибрежном участке вспаханного поля, пл. 30 × 200 м (вдоль берега с запада на восток) найдено несколько десятков фрагментов керамики. На свежевспаханном поле отчетливо видны большие пятна культурного слоя интенсивного черного цвета (пакеты: 24, 24А, 24Б, 24в).

{Внизу листа:} Глазомерный план местности (15 см × 5,8 см) с пятном культурного слоя, ограниченного с севера дорогой «Орлово — Дроново», с юга — побережьем Акатовского озера, отмечены места находок керамики.

Л. 17 об.: {вверху листа} — глазомерный план (15 см × 6,5 см), на котором показаны: с юга — Акатовское озеро (сев. берег), с востока — дер. Дроново и между дорогой «Орлово-Дроново» и берегом озера [отмечено] расположение пунктов: 12а, 14, 15, 16, а также селища и курганного могильника.

Пункт 16. **Одиночный курган на берегу Акатовского озера** [находится] в 200 м от селища (пункт 15). Размеры {кургана} — длина с запада на восток 12 м, с севера на юг — 8 м, высота — 2,5 м. Курган, очевидно, единственный уцелевший от курганного могильника на ближайших полях. Несколько курганов были раскопаны археологами, остальные распаханы работниками Холмовского совхоза (фото 9, Б<улкина>).

Л. 18. В разрушенной плугом поле кургана найдены фрагменты керамики, близкой по составу теста керамике Акатовской и Захарьина городища, раскопано {?} и исследовано Шмидтом (тип Б — Дроново {?}) (папка 25). С западной стороны кургана прослеживаются остатки ровика, опоясывающего курган (ширина на дневной поверхности — 60–80 см).

От дер. Орлово на лодке пересекли оз. Акатовское и после ночного броска {т. е. перехода} на 7 км остановились в Н<овых> Мамолках.

6 августа 1966 г.

С утра — обработка материала с Акатовского озера и сборы в дорогу.

Л. 18 об. Выход в поле в 10.30.

Пункт 17. [Первоначально обследование велось] На правом берегу р. Каспли, в 1,5 км на восток-юго-восток от дер. Мариинки, [затем] на левом берегу р. Каспли в 2,5 км вверх по течению от устья р. Свадицы на распаханном поле возле брошенного кладбища на высокой террасе найдены фрагменты толсто-стенной керамики коричневатого-красного цвета с примесями кварца, затем тонкостенная керамика, с одной стороны палевого, с другой — черного цвета, фрагменты современной керамики и кремниевые отщепы (пакеты 26, 27, 28).

Глазомерный план {10,5 см × 5,2} с Ю на С: Показаны дер. Мариинка, р. Каспля, склон террасы, старое кладбище, места находки керамики.

Л. 19. Прошли сожженную [во время Великой Отечественной войны, в 1942 г.] дер. Шуровщина.

От дер. Шуровщины до р. Облом берега р. Каспли покрыты густыми труднопроходимыми лесами.

От Облома начинаются широкие поля, но берег на расстоянии 100–200 м покрыт кустарником и мелколесьем, заболочен. Материала нет.

У дер. Бакшеево, на кладбище, 15–10 м от дороги, одиночный курган высотой 1,5 м, длиной 4 м, неправильной полусферической формы.

Ночевка в дер. Старые Лупихи, напротив устья р. Жереспеи, впадающей в р. Касплю.

С утра идут обложные дожди. Разведку вести невозможно.

Вышли с {слово нрзб} из д. Лупихи на д. Касплю, где намечено организовать базу для разведки по Каспле, Жереспее и Клецу. Временами движемся по проселочной дороге. Местность открытая. Памятников не замечено. Выход из д. Лупихи в 11.00. В Каспле — обработка материалов. Ночлег — в классе местной школы.

Л. 19 (продолжение). 8 августа [19]66 г. Выход в поле 9.00.

Пункт 18. «ГОРОДИЩЕ в д<еревне> КАСПЛЯ».

[Расположено] на одной гряде, идущей вдоль р. Каспли к оз. Каспля, в месте впадения реки в озеро, на высоком холме с искусственно-выравненными крутыми склонами. Размеры городища: ССВ — ЮЮЗ: 30–40 м, В — З: 15–20 м.

Высота холма — более 20 м.

Поверхность городища изрыта ямами, траншеями и окопами.

Въезд на городище находится в северо-восточном углу его.

Л. 20. «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН КАСПЛЯНСКОГО ГОРОДИЩА» М 1 см : 4 м {10,5 см × 16,6 см};

Надписи на чертеже: «бергштрихи верхние — через 0,5 м, верхние — через 0,5 м, средние — через 1 м, нижние — через 2 м (высота холма 20 м). На плане указаны участки с сохранившимся культурным слоем.

Л. 20 об. [Севернее городища на той же гр<ани>це в 400–500 м стоит хорошо заметное кирпичное здание бывшей церкви].

На склонах городища хорошо видны остатки культурного слоя темно-серого цвета. В северо-восточном углу, в месте въезда из городища, по линии АБ был сделан разрез вала, а на противоположной стороне въезда заложили шурф № 1 размером 1 × 1 м. Глубина шурфа (и прослеженная [мощность] культурного слоя — до 1,54 см.

Разрез по линии АБ (2,60 м в длину, 1,10 м в глубину тах) выявили остатки деревянных (оборонительных?) сооружений, уходящих в белый материковый песок. Дерево сохранившееся и обуглившееся.

Л. 21. «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ЧАСТИ КАСПЛЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ С ЦЕРКВЯМИ». М 1 см × 10 м {10,5 см × 17,0 см}. {Надписи на чертеже:} «р. Каспля», «Оз. Каспля».

Л. 21 об. [В разрезе вала были обнаружены] железные гвозди, скобы. Среди развала деревянного сооружения у въезда был обнаружен скелет человека, придавленного, очевидно, перекрытием сооружения (череп отделен от остальных костей несколькими деревянными плахами, лежащими под углом к стене сооружения). Головой скелет обращен на ЮЗ, в сторону въезда, ноги согнуты в коленях. В этом же разрезе найден шиферный брусок с отверстием, обломок железного остря, железные гвозди, ско-

бы, многочисленные фрагменты керамики с волновым и линейным орнаментами.

Л. 22. ГЛАЗОМЕРНЫЙ «Разрез и план [вала Каспьянского городища]» по линии АБ»; М 1 см: 30 м {10,5 см × 17,5 см} (б. кар.).

Л. 22 об.: Шурф № 1 дал так же многочисленные фрагменты керамики. Мощностъ культ<урного> слоя очень велика. В шурфе также прослеживаются остатки деревянных сооружений и фрагменты человеческих черепов. Работа на городище закончена в 17.00 (пакеты 29–39, фото В. Б.). Шурфы засыпаны. Вечером — камеральная обработка материала. Ночлег в школе в дер. Каспля.

Л. 23. Глазомерный «План шурфа на въезде Каспьянского городища» М 1 см: 10 м (10,5 см × 17,0).

Л. 23 об. 9 августа 1966 г.

Выход в поле в 9.30. Маршрут — обследование берегов реки и озера Каспля.

Пункт 19. «ГОРОДИЩЕ у ДЕР. ЛУКЕССКОЙ или ЛУКЕССКИЙ ГОРОДЕЦ».

[Расположен] на левом берегу р. Каспли, 1–1,5 км вниз по течению от моста на шоссе Смоленск — Невель, 400–500 м северо-западнее дер. Алфенино, на высоком бугре озовой гряды, идущей вдоль берега р. Каспли. Восточный, западный и южный склоны бугра искусственно сровнены, образуют крутой раскат городища.

Досками (?) также укреплен {слово нрзб}, кроме трех земляных уступов высотой по 1,5–2,0 м с северной стороны. Поверхность городища делится на две неравные площадки: 20 × 25 [м] и 25 × 16 м. Поверхность ровная, без заметных бугров и ям.

На городище заложено 8 шурфов, выявивших в юго-западном углу участок культурного слоя мощностью до 45 см, содержащего мелкие фрагменты лепной керамики темного цвета с обильными примесями. Найден фрагмент железного предмета.

На большей части площади городища культурный слой не прослеживается (пакеты 40, 41; фото В. Б.).

Описание Лукесского городца — лл. 23 об., 25.

Л. 24. «Глазомерный план Лукесского городца» 1 см: 4 м (10,5 см × 17 см).

{Надписи на чертеже:} «Высота холма 20 м», отмечены места закладки шурфов и площади культ. слоя.

Л. 24 об. Глазомерный план Лукесского городца и окружающего его пространства. (10,5 см × 17,0 см). Надписи на плане: [пункт] № 19, [пункт] № 20, [пункт] № 21; заливные луга, дер. Алфенино, р. Каспля.

Л. 25 об. Пункт 20

На правом берегу р. Каспли, на окраине дер. Алфенино, в 300 м на ЮВ от «АЛФЕНИНСКОГО ГОРОДИЩА», на распаханном склоне надпойменной террасы найдено несколько десятков лепной и кружальной керамики (славянской средневековой?). На распаханном поле, ближе к берегу, отчетливо видно пятно культурного слоя 15 × 30 м (пакет[ы] 42–44; фото В. Б.).

Пункт № 21

На правом берегу р. Каспли, 300 м южнее от пункта 20, на распаханном поле.

Л. 26 (начало). Вдоль берега, в 200 м от воды, найдены фрагменты лепной керамики — темной, светло-палевой и оранжево-красной с линейным орнаментом.

От крайней точки пункта 21 до д. Алфенино расстояние на север ок. 800 м (пакет 45, фото В. Б.). Восточнее пункта, на склоне террасы, на краю распаханного поля в 300 м от берега — деревянное кладбище.

Пункт № 22

Л. 26 (продолжение). У воды на правом берегу р. Каспли, на невысокой террасе, ограниченной с севера ручьем, впадающим в р. Касплю, в 1000 м от д. Алфенино, 200 м на В (восток) от кладбища (Л. 27, начало) и 100 м на восток от дороги на [пос.] Касплю и ЛЭП на распаханном поле найдено несколько фрагментов лепной и кружальной керамики (пакет 46, фото В. Б.)

Пункт № 23 (Л. 27, продолжение)

На том же поле, что и пункт 22, севернее, на южном берегу ручья, найдено одно кремневое скребковидное орудие, несколько отщепов кремня и фрагмент керамики орнаментированной штриховыми вдавлениями (пакет 47, фото В. Б.).

ГРАФИКА

Л. 26 об. I. ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ ВДОЛЬ КАСПЛИ ПУНКТОВ №№ 19, 21, 22, 23, 24 (10,7 см × 17,0 см — в Дневнике).

{Надписи на плане:} д. Алфенино, отмечены пункты (19–24), течение Каспли, дорога в д. Каспля, Линия ЛЭП, шоссе на Смоленск (с юга).

Л. 27. II. ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ПУНКТА № 24. М 1 см : 50 м (10,5 см × 7,0 см — в Дневнике); (б., кар.).

{Надписи на плане:} пункт 24, дорога на Алфенино, шоссе на Смоленск, звездочками отмечены места находок.

Л. 27 об. III. «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН “РАЗРЕЗА ПО ЛИНИИ АБ (ОБНАЖЕНИЕ КРАЯ ДРЕНАЖНОГО РВА)”»: М 1 : 30 см (10,5 см × 7,0 см — по Дневнику).

Надписи на плане: «дерн, дневная поверхность, глина, культурный слой, глина».

На поверхности распаханного поля в 100 м от шоссе «Невель — Смоленск», на террасе, вплотную подступающей к воде, рассеченной с севера на юг дренажным рвом ([шириной] — 4 м, длина — 80 м), идущем от дороги к реке, — найдены на поверхности — фрагменты лепной керамики, в стене рва, где отчетливо виден (в обоих стенках) культурный слой, достигающий (Л. 28) в толщину от 10 до 30 см. Слой прослеживается 20 м от берега реки. Слой залегает непосредственно под дерном, а под слоем глины. Глубина от 40–50 до 5–10 см. В слое найдены фрагменты лепной керамики с крупными примесями кости, крица (пакет[ы] 47, 48, 49; фото В.Б.). Вечером — камеральная обработка материала, осмотр и консультация в школьном музее д. Каспля. Ночлег в д. Каспля.

Л. 28 (продолжение). 10 августа 1966 г.

Выход в поле в 8.00

На дороге в дер. Лукесы, напротив кладбища, [находится] сопка полусферической формы: высота 5 м, в диаметре — 15 м. Северная сторона покрыта кустарником, поверхность изрыта окопами времен войны [1941–1945 гг.].

Расстояние от берега реки — около 500 м.

Далее — маршрут вдоль р. Каспли к устью Р. Жереспей.

Л. 28 об. Пункт 25.

На левом берегу р. Каспли, 1 км на юг от дер. Старые Лупихи, ок. 1,5 км вверх по Каспле от устья р. Жереспей, на плато надпойменной террасы (высота от воды 2 м) в 25 м от линии берега, на подсолнечном поле найдены фрагменты лепной оранжевой (темной в изломе) керамики с крупн<ыми> примесями кварца. Хорошо прослеживается пятно голубовато-серого культурного слоя вдоль поля на протяжении 50 м (пакет № 50, фото II — 13).

Пункт 26.

На л. берегу р. Каспли, 200 м на юг от дер. Старые Лупихи, 400 м от воды, на склоне террасы, на распаханном поле [подобрано] несколько фрагментов средневековой (?) кружальной керамики (пакет № 51).

Пункт 27.

На склоне той же террасы, прорезанной расплывшимся оврагом, 900–1000 м на В<осток> от д. Н. Лупихи, 150 от (Л. 29) д. Ст. Лупихи, на распаханном поле фрагменты лепной и кружальной керамики и пятно культ. слоя (видимое распространение 20 × 8 м); (пакет 52, фото № 17).

Л. 29 (продолжение). Пункт 28.

На поле, на правом берегу р. Жереспей, 800 м на восток от д. Бор, где на окраине найдены фрагменты средневековой керамики в 30 м от воды (высота берега более 2 м), найдены многочисленные железные крицы, два фрагмента средневековой керамики, железный наконечник стрелы, мелкие железные предметы (пакет 53, фото № 5 {т. е. началась новая пленка}).

Л. 29 (продолжение). «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ПУНКТА № 28» М 1 см: 100 м (10,5 см × 5,5 см — в Дневнике).

Надписи на чертеже: масштаб, р. Жереспя (на юге), дорога на д. Язвище (в центре), отмечены места находок керамики и криц (звездочки); (б., кар.).

Л. 29 об. Пункт 29.

На левом берегу р. Жереспей, в 300 м от воды, на распаханых полях вдоль дорожки от д. Язвище (1,5 км на восток) найдена крица и два фрагмента — (1 крица) красно-оранжевой керамики с крупными примесями кварца. В размыве почвы возле дорожки прослеживается серое пятно культурного слоя (?). В слое — множественные находки железного шлака (пакет 54).

«ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ПУНКТА 29»

Л. 29 об. Рисунок от текста не отделен, являясь его своеобразным графическим продолжением (б., кар.).

Надписи на плане: р. Жереспя, линии ЛЭП (внизу); места находок криц (отмечены звездочками).

Л. 30. В 20 часов вышли на селище у д. Кислой.

Сделали небольшие сборы [керамики], прекратили работу с наступлением темноты. Ночлег в д. Кислая, на берегу р. Жереспей.

11 августа. Выход в поле в 8.00.

Пункт 30.

«ГОРОДИЩЕ НА Р. КИСЛОЙ ИЛИ КИСЛЫЙ ГОРОДЕЦ»

[Расположен] на левом берегу р. Жереспей, у излучины реки (15–20 м от воды), 500 м севернее от дер. Кислой — прямоугольной формы бугор, вытянутый с востока на запад, склоны отлогие, видимо искусственно сровненные (четкая нижняя граница, отделяющая склон от горизонтальной поверхности рва?). С восточного (Л. 30 об.) конца бугра [имеется] небольшая площадка (въезд в городище?), образовавшийся уступом бугра. Поверхность Городища представляет собой ровную площадку, примерно 60 × 20 м. На расстоянии 15–20 м от западного конца площадку пересекают с севера на восток два невысоких параллельных земляных вала (высота около 0,5 м). Высота бугра — 10–15 м.

Шурфовка выявила на большей части площадки (до валов) непосредственно под дерном черновато-серый культурный слой, толщиной 10–15 см, крайне бедный {последние два слова подчеркнуты двумя чертами} находками (2 фр<агмента> лепной керамики с примесью (Л. 32 {№ листа 31 пропущен}) кварца, 1 кусочек шлака, 1 обожженная косточка (пакет 55, фото 16, 17).

«ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ГОРОДИЩА КИСЛЫЙ ГОРОДЕЦ»

Л. 32. М 1 см : 6 м (10,5 см × 15,2 см — в Дневнике); (б., кар.).

Надписи на чертеже: отмечены находки керамики, кости, наличие культурного слоя.

Л. 32 об. Глазомерный план ситуационного положения Кислого городца на карте местности, без масштаба (10,5 см × 17,0 см — в Дневнике).

Надписи на чертеже: Кислая (дер. — написано шариковой ручкой с красной пастой; все остальные надписи сделаны простым карандашом), пункт 31, р. Жереспя (слева), Кислый городец (вверху), внизу — петля р. Каспли и надпись — д. Каспля.

Л. 33. ПУНКТ 31.

На правом берегу р. Жереспеи, на высоком (2–3 м над ур<овнем> воды) плато речной террасы, 200 м на северо-запад от Кислого городца, 900 м на север дер. Кислой, на задернованной площадке 30 × 20 м найдены фрагменты красной и серой лепной керамики с кр<упными> примесями кварца (пакет № 56, 57; фотоаппарат не работает).

При шурфовке на указ<анной> площади обнаружен черный культурный слой толщиной до 15 см.

Л. 33 об. ПУНКТ 32.

Два кургана в лесу на правом берегу р. Жереспеи, 1200 м на СЗ от дер. Кислая, 300 м на запад от пункта 31, 300–400 м на север от реки.

Курган № 1 — высота 2,5 м, ДМ' <диаметр> — 8 м, ДМ'' — 6 м. Форма неправильная полусферическая, курган задернован, зарос молодыми деревьями.

Курган № 2 — h — 3 м, ДМ' — 7, ДМ'' — 5 м. Форма неправильная полусферическая, курган задернован и зарос кустарником и молодыми березами.

ГРАФИКА

Л. 34. Глазомерный ситуационный план расположения кургана № 2. М 1 см : 5 м (10,5 см × 6,6 см — в Дневнике).

Надписи на чертеже: Кислая (слева, вверху, ручкой с красной пастой); внизу: лесная дорога в д. Хохлово; в центре — курган № 2.

Л. 34. Глазомерный ситуационный план расположения кургана № 1. М 1 см : 5 м (10,5 см × 10,2 см — в Дневнике).

Надписи на чертеже: внизу — р. Жереспя; в центре — курган № 1.

Л. 34 об. ПУНКТ 33.

На окраине дер. Кислая на левом берегу р. Жереспеи на распаханном поле (300–400 м от деревни) просматривается серое зольное пятно 80 × 30 м и найдены многочисленные фрагменты лепной и кружалной керамики. Селище расположено на отлогом склоне речной долины, в 100–150 м от воды (пакет № 58).

Л. 35. ПУНКТ 34.

На правом берегу р. Жереспеи, в 2 км на восток от д. Язвищи, на пересечении р. Жереспей большой дороги, идущей от дер. Хохлово к дер. Язвищи, у самой воды, в прорезанном дорогой склоне террасы, просматривается пятно

черного культурного слоя мощностью до 0,5 м. Слой залегает непосредственно под дерном. На поверхности террасы на всех склонах также заметны следы культурного слоя. В слое и на поверхности земли были найдены фрагменты красной и серой лепной керамики, в том числе с линейным орнаментом и с крупными примесями кварца (пакет 59).

Л. 35 об. Глазомерный ситуационный план расположения селища на р. Жереспее. М 1 см : 5 м (10,5 см × 6,8 см — в Дневнике).

Надписи на чертеже: отмечен к.с., в центре — р. Жереспей; справа — дорога к д. Язвище (б., кар.).

Ночевка в д. Каспля.

12 августа 1966 г.

С утра — камеральная обработка. Зарисованы материалы Каспль<янско-гор<одища> — отданы в [школьный] музей: пакет 5 — пункт 4; пакет 7 — пункт 4; пакет 9 — пункт 5; пакет 16 — пункт 9; пакет 18 — пункт 10; пакет 19 — пункт 11; пакет 24 В — пункт 15.

Смолен<ская> обл., п/о Каспля, ср. школа, Трушечкиной Евг. Кир<илловне> — {учитель истории Каспль<янской> школы, заведующая музеем, организатор группы школьников для помощи нам в работе на Каспль<янском> городище}.

Выход в поле в 13.50.

ПУНКТ 35.

Л. 36 (продолжение). На огородах на восточном берегу оз. Каспля, 900 м на юг от запруды на склоне береговой террасы, 15–10 м от воды (высота террасы над зеркалом озера ок. 2 м) обнаружено пятно культурного слоя 30 × 10 м и собраны фрагменты лепной и кружалъный кремо-оранжевой и серой керамики с примесью крупного кварца (пакет 60, фото III {номер пленки} — 12 {номер кадра}).

Л. 36 об. ПУНКТ 36.

На плато небольшого мыса, вдающегося в озеро, 1,5 км южнее д. Каспли, на расстоянии 15–20 м от зеркала озера, на высоте 2,5–3 м (а также в размыве берега на свисавшей [части] и в воде) найдены фрагменты лепной красно-оранжевой керамики с кр<упными> примесями кварца (пакет 61, фото III — 13).

ПУНКТ 37 (там же).

На прибрежной полосе найдены 2 фрагмента орнамент<ированной> керамики (один из них с косым штрихованным орнаментом) и несколько отщепов кремня (пакет 62, фото III — 14).

Л. 37. ПУНКТ 38. «ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЩИНА» ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН.
М 1 см : 5 м (10,5 см × 15, 7 см — в Дневнике)

Л. 38. На восточном берегу оз. Каспля, 500 м на СЗ от дор. на д. Пилички, 300 м от лесхоза (домика мастера Куприенко, охотохозяйство) на небольшом мысу, образованном двумя заливами озера, на высоком холме с искус-

ственно сровненными склонами и валами, пересекающими площадку городища с востока на запад и делящими его на две неравные части (25 × 15 м и 15 × 10 м). Между валами — остатки рва, прослеживается проход в северном валу от рва на площадку городища. Большая площадка имеет с западной (озерной) стороны высокий вал (земляное укрепление высотой 1,5–1,8 м), идущий [с] севера на юг.

Л. 38 об. Шурфовкой на всей площадке вскрыт крайне бедный культурный слой; на северной площадке — 10–5 см, на южной — в северо-западной части — до 25 см. В слое обнаружены угли, обожженное дерево, сожженные кости и 1 фрагмент лепной керамики с примесями кварца, отщепы кремня (пакет 63, фото III — 15, 16).

ПУНКТ 39.

Л. 37 об. Глазомерная съемка ситуационного плана расположения пункта № 39 с одиночным курганом у д. Пилички (10,5 × 17,0 см — в Дневнике).

Надписи на плане: Каспля, Пилички, Пункты — 39, 40; Курган, места находки керамики обведены шариковой ручкой с красной пастой.

Л. 38 об. Одиночный курган у д. Пилички. На мысу, образованном заливами озера (высота над зеркалом озера 8–9 м, минимальное расстояние от воды — 12 м).

Л. 39. В 100 м южнее городища Монастырщина, на обрыве высокого берега [находится] разрушенный курган; круглый в основании (дм 10 м) первоначально, возможно, сферической формы (высота — 3–5 м). Поверхность кургана изрыта ямами (окопами?). Южная сторона кургана размита водами озера; в обнажении видны остатки сожжения, белый пережженный песок, пепел, древесные угли (фото 18, разрез обнажения — фото III — 19).

ЛЛ. 39 об. — 40. ГЛАЗОМЕРНАЯ СЪЕМКА «РАЗРЕЗ ПОЛЫ КУРГАНА ПО ЛИНИИ А Б». М 1 см : 5 м (на л. 30 об.: 10,5 × 17 см; на л. 40 — 10,5 × 7,5 см — в Дневнике).

Под глазомерной съемкой «Разрез полы кургана», отделенной прямой чертой, имеется стратиграфическая экспликация, раскрывающая символы на плане:

Прямоугольник с косой штриховкой — желтый песок;

Прямоугольник, покрытый точками: светло-серый (прокаленный) песок;

Прямоугольник с крестиками — пепел и белый песок сожжения;

Прямоугольник с черным овалом внутри — угли.

М 1[см] : 10[м].

Л. 40 об. ПУНКТ 40. «СЕЛИЩЕ У Д. ПИЛИЧКИ»

На высоком плато, завершающимся мысом с городищем и курганами, на распаханном поле найдены многочисленные фрагменты лепной красной керамики с крупными примесями кварца и кружальной черной и серой керамикой.

Площадь селища примерно 30×40 м. Высота над зеркалом озера — 10–12 м. (пакет 64, фото III — 20, 21 — общий вид Монастырщины).

Л. 41. 700–800 м южнее Монастырщины (комплекса памятников на древнем острове — городища, укрепленного селища и одиночного кургана на мысу) — стоящий в самом узком месте на мысу начинается ВОЛОК. Берег озерной долины отлого снижается; отчетливо замечен спуск волока в воду (ширина выхода 30–25 м); постепенно поднимаясь по склону долины, с северо-запада на юго-восток идут широкие наезженные колеи; волок отчетливо просматривается на 1,5–2 км. Вокруг волока — просторные склоны озерной долины, распаханное поле. Земля на волоке отличается по цвету и плотности от земли на полях (въезд на волок фото III — 22).

Л. 41 об. «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ВОЛОКА ОТ ОЗ.КАСПЛЯ ДО Р.УДРА И ДОРОГА ОТ ПОС.КАСПЛЯ НА СТАНЦИЮ ВОЛОКОВАЯ». М 1 см:0,5 км (10,5 см×13,0 см — в Дневнике).

Надписи на плане: Каспля, городище Монастырщина, оз. Каспля, дорога от Каспли на Волоковую, Пилички, Волок, Волоковая, д. Удра.

Надпись под чертой под планом: «Ночлег в д. Волоковая».

Л. 42. 13 августа 1966 [г.]. Выход в поле в 7.30.

П У Н К Т 41 ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН КУРГАННОЙ ГРУППЫ у р. ЛЕЛИКВА. М 1 см : 5 м (10,5 см×9,3 см — в Дневнике); (б., кар.).

Надписи на плане: дорога Леликвинская — Каспля (слева), курган № 1, курганная группа № 2 (вверху), р. Леликва (внизу), колея старой дороги (справа).

Курганная группа у р. Леликва на дороге Леликвинская — Каспля, 300 м на северо-восток от моста через р. Леликву, у края дороги [находятся] два кургана.

№ 1 — полусферической формы с оплывшими краями, высота 2.30, круглый в основании, дм — 12 м.

Л. 42 об.

№ 2 — разрушенный бульдозером, первоначальный дм 10–12 м, высота — 1,5 м. Зачистка разрушенного кургана выявила фрагменты костей с остатками труположения (?). Тонкий слой насыщенного железом песка и прокаленного песка кострища.

Л. 42 об.(продолжение). ГЛАЗОМЕРНАЯ СЪЕМКА «РАЗРЕЗА ПО ЛИНИИ АБ» ПРИ ЗАЧИСТКЕ РАЗРУШЕННОГО КУРГАНА № 2 у р. ЛЕЛИКВА

Под глазомерной съемкой, отделенной двумя чертами, имеется стратиграфическая экспликация, раскрывающая символы на плане:

Прямоугольник заштрихованный точками — желтый песок;

Прямоугольник с крестиками — белый прокаленный песок;

Прямоугольник с косой штриховкой — зола;

Прямоугольник с волнообразной штриховкой — железистый песок;

Прямоугольник с черной точкой — уголь.

Л. 43 (продолжение). «ДНО РАЗРЕЗА [по линии] А Б» ГЛАЗОМЕРНЫЕ СЪЕМКИ ДНА РАЗРУШЕННОГО КУРГАНА № 2 у р. ЛЕЛИКВА В ДВУХ ПРОЕКЦИЯХ И «РАЗРЕЗ [по линии] А'Б'»; все на одной странице Дневника):

1) «Дно разреза [разрушенного кургана по линии] А Б», отмечены символы для всех трех планов: серый песок, железо, уголь (10,5 см × 3,5 см);

2) «Разрез [по линии] А' Б'» (10,5 см × 4,0 см);

3) «Дно разреза [по линии] А' Б'» (10,5 см × 3,5 см).

Л. 43 об. (пакет 65, фото III — 23, 24, 25, 26). От Леликвы вдоль берега [р.] Удры. У д. Салинки — (кратчайшее расстояние до д. Ермаки) — возможный выход волока (аналогичный выходу на Каспийском озере). Далее волок по отлогой долине поднимается с северо-запада на юго-восток. В р<айо>не д. Ермаки волок пересекает автострада Москва — Минск.

Л. 43 об. ПУНКТ 42. «ГОРОДИЩЕ ЕРМАКИ»

Невысокий (ок. 3 м) прямоугольный, слегка вытянутый с севера на юг бугор, окруженный болотом (заболоченная низина) площадью 22 × 18 м. Поверхность представляет собой ровную овальную площадку (Л. 44 об.), окруженную невысоким (0,5–0,7 м) кольцевым валом (ширина в совр<еменном> состоянии ок. 2,50 м). Вал разорван с западной стороны, где очевидно находился вход в городище. Шурфовка выявила серый культурный слой, содержащий многочисленные угольки, но крайне бедный. Мощность слоя от 3 до 10 см. Найден один фрагмент лепной керамики. Возможно деление на два культурных слоя.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ [ГОРОДИЩА ЕРМАКИ]:

100 м на восток от окраины дер. Ермаки, 250 м на юг от автострады Москва — Минск; западнее возле городища, очевидно, проходил волок на Купринское озеро (фото 27, пакет 66).

Л. 44. ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ГОРОДИЩА ЕРМАКИ. М 1 см : 2 м (10,5 см × 17,0 см — в Дневнике); (б., кар.). Надписи на плане: указаны места шурфов — №№ 1, 2, 3, 4, 5.

Л. 45. ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН «РАЗРЕЗ [1-го шурфа] по линии АБ» ГОРОДИЩА ЕРМАКИ. М 1 см : 3 м (масштаб — помета внизу страницы).

Стратиграфия от дневной поверхности:

1) серый подзол — 3,4 см

2) белый песок — от 2,3 до 3,3 см

3) желтый песок — от 3,6 до 2,0 [см]

4) культурный слой с остатками угля — от 3,2 до 3,8 см.

Л. 45 об. От городища Ермаки волок поворачивает на юго-запад и через 1,2–2 км выходит на широкую заболоченную равнину, по которой протекает протока {так в тексте}, впадающая в Купринское озеро.

ПУНКТ 43. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НА Р.КУПРИНКЕ — состоит из 7 курганов, находящихся в очень плохом состоянии (на курганах № 1 и № 3 было устроено христианское кладбище, ныне заброшенное. Курганы располагаются в 20–30 м друг от (Л. 46) друга цепочкой с ССВ на ЮЮЗ вдоль надпойменной террасы, в 30 м от края террасы, в 100 м на север от края берега протоки (губы озера?).

Курган № 1 — круглый в основании, с оплывшими краями, полусферической формы, дм ок. 15 м, h [=] 1,80 [м].

Курган № 2 — круглый в основании, дм 7 м, h [=] 0,3, разрушен.

Курган № 3, круглый в основании, с оплывшими краями, дм 10 м, h [=] 1.60.

Курган № 4, круглый в основании, дм 10 м, h = 0,3 м — разрушен.

Курган № 5, круглый в основании, дм 8 м h ок. 0.3 разрушен.

Л. 46 об. Курган № 6 — круглый в основании, с оплывшими краями, дм [диаметр] ок. 10 м, h [высота] [=] ок. 0,5; разрушен.

Курган № 7 — круглый в основании, с оплывшими краями, дм 8 м, h [=] ок. 0,5, разрушен.

Курганы №№ 2, 4, 5, 6, 7, очевидно, были раскопаны, сохранились следы грабительских ям.

Курганы №№ 1 и 3 использовались под кладбище (фото 28).

ГЛАЗОМЕРНАЯ «СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НА ВОЛОКЕ» (10,5 см × 9,1 см — в Дневнике. Л. 46 об.).

Надписи на схеме: (слева — направо) — р. Леликва, р. Удра, ст. Волоковая, оз. Каспля (отмечен путь прохождения волока от оз. Каспли до р. Удры через ст. Волоковую; д. Каспля, Монастырщина; второй волок от р. Удры через Ермаки к оз. Купринскому).

Л. 47. «ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НА Р.КУПРИНКЕ», М 1 см: 10 м (10,5 см × 17 см — в Дневнике). Надписи на плане: р. Купринка (слева сверху), жел<езная>дорога (справа внизу), цепочка курганов с №1 по № 7.

Л. 47 об. В 18.44 со ст<анции>Куприно выехали в Смоленск.

Каспьянский волок через оз<еро> Купринское выходит на Гнездово (озеро — система протоков — Днепр).

Ночлег в Смоленске.

14 августа 1966 г.

Выехали с Василием Булкиным, оторвав его от Гнездова, на Рудино, откуда должны пройти в Рокот. Поезд в Рудино прибывает в 10 часов. В Рокоте были в 15.00.

ПУНКТ 44 — «РОКОТЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ» — (городище у д. Рокот). 500–700 м ЮЮЗ от дер. Рокот, 500 м на юг от р. Клец, на высоком плато, образованном долиной р. Клец с севера; оврагом, без заметного ручья — с запада; оврагом с ЮЮВ — на мысу плато находится городище. Южная площадка (Л. 48) имеет крутые, искусственно выровненные склоны (западный и восточ-

ный). С юга городище укреплено двумя кольцевидными валами (возможно, внизу был третий, расплывшийся, вал) высотой 3–4 м, образующими два широких уступа. Южная площадка ограждена с ССВ напольным валом, ок. 30 м в длину и 2–4 м в высоту. Вал хорошо сохранился. За валом располагается северная площадка 90 × 40 м, с севера так же огражденная напольным валом 40 × 6 м, в высоту 3–4 м. Вал прорезан посередине, очевидно, бульдозером. Высота городища — около 15–20 м.

Л. 48 об. «[ГЛАЗОМЕРНЫЙ] ПЛАН ГОРОДИЩА РОКОТ», М 1 [см]:10 м (10,5 см × 17,0 см — в Дневнике).

{На плане Городища Рокот прорисована его планировочная структура с валами, местами закладки шурфов, местом кладбища.}

(Л. 49). Южная площадка:

Часть городища занята современным кладбищем. На южной площадке было заложено три шурфа, выявивших культурный слой мощностью 35–50 см (на западной стороне — до 80 см), содержащей многочисленные фрагменты черной, серой и светло-серой лепной керамики (один фрагмент с треугольным <рисунком> [имеется прорисовка, напоминающая «глаз Бога Ра»], один — с линейным орнаментом. Кроме того, найдена одна железная пластина 5 × 7 см, погнутая, фрагмент медного (бронзового) лезвия [имеется прорисовка, напоминающая лезвие ножа], многочисленные кости животных. В шурфах №№ 1 и 2 найдены кусочки дерева и углей.

Северная площадка:

На северной площадке также выявлен черный культурный слой (ок. 20 см) с лепной серой керамикой (последние 4 снимка, пакеты 67, 68, 69, 70, 71, 73).

Л. 49 об. ГЛАЗОМЕРНЫЙ СИТУАЦИОННЫЙ ПЛАН ГОРОДИЩА РОКОТ, РАСПАХАННЫХ КУРГАНОВ (№№ 2, 3–10), РАСПОЛОЖЕННЫХ В РЕЧНОЙ ДОЛИНЕ МЕЖДУ ПРАВЫМ БЕРЕГОМ РЕКИ КЛЕЦ И ГОРОДИЩЕМ, ЗАСТРОЙКИ ДЕР. РОКОТ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ Р. КЛЕЦ И КУРГАННОЙ ГРУППОЙ (ИЗ 4-х КУРГАНОВ) НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ ЕЕ (10,5 см × 17,0 см — в Дневнике).

Л. 50. ПУНКТ 45. Одиночный курган (на схеме № 1) — единственный уцелевший (по словам О. Ф. Шаповалова, директора школы в дер. Рокот) от 12 курганов, располагавшихся вдоль вала городища [в кургане № 2, разрушенном при строительстве песчаного карьера, был найден меч франкского типа] — Н. В.: квадратные скобки — в авторском тексте.

Курган № 1 — округлый (овальный в сечении), слегка удлиненный. 12 м — СЮ, 10 м — ЗВ, высота — 2,3 м. Курган, очевидно, разграблен, и с западного края на 1,5 м распахан. В обнажениях видны остатки трупосожжения: (пепел, угли). (Фото — В. Б.)

Курганы №№ 3–10 — распаханы.

Л. 50 об. В кургане № 2 — помимо меча был найден, очевидно, бронзовый умбон щита (?), оковка ножен.

Ночевка в дер. Рокот.

15 августа [19]66 г.

Выход в поле в 10.00.

ПУНКТ 46. «КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У ДЕР. РОКОТ»

На севере деревни, 50–80 м от окраины, на новом деревенском кладбище, в березовом лесу, в незанятой еще могилами части кладбища, находятся 4 кургана удлиненной формы, с оплывшими краями.

Размеры: Курган № 1 — $8 \times 5 \times 1,60$ [м] — на поверхности — небольшие ямы (шурфы).

Курган № 2 — $6 \times 5 \times 1,40$, западная часть перекопана христианскими могилами, в обнажении выявились остатки сожжения (?) и (Л. 51 об.) современные гвозди (гроб христианского погребения?).

[ГЛАЗОМЕРНЫЙ]

Л. 51. «ПЛАН КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА у д. РОКОТ». М 1 см:2 м ($10,5 \times 17,0$ — в Дневнике).

На плане: показана конфигурация и номера курганов, высотные отметки, находки керамики, местонахождение захоронения на кладбище, распределение древесных насаждений между курганами.

Курган № 3 — $9 \times 7 \times 1,70$ [м] — с западной стороны небольшая яма, в основном сохранность хорошая.

Курган № 4 — $5 \times 4 \times 1,3$ [м] — с северной и восточной сторон курган обрван рвами, ограждающими кладбище. Глубина рвов: 0,5–0,7 м.

Курганы заросли молодыми березками и кустарником.

ПУНКТ № 47

«РАЗРЕЗ ОБНАЖЕНИЯ КУРГАНА № 1»

[Из курганного могильника у дер. Рокот], М 1 см:20 м (16,5 см, в нижней части плана X 18,5 — в верхней), обнажение — трапециевидное в плане, [под дневной поверхностью, по-видимому, слой глины]. Надписи на плане: черный суглинок [от 2, 4 см до 3,5 см]; культ. слой, угли [0,8–1,2 см]; светлый песок.

Л. 52. На склоне долины р. Клец, 100–150 м на юг от городища, 800 м на юг от дер. Рокот, в обнажениях стен оврагов, промытых весенними водами, выявлен культурный слой мощностью 20–30 см, насыщенный древесным углем; в слое найдены многочисленные фрагменты лепной и в основном, кружальной керамики, славянской и средневековой. Угли встречены во всех местах выхода культурного слоя. Общая площадь памятника — 50–100 м (с севера на юг). Глубина макс <имального> залегания слоя — 60 см от дневной поверхности (пакеты 73, 74, 75, 76). [На л. 52 об. дана схема расположения этих памятников.]

Л. 52 об. «СХЕМА КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ У Д. РОКОТ» М 1 см: 100 м (10,5 см × 17,0); надписи на схеме {сверху — вниз}: д. Рокот, р. Клец, отмечены места обнаружения культурного слоя; на схеме проставлены №№ пунктов, их планировка, где были взяты образцы керамики — 44, 45, 46, 47.

ПУНКТ 48

Л. 53. «ИНЬКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ». М 1 см: 10 м (10,5 см × 17,0 см).

Надписи и пометы на плане [глазомерном]: место памятника героям войны 1812 г., старого кладбища, прорисованы окопы времен войны, площадка городища с валами, р. Клец.

Городище в д. Иньково, 50–70 м южнее памятника героям 1812 г. на высоком бугре с искусственно сровненными склонами (высота 12–15 м) и довольно ровной площадкой 50 × 20 м (площадка повреждена окопами немецкой арт. батареи). Шурфовка выявила культурный слой (желтый песок на глубине 10 см толщиной до 15 см, содержащий находки). В слое — многочисленные угольки, несколько фрагментов лепной керамики, железный гвоздь, кусочки обгоревшего дерева (пакет 77).

В 21.00 закончили переход из Рокота. Ночлег в д. Волоковая.

Л. 54. 16 августа 1966 г.

В 10.00 прибыли в д. Касплю. С утра — камеральная обработка материала Рокота и волока. С 14.00 обследование берегов оз. Каспля.

ПУНКТ 49

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА ОЗЕРЕ КАСПЛЯ

«Схема разреза берегового отложения [по линии] (АВ); М 1 см: 10 м (10,5 см × 5,0 см). Под глазомерной съемкой, отделенной одной чертой, имеется стратиграфическая экспликация, в виде заштрихованных прямоугольников, раскрывающая символы на плане: дерево, подзол, культ. слой, — желтый песок, содержащий кремни, угли, кер<ам>ику; желтый озерный песок.

Л. 54 об. На западном берегу оз. Каспли у старой запруды, в 30 м от выхода реки Каспли из озера на бичевнике и в обнажениях озерной террасы попадают кремневые отщепы и неолитическая керамика. В обнажениях береговой террасы на расстоянии 30–80 м от запруды и на поверхности террасы, занятой огородами (вплоть до поворота террасы, соответствующей заливу озера от металлической мачты ЛЭП и развалин старой мельницы), прослеживается культ. слой, содержащий кремневые отщепы, фрагменты керамики и угли. На поверхности террасы и на берегу, у кромки {продолжение на л. 55 об.} найдены фрагменты лепной керамики с крупными примесями кварца и шнуровой керамики (пакеты №№ 78–81).

«ГЛАЗОМЕРНЫЙ ПЛАН ПУНКТА 49 (неолитическая стоянка); М 1 см: 10 м (10,5 × 17,0 см); {надписи и пометы на плане:} р. Каспля, Старая

запруда, оз. Каспля, слева — неолитическая стоянка; линия ЛЭП и развалины старой мельницы.

Л. 55 (продолжение). ПУНКТ 50 — 100 м на юг от линии ЛЭП, на западном берегу озера [Каспля], на скалистой террасе в отложении выявлен культурный слой, содержащий угли, фрагменты лепной керамики с крупнопримесью кварца, железный гвоздь, отщепы кремня. Мощность слоя — 7–10 см, глубина залегания — 15–20 см.

«РАЗРЕЗ № 1» М 1 : 10 (7,3 см × 3,3 см); {пометы слоев справа от «разреза»}: дерн, супесь, культ. слой, желтый песок.

Л. 56. При зачистке выявлена угольное пятно (очажная яма?) глубиной 30 см, д мок. 40 см (пакет № 82).

«РАЗРЕЗ № 2» (8,5 см × 3,7 см), {пометы на плане: вертикаль: А — Б (с учетом и без учета слоя дерна и супеси), горизонталь Б — Б (сочетание дна «очажной ямы» и материка) — вид с лицевой стороны}; «Вид сверху» (3,7 см × 2,2 см) — {отмечена горизонталь линии А — Б и место соединения «очажной ямы» и супеси, проходящей вслед за слоем дерна}. Южнее на берегу культурный слой еще более мощный (до 30–40 см) густо насыщен углем. Нижняя часть К. С. [культурного слоя] содержит многочисленные отщепы кремня.

Л. 56 об. ПУНКТ 51

В непосредственной близости от пункта 50 (возможно, перекрытый сгоревшим селищем железного века), найдены кремниевые отщепы и фрагменты неолитической керамики (пакет 83, 88) [пункт 50, мощность слоя возрастает к югу, очевидно, на площадке террасы существовало хорошо сохранившееся селище, погибшее от пожара].

«РАЗРЕЗ № 3» М 1 : 20 (10,5 см × 6,0 см); надписи на схеме: культурный слой сгоревшего селища (с запада на восток): от 3,5 см до 0,7 см), неолитические находки.

Л. 57. СИТУАЦИОННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПУНКТОВ С НАХОДКАМИ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ ОЗЕРА КАСПЛЯ (10,5 см × 7,3 см); пометы и пояснения на схеме: отмечены пункты — 49 Н{неолит}, 50 (разрезы 1, 2), 51 (разрез 3), 52. Там же — бронзовая пластина и шнуровая керамика. Над сожженным слоем — фрагменты кружалной (славянской) керамики.

ПУНКТ 52

800 м на ЮВ от церкви, 300 м от каменного здания школы, 15–20 м от воды. Прямо под дерном мощный культурный слой, толщиной более 130 см, содержащий фрагменты лепной и кружалной керамики (пакеты №№ 84, 85, 86, 87). Слой виден в обнажении на 30 м.

Л. 57 об. ПУНКТ 53

Западный берег озера, 50 м южнее пунктов 50, 51 на высокой озерной террасе (высота над водой — 4–5 м) в береговом обнажении на протяжении 15–

20 м, в слое, залегающем на глубине 30–40 м, от дневной поверхности, найдены отщепы кремня и фрагменты неолитической керамики (пакеты 89, 90).

СИТУАЦИОННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПУНКТОВ С НАХОДКАМИ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ ОЗЕРА КАСПЛЯ (10,5 см × 9,2 см); пометы и пояснения на схеме: отмечены пункты {снизу — вверх, слева — направо}: 53, 50/51, ЛЭП, 49, 50; в центре схемы — оз. Каспля.

Л. 58. ПУНКТ 54

На западном берегу озера Каспля, 250–300 м на север от дер. Прудники, на крутом склоне в обнажении, на глубине 30 м от дневной поверхности [обнаружен] культурный слой мощностью 10–15 см, содержит угли и отщепы кремня (пакет 91).

ПУНКТ 55

100 м на северо-запад от дер. Прудники, на берегу залива озера, в обнажении террасы и на поле найдены отщепы кремня, фрагменты керамики: неолитической, лепной, с примесью кварца, кружальной (пакеты №№ 92, 93). Обследование и шурфовка на острове никаких следов слоя не дали. Найдены: 1 пластина кремневая, 1 фрагмент керамики. Местами — угли. (пакет № {отсутствует}).

Л. 58 об. Ребята, работавшие на разведку:

- 1) Барыжников Миша
- 2) Воронин Володя
- 3) Кочнов Вячеслав
- 4) Григорьев Виктор
- 5) Генеvронский Анатолий
- 6) Кондратов Николай
- 7) Прокопцов Анатолий.

Полевая работа закончена в 19.45. Вечером — камеральная обработка материала. Отправились спать.

Работа началась в 9.00. Камеральная обработка. Прекращена в 22.50.

18-е августа 1966 г.

С 9.00 — камеральная обработка. Закончена в 16.00.

Собираем вещи и уезжаем в Смоленск.

Дневник закончен. Г. Лебедев (подпись).

Л. 59. [ОПИСЬ МАТЕРИАЛОВ: там, где не указано название материала, имеются в виду фрагменты керамики; № — номер пакета.

Пакет № 6 — 5 отщепов кремня;

Пакет № 8 — 1 крица;

Пакет № 14 — 4 фрагмента [керамики];

Пакет № 18 — 5 фрагментов;

Пакет № 19 — 15 « — « — « — «;
Пакет № 24 А — 11 « — « — « — «;
Пакет № 24 Б — 12 « — « — « — «;
Пакет № 24 В — 10 « — « — « — «;
Пакет № 44 — 7 « — « — « — «;
Пакет № 43 — 8 « — « — « — «;
Пакет № 42 — 35 « — « — « — «.

Л. 59 об.

Пакет № 61 — 17 фрагментов (керамики);
Пакет № 64 — 21 фрагмент « — « — « — « — «;
Пакет № 62 — 6 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 60 — 8 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 77 — 6 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 29 — 6 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 30 — 20 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 31 — 9 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 35 — 40 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 37 — 17 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 38 — 7 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 39 — 1 фрагмент « — « — « — « — «;
Пакет № 27 — 8 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 26 — 5 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 10 — 29 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 11 — 2 фрагмента « — « — « — « — «;
Пакет № 28 — 29 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 12 — 3 фрагмента « — « — « — « — «;
Пакет № 1 — 8 фрагментов « — « — « — « — «;
Пакет № 3 — 9 кремней.

Л. 60. Пакет № 75 — 17 фрагментов (керамики); № 73 — 10; № 74 — 8; № 76 — 42; № 71 — 22; № 67 — 5; № 68 — 20; № 72 — 3 металл. предмета; № 78 — 35 кремней; № 79 — 12 фрагментов керамики; № 80 — 7 (фр. керамики); № 81 — 5 (фр. керамики); № 82 — 19 (фр. керамики); № 83 — 13 (фр. керамики); № 84 — 4 кремня, 75 фрагментов керамики; № 85 — 25 фрагментов керамики; № 86 — 4 (фр. керамики); № 87 — 15 (фр. керамики); № 88 — 15 (фр. керамики); № 89 — 20 (фр. керамики); № 90 — 40 (фр. керамики); № 91 — 3 (фр. керамики).

Л. 60 об. В дневнике пронумеровано всего 60 листов. Г. Лебедев (подпись).

П<ункт> 49 — крупное скребло, неолит, м. б. есть и бронза. Есть славяне и р<анний> жел<езный> век, III–IV.

П<ункт> 50 — неолит, славяне XIII–XIV.

П<ункт> 52 — с XI в. древнерусское селище.

{После л. 60 нумерации нет, №№ лл. 61–63 поставлены во время научно-технической обработки Полевого дневника и отделены круглой скобкой; подчеркнутые автором слова выделены красным цветом}.

Л. 61

Трушечкина Евдокия Кирилловна. Каспля, Смоленской обл., Заречная, 5 + Владимир Михайлович {учителя Касплянской школы, вместе со своими учениками — наши помощники, консультанты, ангелы — хранители}.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ: П. — №№ пунктов на маршруте:

П<ункт> 1 — место находок кремниевых орудий.

Возм<ожно>, п<оздний> мезолит, р<аний> неолит.

П. 2 — древнерусское селище (XII–XV вв.)

П. 3 — расколотые крицы, возможно, часть сколота (одно слово нрзб: мози...)

П. 4 — линейная керамика Тушемля

со ср. I тыс. V–VII (VIII?)

гончарная — славяне, средневековье, (XII–XIII и выше)

---- «» ----- — неолит {т. е. все относится к Пункту № 4}.

Л. 61 об. П<ункт> 5 — селище XVI [в.] и позже.

П. 6 — 1) Р<анный > жел<езный> век — I сто<летие> н. э., II — III н. э.

2) Тушемлинское V–VII вв.

П. 8 — Тушемля

П. 9 — I тыс. н. э.:

1) прямой венчик — р<анный> жел<езный> век

2) Тушемля

3) м. б., штрихованная балтская

4) есть славяне.

П. 10 — позднее селище после XIII в.

П. 11 — р<анный> жел<езный> век, пьяноборская II до н. э. — II в. н. э.

П. 12 — средневековая керамика.

Л. 62

П. 14 — бронзовые сплавы. Остатки сожжения. Длинные курганы (свод Чернягина).

П. 16 — возможно, урна.

[П. 15] Дроново селище —

1) Тушемля

2) I тыс. до середины и средневековье (XVI в.).

[П.] 17 — поздняя [керамика] (XVIII–XIX вв.)

{Далее — фиксируются названия памятников}:

КАСПЛЯ. XI–XII, XII–XIII в[в.] Погреб: XIV–XVI вв. и позже.

ЛУКЕССЫ — р<анный > жел<езный> век — до н. э., возможно, позже.

АЛФЕНИНО — селище: ориент<ировочно, времени> Киевской Руси, есть лепная, есть — XVI–XVII вв.

{Далее — с номерами пунктов на маршруте}:

[П.] 21 — XIV–XVI [вв.], есть древняя лепная

[П.] 23 — (неолит — скребковидное орудие), поздний неолит, насечка в елочку

[П.] 24 — 1-е века и III–V вв. н.э., и раньше, есть керамика (грубая п/п I тыс.)

[П.] 25, Ст. Лупихи {ошибочно написано: Лакесы} — селище I тыс.

[П.] 26 — средневековье

[П.] 28 — выход руды

[П.] 29 — позднее

Кислый Городец — до древнерусской поры, 1-е вв. н.э.

Л. 63

Селище у Кислой — Тушемля

Селище у деревни [Кислая] — XIV–XV вв.

[П.] 34 — древнерусское

[П.] 35 — средневековое

[П.] 36 — I тыс. н.э.

[П.] 40 — средневековое

[П.] 41 — скандинавы?

Рокот — р<анний> жел. век — в основе (1-е века)

Рокот селище — XVI в., м. б., более ранний (XIII?)

Иньково — др<евне->русское время.

ДОПОЛНЕНИЕ Г. С. ЛЕБЕДЕВА К ПОЛЕВОМУ ДНЕВНИКУ

Короткое предисловие

{С оборотной стороны Полевого дневника Г. С. Лебедев вел записи «Меню с 3-го августа по 15-е августа [19]66 [г.]», он о них никогда не упоминал, мы ничего об этом не знали, но они дают точное представление о нашем, в общем-то, скромном быте. Но в этой, на первый взгляд, странной и не особенно нужной детали — где, когда и чем мы питались — мне видится подход настоящего историка, для которого все, что касается работы, имеет значение. Эти записи добавляют к научному тексту Дневника те искры подлинной жизни, которые делают его фактом «живой истории» своего времени, фактом нашей биографии: в памяти мгновенно всплывают те места, где мы и устраивались-то «на перекус» на несколько минут, но, оказывается, запомнились навсегда. Здесь же Г. С. Лебедев записал слова песни А. Городницкого «У Геркулесовых столбов лежит моя дорога», которую Вас. Булкин привез к нам из Гнездова от московской археологической экспедиции Д. А. Авдусина. Каким-то таинственно-неведомым путем она пришлась всем по душе, соответствовала ритму работы именно в разведке, и распевали мы ее хором, или «мурлыча себе под нос» — ежедневно; были и песни Булата Окуджавы, от усталости и грусти, с большим чувством, почти со слезой, пели «Лучинушку»

и «От злой тоски — не матерись...», но «Геркулесовы столбы» заняли совершенно особое место, они были «наши» и «про нас».

Одеты все были очень просто, но своеобразно: у Глеба Сергеевича — именно так мы называли его чаще всего — гимнастерка, брюки, сапоги; саперка, нож, полевая офицерская сумка-планшет на длинном ремешке, фотоаппарат «Зенит», деловитость во всем — и портрет готов. Вид его производил на всех «сногшибательное впечатление»: стройный, в настоящей военной форме (а войну в этих краях помнили очень хорошо), серьезный взгляд синих глаз, короткая стрижка темных волос, убедительная речь, из Ленинграда, занимается наукой о происхождении славян — через пять минут о нашем появлении знала вся деревня и почти каждый хоть чем-то хотел помочь (если, конечно, мы не приходили в полночь и быстренько устраивались на ночлег в крайней хате, хозяева которой, судя по всему, привыкли к неожиданным гостям, ничему не удивлялись и называли нас геологами).

Чтобы как-то закончить рассказ о том, как мы были собраны, добавлю, что все остальное в большой рюкзак любимого сына и нашего начальника его мама, Нина Григорьевна Лебедева, уложила сама: носки, портянки, рубашки, носовые платки, майки, футболки, купально-умывальные принадлежности, бритвенный прибор, несколько кусков мыла, одеколон, домашние тапочки и опять же тренировочный костюм, без которого, по-видимому, жизнь в те времена была просто непредставима. У меня — два темно-синих тренировочных костюма (тонкий и теплый, с начесом), мужские рубашки, свитера, панамка и головные платки, тапочки и кеды — для переходов, закрытые туфли — для работы в раскопах, шурфах. В моем же темно-зеленом рюкзаке — канцтовары и «дорожная аптечка». У Вас. Булкина — светлые полотняные брюки для переходов, клетчатые рубашки, тренировочный костюм — для работы на памятниках. Выглядел он так: высокий, стройный, с веселыми голубыми глазами, очень светлой кожей, никогда не впадающий в хандру; шагали они с Глебом Сергеевичем по неведомым дорогам и часто без всяких дорог, стараясь, чтобы я не очень отставала, мгновенно «оценивали» городище, размеры пятна культурного слоя, и все это было «без звериной серьезности», с шутками — прибаутками, в том смысле, что работа, даже тяжелая и однообразная, когда хорошо ее делаешь, приносит и удовольствие, и радость.

Из продуктов нами были взяты с собой «всевозможные сухости» — пачки печенья, сухарей, сахара, кофе, чая. Кроме того, у каждого был груз вермишели, рожков, тушенки, как и сказано в Каспийском гимне: «Мы лапши в рюкзаки напихали...» Сельские магазины были почти пусты: венгерское сало, пряники, рыбные консервы, бочки с селедкой, карамель, даже хлеб был не всегда. Приходили мы в деревни поздно, уходили рано, но все наши каши и отварная картошка — то, чем могли нас угостить наши хозяева. Все наши завтраки в поле и так называемые обеды и в 21 и в 23 часа вечера — все готовилось на костре, в двух котелках, подвешенных на железной проволоке, прокопченных до невозможности, но мыли их и чистили песком каждый день — приказ начальника, ничего не поделаешь. Чашки, кружки, плошки — все эмалированное, ложки — алюминиевые, на случай потери — по две штуки у каждого, только у меня была еще стеклянная кружечка с маленькой ложкой, все это я в конце концов где-то забыла. Для хлеба, масла, сала и для овощей — отдельные ножи. Уже в то время Глеб для кофе носил с собой небольшой термос, «НЗ» <неприкосновенный запас>, и выпрашивали мы с Василием из него: «Ну — ма-лю-се-нь-ки-й глоточек», — в самом крайнем случае. Чай заваривали в большой кружке. Даже для крохотных перекусов — чай, печенье — устраивались «как дома»: мыли руки, на белом полотенце — «накрывали на стол», подкладывали под спину

рюкзак, вытягивали ноги, прикрывали глаза и блаженно отдавались тишине и покою, похрустывая печеньем и запивая его душистым, еще из Ленинграда, индийским чаем «Три слона». Финальный сюжет — Глеб закуривал свой «Беломор», а при очень хорошем настроении — короткую трубочку с «Капитанским табаком», его голубые, как проплывающие облака, клубы дыма, несли запахи тропических стран и дальних странствий; мы с Василием курили сигареты, но, мне кажется, редко, «без фанатизма». Поднимались быстро, как по команде. Василий строго произносил: «Все осмотрели? Ничего не забыли?» И в путь.

Листы «Меню» автором не были пронумерованы, нумерация дана при научно-технической обработки. Как и в основном Дневнике — многие карандашные записи с угасающим, трудно-читаемым текстом}.

Л. 1. «Меню с 3-го по 15 августа [19]66 г.»

3 августа

Завтрак: яйца, вареная картошка, огурцы соленые, чай с печеньем.

II завтрак: чай с сахаром, печеньем.

III завтрак: хлеб с салом, печенье, сахар, вода (значит, костер разжигать не стали).

Обед: яйца вкрутую, суп из белых грибов, яичница с салом. Помета: на берегу Акатовского озера, у курганов.

Ужин: (у директора школы в Холме) огурцы малосольные и свежие, чай с сахаром и хлеб.

4 августа

Завтрак: картошка, жареная на с<ливочном> масле, огурцы; суп молочный с клецками, чай с сахаром (я думаю, это все приготовила жена директора школы, а ужин был таким скромным из-за нашего позднего появления в д. Холм).

II завтрак: пиво, чай с сахаром, с хлебом.

III завтрак: хлеб с салом, чай с сахаром, с печеньем.

IV завтрак: печенье с сахаром.

Обед: каша перловая на сале с яйцами и жареным луком. Огурцы свежие, яблоки, печенье, компот яблочный. Помета: Диво (озеро).

5 августа

Завтрак: яйца вкрутую, огурцы, яблоки, хлеб.

II завтрак: суп картофельный с яйцом и жареным салом (так называемая «затируха», если готовить не торопясь, получается очень вкусно), огурцы свежие, яблоки, свежий хлеб (т.е. его нам испекли в деревне), чай.

Л. 1 об.

Ужин: чай с сахаром, хлеб с салом, огурцы соленые.

II ужин: чай, сахар, яблоки.

6 августа

Завтрак — жареный картофель со свиной тушенкой, огурцы соленые, молоко (сгущенное), чай, сахар, хлеб.

II завтрак — чай с яблоками, сахаром.

III завтрак — (Помета: на Шуровщине) вода, сахар, хлеб с салом, рыбные консервы (Г. С. Лебедев из-за сильнейшей аллергии с первых дней своей жизни не переносил не только рыбных продуктов, включая икру, но и рыбный запах; так что рыбные консервы откусивали я и Василий Булкин; но он, в свою очередь, не мог видеть молока, тоже начиналась аллергия, а все втроем с огромным трудом мы могли смириться с венгерским салом, приходилось его надевать на проволоку, чтобы оно немного обтаяло и хоть чуть-чуть стало съедобным), яблоки, огурцы.

IV завтрак — вода, сахар (видимо, так умаялись, что и чай не было сил вскипятить и взяли воду из крохотного ручейка; ямка, из которой мы ее набирали маленькой кружкой, была величиной с ладошку, почему и запомнилась).

Ужин — молоко парное со свежим хлебом и с разумным перерывом для пищеварения, Глеб, уже вместе с Василием, откушали все остальное: огурцы соленые и свежие, чай, сахар, хлеб.

7 августа

Завтрак — рисовая каша на молоке, лапша со свиной тушенкой, огурцы свежие, чай сахар, хлеб.

Л. 2. II завтрак — пиво.

Ужин — пиво, белый хлеб, сало с луком, огурцы свежие и соленые, кофе черный с сахаром и печеньем.

8 августа

Завтрак — отварная картошка, каша ячневая на молоке, сол. и свежие огурцы, хлеб черный и белый, кофе черный с сахаром, печенье.

II завтрак — печенье.

Обед — лапша обжаренная со свиной тушенкой и салом, ячневая каша со свиной тушенкой, хлеб белый и черный, компот из сухофруктов, печенье.

9 августа

Завтрак — отварная картошка со свежими огурцами, каша ячневая на молоке, хлеб белый и черный, печенье, чай с сахаром.

II завтрак — отварная картошка, свежие огурцы, черный хлеб, чай, сахар, печенье. (Помета: после перехода р. Каспли вброд — при этом я сначала провалилась в какую-то яму, потом меня понесло по течению, но зацепило за корягу, откуда меня и извлекли. На моих спасителей вся история не произвела ни малейшего впечатления: «Подумаешь — событие, не утонула — хорошо».)

ЛЛ. 2 об. — 3: слова песни «У Геркулесовых столбов лежит моя дорога» — так записал ее Глеб Лебедев:

У Г<еркулесовых> ст<олбов> лежит моя дорога,
У Г<еркулесовых> ст<олбов>, где плавал Одиссей.
Меня забыть ты не спеши,

Ты подожди немного —
И вина сл<адкие> не пей,
И частых слез не лей.

Еще над темной глубиной
В чужих краях не спим мы
Еще к тебе я доберусь
Не знаю сам, когда
У Г<еркулесовых> ст<олбов> дельфины греют спины
И между 2-х материков
Огни несут суда.

Л. 3

Еще под парусом тугим
Морочит нас тревога
Вдали от царства твоего
От ц<арст>ва рук и губ
Пускай пока моя родня
Тебя не судит строго
Пускай на стенке повисит
Мой запыленный лук.

У Г<еркулесовых> с<толбов>
Лежит моя дорога
Пускай попутные ветра
В твою стучатся дверь
Меня оплакать не спеши
Ты подожди немного
И черных платьев не носи
И женихам не верь.

* * *

9 августа, 8 ч. в<ечера>. Ужин (обед) — суп гороховый с тушенкой; картошка жареная с грибами, огурцы соленые и свежие, помидоры, хлеб белый и черный, кофе черный с сахаром, печенье.

Л. 3 об.

10 августа

7 ч. Завтрак — каша ячневая, картошка жареная с маслом, картошка отварная, огурцы свежие и соленые, хлеб белый, чай с сахаром, печенье.

П завтрак (12 ч.) — картошка отварная с солью, огурцы свежие, хлеб черный, чай с сахаром, печенье.

Полдник (17 ч.) — молоко, огурцы свежие.

(д. Язвище) — «» — соленые, чай с сахаром, хлеб черный, печенье.

П полдник (19 ч.) — вода, сахар, печенье.

22 ч. Ужин (д. Кислая) — борщ украинский со сметаной, молоко, хлеб. Огурцы малосольные.

Л. 4

11 августа

Завтрак (д. Кислая) в 8.00 отварная картошка с жареным салом, каша рисовая на молоке, огурцы малосольные, хлеб, молоко.

II завтрак (12 ч.) — молоко, огурцы свежие, хлеб, печенье, сало, брусничная вода.

Полдник (16.30) — лимонад вишневый, пирожки с повидлом, пряники. (Каспля).

Обед (21.00) Володя {Назаренко} не приехал.

{Эту запись Г. Лебедева нужно пояснить: мы приехали на вокзал станции Каспля, куда, по договоренности еще в Ленинграде, должен был 11 августа приехать В. А. Назаренко, чтобы заменить Вас. Булкина, который на следующий день уезжал от нас в Гнездово, он не приехал, поэтому Глеб и сделал эту запись.}

Суп гороховый со свиной, картошка отварная с тушенкой, сладкий салат, огурцы соленые и свежие, белый и черный хлеб. Вино, яблоки, Ркацителы (сорт винограда).

Л. 4 об.

12.08.66 г.

Завтрак — картофель жареный с тушенкой, каша ячневая на молоке, огурцы свежие и соленые, кофе черный с сахаром, пряники.

II завтрак (16.00) — огурцы свежие, хлеб белый, вода брусничная, сахар, пряники.

Полдник (на кургане) — огурцы свежие с хлебом.

Ужин I — кофе черный с сахаром, огурцы сол., молоко топленое.

Ужин II — молоко, булка.

13.08.66 г.

Завтрак (станция Волоковая) — отварная картошка с огурцами солеными, хлеб, булка, молоко.

11.00, II завтрак — яблоки с хлебом.

14.50, III завтрак — сахар.

Л. 5. Обед в 16.30, Куприно: хлеб белый, яблоки прекрасно (?) консервированные, сыр копченый, галеты «Спортивные», печенье «Шахматное», вода — колодезная. {Это почти стихотворение и когда его прочитаешь с выражением становится очень смешно, потому что с серьезным видом перечисляются не очень-то серьезные и вкусные вещи и оно, т. е. перечисление и то, как оно выстроено, приоткрывает редко-уловимую черту характера Г. Лебедева — замечательный, чисто английский юмор и деловитую ироничную серьезность в очень смешных вещах.}

Ужин [в] 22.00, Смоленск: кофе черный с сахаром, булка, яблоки.

14.08.66 [г.]

Завтрак в 7.15, Смоленск: кофе черный с сахаром, булка, яблоки.

Завтрак в 9.00 в поезде: кофе черный, печенье.

Завтрак в 11.00 в пути: сало венгерское, сыр плавленый «Новый», сельдь тихоокеанская консервированная, кофе черный с печеньем, вода.

Завтрак в 14.00 в пути: вода, печенье, сахар.

Завтрак в 15.00 в Рокоте: яблоки в неограниченном количестве, вода.

Л. 5 об.

Завтрак 16.20 (Рокот) — яблоки, печенье.

Завтрак в 18.00 — яблоки, печенье.

Ужин в 21.00 (Рокот) — каша рисовая, картофель с огурцами свежими, сало, хлеб черный, чай, сахар.

15 августа [19]66 [г.]

Завтрак (9.00, Рокот): картофель отв<арной> с огурцами свежими, яблоки, сало венгерское, молоко, чай, сахар, хлеб.

Обед (13.30, Рокот): яблоки, молоко, чай, сахар, хлеб, картофель отв<арной>, огурцы сол<еные>, свеж<ие>, сало венгерское.

Полдник (Иньково, 16.00): яблоки, хлеб, сахар, вода.

II полдник (Заборье, 19.00): яблоки, огурцы, свежий хлеб, сало венгерское.

Ужин (Волоковая, 22.00): картофель отварной с жареным салом, молоко, хлеб белый и черный. Помидоры.

Л. 6. На последнем листе — на память — Г. С. Лебедев нарисовал план той части г. Смоленска, где жил Е. А. Шмидт, и показал стрелками путь к его дому, куда мы и отправились, закончив «труды наши». У Е. А. (хотя мы предварительно позвонили) был такой растерянно-удивленный вид, будто он не верил своим глазам, что мы действительно появились. Рабочую встречу перенесли в музей, куда мы, встретившись с В. Петренко, В. Кольчатовым и И. Портнягиным, плотно пообедав, отнесли все наши материалы и фотопленки. На другой день Г. С. Лебедев успел сделать небольшое сообщение о проделанной работе, оно вызвало такой восторженный прием музейного народа, словно мы вернулись не из разведки по Каспле, а из Новой Гвинеи, где нас на каждом шагу ожидали опасности, а речь велась не о керамике, а по меньшей мере о бивнях мамонта и охоте на львов. Но мы и сами чувствовали, что за это время у нас словно изменилась формула крови, вся структура организма, появилась уверенность в том, что если нам по силам такие испытания, то, несмотря ни на что, свой путь следует прокладывать по компасу преданности науке и честного служения ей.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛОВ О СМОЛЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1966 ГОДА, ШКОЛЕ Е. А. ШМИДТА, НАШИХ ПРОБЛЕМАХ

Никто, кроме Г. Лебедева, в этой экспедиции не вел Полевых дневников (во всяком случае, я таких не видела). Е. А. Шмидт не обращал на это внимания, вероятно, считая само собой разумеющимся, что студенты — археологи второго-третьего курсов Ленинградского университета, большинство из которых уже имели опыт работы в нескольких экспедициях, знают о порядке ведения полевых работ и спрашивать об этом бестактно, словно ставя под сомнение уровень «почти столичной школы», о преимуществах которой, например, перед московской все любили поговорить.

На практике все оказалось не так. В 1-м отряде только И. Портнягин приблизительно фиксировал пункты археологических находок, вел фотофиксацию, но без характеристики маршрута, без снятия глазомерных планов городищ, курганов и селищ. Вас. А. Булкин, из нашего 2-го отряда, поскольку его отсутствие в Дневнике руководителем отряда было зафиксировано в единственной записи от 14 августа, что он «оторвал его от Гнездова», Полевого дневника вообще не вел. Думаю, что в дружеской просьбе отпустить его на несколько дней сначала в Смоленск, затем в Гнездово к Д. А. Авдусину, а потом в Ленинград «для поступления в Университет» (точнее, о переводе с вечернего на дневное отделение кафедры археологии) Г. Лебедев отказать не мог, но сделать это официально было нельзя: Е. А. Шмидт не разрешит бы основную и очень сложную часть маршрута (с большим объемом работы, переходами, обмерами, переносом тяжестей — все пакеты с материалами приходилось переносить на себе) пройти вдвоем. Поэтому запись в Дневнике только одна, а Г. Лебедеву, который всю ответственность взял на себя, пришлось работать за двоих. И как итог: от «Разведки по р. Каспле — 1966 г.» сохранился единственный Полевой дневник — Г. Лебедева.

Он вел его так, как будто это был не первый, а сто первый дневник в его жизни: внимательно, сосредоточенно, не торопясь, ни на что не отвлекаясь; вообще его роль прирожденного лидера, интеллектуала и организатора проявилась в этой экспедиции совершенно определенно. Можно с уверенностью сказать, что 3,5 года в армии, куда его взяли весной 1962 г., не только не пропали даром, но дали свои плоды: именно там он научился блистательно вести глазомерную съемку, освоил все необходимые приборы и приобрел профессиональные навыки. Постоянно переписывался с Л. С. Клейном, К. С. Колобовой, несколько писем были написаны деканом факультета истфака, доктором исторических наук В. В. Мавродиным, где он отвечал на его вопросы и прислал очередной список литературы; именно под его руководством он успел до ухода в армию написать и защитить свою первую курсовую работу. Посылки с книгами по истории, археологии, этнографии, истории искусства, архитектуре высылали ему регулярно, в том числе — из Публичной библиотеки (этим зани-

малась его мама — Нина Григорьевна Лебедева (урожд. Тимофеева; 14 октября 1920 г., Ленинград — 15 ноября 2006 г., Санкт-Петербург); так же регулярно он занимался языками (немецкий он хорошо освоил еще в школе, в армейские годы продолжая им заниматься, добавил английский и французский, а затем и шведский, стал свободно читать старо-славянский, разбирать руническое письмо). Служба проходила в местечке Тейково под Рязанью. Здесь собралось несколько ленинградских студентов, была набитая книгами большая комната, которую несколько лет никто не открывал. Здесь обнаружили хорошую библиотеку с энциклопедиями, словарями, Джеком Лондоном, русской классической литературой и полными собраниями сочинений классиков марксизма-ленинизма. Это собрание Г. С. Лебедев несколько месяцев тщательно разбирал и систематизировал, а затем читал и конспектировал: «На тщательное изучение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и даже Мао Цзэдуна — говорил он, — в обычной студенческой жизни у меня никогда бы не было времени, а здесь — сколько угодно».

Отмечу, что с Евгением Альфредовичем Шмидтом, руководителем Смоленской экспедиции, доцентом Смоленского педагогического института, по Открытому листу которого мы работали, у него почти с первого дня знакомства сложились доверительно коллегиальные, подчеркнуто уважительные отношения. Я думаю, что Смоленская экспедиция стала необходимым звеном, «Путевкой в жизнь», для становления и развития на базе Университета, а затем и при активном участии археологического кружка при Городском дворце пионеров и школьников, Ленинградской археологической школы.

В сезоне 1966 г., как в магическом кристалле, соединились раскопки «длинного» кургана в Шугайлове, работа в Смоленском музее, разведка по Каспле — все это было продумано и организовано Г. Лебедевым. Неожиданно оторванный от университетского сообщества, заброшенный на три с половиной года в пос. Тейково на окраине г. Рязани, истосковавшийся по археологии до такой степени, что невозможно себе представить, он рвался к работе, «дышал и не мог надыхаться ею», как все ему было бесконечно дорого, интересно, важно и необходимо. Однако участие Е. А. Шмидта — системно-образующий фактор, без которого все это просто не могло состояться. Принять самое доброжелательное и деятельное участие в оказании ленинградским студентам — археологам всемерной помощи в «поисках варягов» на Смоленщине, их речных и торговых путей, изучения волоков, требовало немалого личного мужества, если не героизма, потому что нас могли по-отечески пожурить, он — мог остаться без работы. При этом Е. А. Шмидтом была найдена интуитивно-выверенная грань в подготовке нас к разведке, без педантизма, наукообразия или высокопарных наставлений. Все было совершенно естественно — в форме доверительных бесед или «работы на натуре» он незаметно, между делом, учил нас методике работы в разведке, к фиксации совершенно разных памятников: неолитических стоянок, городищ, курганов, могильников, селищ — применительно к топографии Смоленщины.

Эти десять дней в дер. Шугайлово, кроме работ на кургане, поездки в музей и работы с музейными коллекциями, были напряженной ежедневной совместной работой Е. А. Шмидта и Г. Лебедева по детальной разработке маршрутов для двух отрядов (В. Петренко категорически отказался заниматься этим), уточнения системы картографирования, фотофиксации: по семь схем для каждого отряда с указанием известных памятников (городищ, курганных групп, селищ — их все нужно было тщательно проверить и зафиксировать их состояние); вопросительными знаками отмечались те места, о которых необходимо собрать информацию, а в примечаниях к маршрутным схемам — имена учителей истории, литературы, влюбленных в историю родного края директоров школ и завучей, краеведов — все они были лично знакомы с Е. А. Шмидтом, любили его, переписывались, сообщая о всех своих находках и открытиях. Именно они, но это было в больших селах, оказывали нам помощь в ознакомлении с материалами школьных краеведческих музеев, собирали учеников для помощи в нашей работе, помогали в решении бытовых вопросов: устраивали на ночлег, подкармливали свежесваренной картошкой, поили топленым молоком, топили баню, снабжали в дорогу свежеспеченным хлебом и шаньгами с картошкой, удивительный и родной запах которых смешивался с запахом свежескошенных луговых трав, влажным дыханием Каспли, блаженно-теплых августовских дней и уже холодноватых, расцветенных звездопадами ночей.

Сложности были, как нас и предупреждал Е. А. Шмидт, в сборе топонимического материала, без знания которого «привязка» памятника недостоверна: по картам разного времени (еще раз — спасибо Евгению Альфредовичу Шмидту и всем учителям географии на нашем пути!) уточняли названия речек, ручьев, притоков Каспли, Жереспей, Свадицы, разных озер, дорог, урочищ, оврагов, заброшенных кладбищ, деревень, лесничеств, городищ, курганов и т. д., иногда приходилось пройти несколько километров, чтобы натолкнуться или сломя голову бежать за пастухом, трактористом, редким случайным прохожим, которые могли бы ответить на наши, как они говорили, «вовсе удивительные вопросы». Там, где не было школы, подробно расспрашивали жителей деревни, причем мужчины часто оказывались очень просвещенными: сколько километров до деревень или курганов, когда их распахали, что нашли, где проходят заброшенные дороги, места старых кладбищ, названия сожженных в войну деревень, и особенно все любили разговоры о курганах и сопках. Умение быстро и квалифицированно ориентироваться в обстановке, вызвать доверие и серьезное отношение у слушателей к своей работе, «разговорить» человека, вместе с ним начертить карту местности — все это позволило Г. Лебедеву уже в этой экспедиции преодолеть сразу несколько ступеней ученичества и выйти на иной, самостоятельный уровень в постановке и практическом решении научных задач.

Однако к работе «на местности», умению грамотно вести глазомерную съемку, готовы были только Г. Лебедев и Вас. Булкин. Остальные считали,

что «ничего особенного в этом нет, как-нибудь сами справимся». Но для Е. А. Шмидта это было самым главным в нашей работе, то, чего не хватало для составления археологической карты Смоленской области: топографически достоверных, в масштабе снятых планов городищ и селищ, их археологически точных описаний, а также собранного там материала. Именно поэтому почти половина Дневника Г. Лебедева заполнена превосходно выполненными графическими работами. Все остальное было знакомо почти всем: сбор подъемного материала, камеральная обработка, шифровка, закладка шурфов, а если необходимо, то и раскопов, их графическая фиксация и описание.

Неподготовленность к фиксационной работе привела к тому, что 1-й отряд (Портнягин, Петренко, Кольчатов), не думая о последствиях и взятых на себя обязательствах, не выполнил работы и вернулся в Смоленск, показав к разведке по Каспле, по определению Е. А. Шмидта, «удивительное легкомыслие и безответственность». Когда выданные и рассчитанные на 20 дней командировочные деньги стали заканчиваться, примерно через 10 дней после выхода на маршрут Петренко и Портнягин поссорились, вернулись в Смоленск, дождались нашего возвращения, позднее В. Кольчатов и И. Портнягин получили положительные отзывы о работе; Портнягин уехал в Новокузнецк, а Петренко — в Ригу. Отмечу: с этого времени ни Петренко, ни Портнягин ни в одной из наших экспедиций участия не принимали. Положение Володи Кольчатова, как оказалось, самого ответственного участника отряда, было самым сложным: оставаться одному на маршруте по правилам техники безопасности было нельзя, присоединиться к нашему отряду он не мог, так как найти нас на маршруте без специальной связи (т. е. без рации) было невозможно, и он принял единственно правильное решение: остался в Смоленске, приводя в порядок имеющиеся материалы, дождался нас, и мы все вместе, после встреч со Е. А. Шмидтом и передачи собранных коллекций в музей, отправились в Ленинград.

В конце августа, в Ленинграде, на общем собрании экспедиции было объявлено, что 1-й отряд работы не выполнил и, по сути дела, сошел с маршрута. Чтобы исправить положение, Г. С. Лебедевым был организован 3-й отряд в составе В. Назаренко, М. Т. Петрова, Э. У. Стамбульник — студентов пятого курса кафедры истории искусства истфака, которые под руководством В. Назаренко, в сентябре (в течение приблизительно восьми дней) в общем плане (у них возникли проблемы из-за болезни Э. Стамбульник) завершили работы по обследованию низовьев р. Каспли.

Оставался вопрос о том, какие характеристики будут отправлены на кафедру археологии, но здесь проявились характерные черты Г. Лебедева: доброта, умение прощать, дружеская взаимопомощь в любых ситуациях. Таким образом, все обошлось благополучно: характеристики были, хотя и разные по объему, но только положительного свойства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмидт Евгений Альфредович — заслуженный деятель культуры, доктор исторических наук, профессор истории Смоленского государственного университета (быв. Педагогического института). Родился 6 декабря 1920 г. в г. Рудня Смоленской обл. Детские и юношеские годы провел в Брянской обл., где впервые приобщился к краеведческим изысканиям. Поступив на факультет биологии в Смоленском педагогическом институте, завершил его в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина на факультете биологии и химии (1947 г.). С этого времени по 1962 г. работал в Краеведческом областном НИИ, и первые публикации связаны с этой тематикой: «Водоемы, рыбы и рыбное хозяйство Смоленской области». Одновременно начал работать в археологических экспедициях П. Н. Третьякова и Д. А. Авдусина, под руководством которого он закончил (по-видимому, заочную) аспирантуру на кафедре археологии в МГУ им. М. В. Ломоносова, защитился и в 1962 г. перешел на работу в Смоленский пединститут на кафедру всеобщей истории, где в течение нескольких лет уже преподавал «Основы археологии». В 1981–1993 гг. заведовал этой кафедрой. Стал крупным специалистом в исследовании памятников Верхнего Поднепровья и Подвинья. Проводил раскопки городищ в Новых Батеках, Холме, Куприно, Близнаки; курганов и могильников в Харланово, Шугайлово, Заозерье, Акатове. Автор 150 научных публикаций (из них более 20 — в журнале «Советская археология», МИА), 9 монографий. Основные работы: «Курганы XI–XIII веков у деревни Харланово в Смоленском Поднепровье» (1957), «Древние племена Смоленщины» (1963), «Племена Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов» (1972), «Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродвинские племена» (1992). Много времени посвятил пропаганде, охране и защите памятников археологии родного края.

2. Портнягин И. Г. — студент третьего курса кафедре археологии ЛГУ; приехал поступать в ЛГУ из г. Новокузнецка, куда он и вернулся, вместе со своей женой Ириной Портнягиной (также студенткой истфака, кафедра истории СССР) после окончания Университета. Ко времени Смоленской экспедиции у них был примерно годовалый сын, которого они вскоре отправили к родителям Ирины в Новокузнецк, а в полученной ими комнате университетского общежития — на пр. Добролюбова, Игорь, очень хороший фотограф, смог оборудовать маленькую фотолабораторию. В 2011–2012 гг. это пятиэтажное каменное здание у Биржевого моста (предыдущее название: мост Строителей) было снесено до основания для создания Набережной Европы. Биографические сведения о дальнейшей судьбе И. Г. Портнягина (1945–1985) очень скудны. Лишь в статье Г. С. Лебедева «От редактора» в монографии «Археология и не только...» (СПб., 2002) упомянуто, что после Каспийской разведки И. Портнягин работал у известного археолога М. П. Грязнова, сначала в Красноярской археологической экспедиции, а затем в течение многих лет ездил к нему в Туву.

3. Петренко Валерий Петрович (1943, Новая Ладога, Ленинградская обл. — 1991, Санкт-Петербург) — историк-археолог, из семьи военнослужащего. После демобилизации отца семья переехала на жительство в г. Ригу, где он закончил среднюю школу. По существующим тогда требованиям для поступления в высшее учебное заведение требовался трудовой стаж, который В. Петренко получил, работая слесарем на РЭМЗ. Поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ в 1964 г., закончил — в 1969-м. По окончании Университета получил распределение в Эстонское республиканское реставрационное управление, но уже осенью 1970 г. вернулся в Ленинград и был

принят научным сотрудником в Староладожский музей (во время его создания в статусе Областного краеведческого музея). Под руководством А. Н. Кирпичникова работал в Староладожской экспедиции. Со времени ее стационарного оформления в 1972 г. был оформлен на должность старшего лаборанта, с 1979 г. — научного сотрудника в сектор славяно-финской археологии ЛОИА. В 1980-е годы руководил Ивангородской экспедицией. Занимаясь исследованием сопки Поволховья, неоднократно руководил собственными отрядами. Запоминающимся и, наверное, единственным в истории Старой Ладogi событием было то, что раскопанная им сопка в урочище Победище (1977) была под его руководством полностью восстановлена¹. Список научных работ В. Петренко (за 1970–1990 гг.) включает 52 наименования (статьи, доклады, сообщения, тезисы).

В дер. Шутайлово, где под руководством Е. А. Шмидта мы вели раскопки кургана, прерванные проливным дождем, продолжавшимся несколько дней, он рассказывал, что едва ли не с 12 лет стал заниматься вольной борьбой, был мастером спорта среди юношей, победителем республиканских соревнований в среднем весе, входил в юношескую сборную Латвии. В студенческие годы В. Петренко выделялся среди сокурсников: ладно скроен и ладно сшит, крупный, около 180 см ростом, он имел характерную фигуру борца с широкими плечами, особой, чуть с наклоном вперед, постановкой всего корпуса. Едва заметная неуклюжесть движений сопровождалась молниеносной реакцией; к беглому портрету следует добавить несколько живописных мазков: короткая стрижка светло-пепельных вьющихся волос, уверенно-победительный взгляд голубых, словно чуть выгоревших, глаз, а дымчатые очки в дорогой оправе — большая редкость в то время — придавали значительность его лицу и подчеркивали сходство с очень популярным в то время польским киноактером Збигневом Цибульским из фильма А. Вайды «Все на продажу». С особой, я бы сказала — прибалтийской, элегантностью, Валерий носил любимые светло-серые костюмы, хорошо танцевал, учился без всякого напряжения, но и без увлечения, в любой обстановке держался уверенно и спокойно, но за всем этим чувствовалась неумемное стремление, может быть, даже страсть — быть первым во всем, и ревность к успехам других. До «академической» (т. е. до 1979 г.) страницы своей жизни В. Петренко часто бывал в нашем доме, обсуждая с Г. Лебедевым свои работы, планы, проблемы. Постепенно дружески-доверительные отношения сошли на нет, и встречи их в августе — сентябре 1991 г. оказались последними. Глеб Лебедев вызвал из Риги мать Валерия, которая ничего не знала о болезни сына; с помощью врача-онколога Ю. Б. Жвиташвили его удалось быстро госпитализировать, провести несколько консультаций, но прогноз был неутешительным: умер В. П. Петренко 9 сентября 1991 г.

Многим участникам археологических экспедиций 1970–1990-х годов В. Петренко запомнился как исполнитель авторской песни под аккомпанемент гитары. Поскольку они высоко ценились и часто пелись Г. С. Лебедевым, приведу их в его записи. Известно, что со времени службы в армии и почти до последнего дня жизни, т. е. с начала 1960-х до 2003 г., Г. С. Лебедев вел дневниковые тетради «Записей», и хотя он называл их «нерегулярными», они охватили основные события его жизни. В Записи от 15 мая 1968 г. говорится: «Прежде чем начать писать о Ладoge, я хочу записать здесь наши гимны, сложенные Валерием Петренко — скальдом «старшей дружины». Эти гимны сложены — первые два в 1966 г. в Каспьянской разведке, третий — совсем недавно, в конце 1967 г.

---

¹ Археологические открытия 1979 года: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б. А. Рыбаков]. М.: Наука, 1980. С. 25–26.

Гимн первый

По звездам Млечного пути
Лежит отцов дорога.
По звездам Млечного пути
Драккар в морях летит.
Туда, где нежный юг заснул,
Не чувствуя тревоги,
Где тускло золото блеснит,
Где смерть людей косит.

Здесь, на земле чужих богов
Не властен грозный Один.
Здесь Тор меня не защитит,
И Фрейя скроет лик,
И только старый добрый меч,
Да щит из бычьей кожи
Отважных викингов хранит
От сотен вражьих пик.

Меха Гардарики лесной,
Коварных греков вина.
Янтарь с балтийских берегов,
Все для тебя одной
Я соберу к ногам твоим
Все украшения мира,
Пусть только Фрейя сохранит
Твоей любви тепло.

Но путь в Византию далек
Под небом нелюбимым.
И разлюбив, жена уйдет
В чужой коварный род.
Тогда все золото свое
Я замурую в глину,
И пусть один лишь скальд поет
О подвигах былых.

По звездам Млечного пути
Легла моя дорога.
По звездам Млечного пути
Драккар на юг, лети
От родового очага
И от друзей далеко
Туда, где лижет берега
Лазурная волна —
Туда, где слышен брани крик,
Где жизнь полна тревоги,
Где можно вволю вина пить
И королев любить.

Гимн оголтелого норманизма

(песня Каспьянской экспедиции 1966 г.)

Портнягин, Кольчатов, Петренко

Мы по речке, по Каспле, идем.
Мы лапши в рюкзаки напихали.
И для бедных славистов несем
Норманизма седого скрижали.

Припев: В деканат, в партбюро, в деканат
Археологи тащатся в ряд.
Это кто-то из наших, наверно,
Языком трепанул чрезмерно!

И в покинутом Клейном краю
Тонем в речках мы в поисках брода.
Но в борьбе за идею свою
Сложим кости на благо народа!

Обросли, только кости да тлен,
Да угрюмых чреда километров
Лучше сгинуть, чем мерзостный плен,
Лучше смерть, чем шатанье под ветром.

Под крутым, под свирепым норд-остом,
Тем, что дует сильнее и сильней,
Не грусти, что остался лишь остов
От бесстрашных варяжских ладей.

Не хватаем ни звезд, ни наград.
Только просим — ох, дайте свободу!
Нам приставка чужда — «кандидат»,
Мы согласны на хлеб и на воду.

Мы храним свои мысли в ларе,
Под семью пребольшими замками,
И лишь только на смертном одре
Сможем крикнуть:

«Победа за нами!»

Гимн викингов

Пусть не спорят потомки,
почему и зачем,
Дом оставив свой отчий,
уходили совсем
К неизведанным странам
мы на шатких ладьях,
К неизведанным странам
в неизвестных морях.

Отчего променяли
    дома теплый уют
На сверкание стали
    и бряцание кольчуг
И творили такое,
    что только снится в бреду,
Чтоб погибнуть со славой
    на чужом берегу.
Отчего мы желали
    лишь в бою умереть,
Почему выбирали самый трудный обет.
    Почему не бежали,
                                предавая обет,
— Лучше, в доме сражаясь,
    не сдаваясь, сгореть!
Для чего осквернили
    мы Пирейского льва,
И зачем обогнали
    так Колумба, шутя.
И зачем захватили
    у Невы берега —
Разве можно ответить —
    нет, конечно, нельзя.
Просто — с бурей поспорить
    и врага победить.
Злому змею Фафниру
    в глотку меч свой вонзить!
И увидеть за морем
    неотысканный свет,
Чтобы скальд мог об этом
    после песню пропеть².

4. Кольчатов Владимир Александрович (1945–1998 (?)), в 1966 г. — студент третьего курса кафедры археологии (вечернее отделение). После окончания Университета некоторое время работал в секторе славяно-финской археологии ЛОИА, но отношения с заведующим отделом А. Н. Кирпичниковым не сложились и, уйдя из археологии, стал, как и его мама, кинологом.

5. Лебедев Глеб Сергеевич (28 декабря 1943 г., Ленинград — 15 августа 2003 г., дер. Старая Ладога, Волховского р-на Ленинградской обл.) — историк-археолог, в 1966 г. — студент третьего курса кафедры археологии дневного отделения, руководитель маршрутной группы и в целом «Разведки в бассейне р. Каспли».

6. Булкин Василий Александрович (9 июля 1945 г., Ленинград — 23 июля 2017 г., Санкт-Петербург) — историк-археолог. Закончил в 1959 г. восьмилетнюю школу и поступил в Архитектурно-строительный техникум, по окончании которого в 1963 г. по-

---

² См.: *Лебедев Г. С.* Записи. Часть первая. Викинги. Тетрадь I. 1968. Л. 66–70.

лучил распределение на работу в одно из подразделений Главленинградстроя. В 1965 г. поступил на кафедру археологии (вечернее отделение) исторического факультета ЛГУ, успешно поработав в экспедиции профессора М. К. Каргера на Городище. В 1966 г., после окончания первого курса, решался вопрос о переводе на дневное отделение, но сначала нужно было освободить его от «трудовой повинности». Это сделал Л. С. Клейн в личной беседе с начальником строительства, «убедив его в необходимости помочь молодому человеку осуществить свое призвание и стать археологом». Затем к Л. С. Клейну обратился А. Н. Кирпичников, под руководством которого В. Булкин работал на Городище, — теперь уже об оказании помощи в переводе с вечернего отделения на дневное. По словам Л. С. Клейна (в телефонном разговоре со мной в августе 2013 г.), парторг факультета, Марк Николаевич Кузьмин, спросил его, может ли он поручиться за того, о ком хлопочет, на что Л. С. Клейн ответил утвердительно, но требовалось еще согласие декана и появление приказа о переводе. Таким образом, в августе 1966 г., когда решались важные для Вас. Булкина проблемы, участие его в Смоленской экспедиции было ограниченным: вместе со всеми он работал у Е. А. Шмидта на раскопках кургана в д. Шутайлово, занимаясь чертежными работами. Затем 1 августа наш отряд вышел на маршрут, 11-го Василий уехал в Смоленск, чтобы поработать с Гнездовскими материалами в музее (для курсовой работы), а затем встретиться с руководителем московской археологической экспедиции Д. А. Авдусиным в Гнездове. Но Глеб Лебедев, как начальник отряда, настоял на обследовании вместе с нами городища Рокот и встреча Вас. Булкина с Д. А. Авдусиным не состоялась; 14 августа В. Булкин уехал в Смоленск, затем в Ленинград, по его словам, «для поступления на истфак». В Полевом дневнике сведения об этом отсутствуют, но в «Касплянском дневнике» они сохранились.

Необходимость столь подробных пояснений обусловлена тем, что значительную часть маршрута нам пришлось пройти вдвоем, а не втроем, как это первоначально предполагалось³.

7. Назаренко Владимир Александрович (род. 1945) — историк-археолог, научный сотрудник ЛОИА. Участником основного состава Смоленской экспедиции он не был, хотя получил для этого рекомендацию кафедры археологии, участвовал во всех подготовительных мероприятиях, но накануне отъезда заявил, что по разным причинам личного порядка принять участие в экспедиции не сможет, но догонит нас позднее, когда Вас. Булкин уедет в Ленинград. В августе в Смоленск он не приехал, но принял участие в работе дополнительно созданного 3-го отряда (начало сентября 1966 г.).

8. В<ера Александровна> Витязева (род. 1940) — студентка третьего курса кафедры истории искусства дневного отделения исторического факультета, специализировалась на исследовании истории архитектуры Петербурга XVIII — начала XX в. С 24 сентября 1966 года жена Г. Лебедева; кандидат искусствоведения (1986). Работала научным сотрудником в Музее истории Ленинграда (1968–1980), Музее-заповеднике «Павловск» (хранитель парковых павильонов и скульптуры, 1980–1983); архивистом в Центральном государственном историческом архиве (Отдел усовершенствования описей, 1984–1989), в Комитете по охране памятников истории и культуры (1991–1996), научным сотрудником в центре «Петроскандика» при НИИКСИ СПбГУ, 1997–2008). Автор книг, посвященных историко-архитектурной проблематике, в том числе «Каменного острова» (изд. 1975, 1991, 2006 и 2010 гг.), «Невских островов»; статей для журналов «Наше наследие» («Переписка великого князя Павла Петровича и ве-

---

³ См.: Папка № 27, Касплянский дневник. С. 52–67 наст. изд.

ликой княгини Марии Федоровны с К. И. Кюхельбекером», № 66, 2003), «Наука в России» («Минареты над Невой», для энциклопедии филологического факультета СПбГУ «Три века Петербурга») и др. С подготовкой авторского текста, комментариями, вступительными и заключительными статьями, научным редактированием вышли следующие издания: М. И. Пыляев, «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» (Л., 1996); Н. Е. Лансере, «Винченцо Бренна» (СПб., 2006); Н. Е. Лансере, «Старый Петербург. Историко-архитектурные исследования» (СПб., 2012); была редактором-консультантом при подготовке к изданию монографии И. И. Лисевич «Архитектор Баженов и Петербург», вышедшей 5 октября 2012 г.

Принимала участие в создании нескольких экспозиций и выставок, в том числе «Архитектура Петербурга XVIII — начала XX века» в Инженерном доме в Петропавловской крепости (1969–1971 гг.), в создании мемориального музея А. А. Блока (ул. Декабристов, 57; 1978–1980 гг.), экспозиций и выставок в павильонах Павловского парка (1981–1983 гг.). Совместно с Г. С. Лебедевым (по заданию НИИКСИ СПбГУ) написана историческая справка и создан тематико-экспозиционный план для парадных помещений дворца графов Бобринских на Галерной ул., 60 (ныне здесь находится Факультет свободных наук и искусств («Смольный») СПбГУ).

Была инициатором написания Г. С. Лебедевым исторических глав к нескольким путеводителям по Петербургу (1973, 1978, 1980), и, возможно, это оказало влияние на углубление научного интереса к петербурговедению, к созданию им теории топохрона. Готовила к изданию (сверка текста и научного аппарата) последней монографии Г. С. Лебедева «Эпоха викингов в Западной Европе и на Руси» (СПб.: Евразия, 2006).

Начало разборки научного архива Г. С. Лебедева относится к марту 2008 г. Научно-техническая обработка личного фонда Г. С. Лебедева (№ 1134) — весна 2011 г., передача материалов в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН — с 4 марта 2013 г. Все переданные материалы и картотеки имеют электронную версию. Большую помощь и постоянную дружескую поддержку как в обработке материалов фонда Г. С. Лебедева, так и в жизненных обстоятельствах оказывала хранитель его, профессионал высочайшего класса, человек редкостной доброты и отзывчивости — Антонина Николаевна Анфертьева, скоропостижно скончавшаяся 10 декабря 2013 г.; для меня это одна из самых горестных, невыносимых и невозможных потерь. При ее сверхзанятости она всегда находила время и силы, чтобы уточнить даты, продумать композиционное построение материала, написать замечательное письмо, примчаться в гости с подарками всем — от мала до велика, утешить и успокоить. Светлая и долгая память ей, в своей абсолютной искренности, отдаче делу, фантастическому умению не щадить себя и удивительной скромности, так напомнившая мне Глеба Лебедева...

*Октябрь — декабрь 2013 г., 23–27 января 2014 г., Санкт-Петербург.
В. А. Витязева-Лебедева*

II. КАСПЛЯНСКИЙ ДНЕВНИК 1966 г.*

ЛЕБЕДЕВ Г. С., БУЛКИН В. А., ВИТЯЗЕВА В. А.

1 — 18.08.1966 г. (продолжение¹)

Идея Каспьянского дневника появилась в связи с Полевым дневником Смоленской экспедиции Г. С. Лебедева. Поскольку тот Дневник был деловым и официальным, экспедиционной формой отчетности, то я предложила вести Каспьянский дневник — неофициальный, для себя, чтобы записи делались всеми членами отряда поочередно, желательно ежедневно. Это не соблюдалось по объективным причинам: усталость, занятость, большой объем полевой работы, но автор идеи, так решили мои компаньоны, т. е. Г. С. Лебедев и Вас. А. Булкин, обязан писать «при любой погоде, любых условиях — отговорки не принимаются», поэтому итоговое количество записей распределилось так: Витязевой — 14, Лебедева — 8, Булкина — 7. Форма изложения — свободная, с присущим стану археологов чувством юмора, но без чтения предыдущих записей. Смысл этого ограничения был прост: на вечере-встрече, посвященном окончанию разведки и возвращению домой, вместе прочитаем подряд все, что получилось. Встреча была, но чтение Каспьянского дневника перенесли на более позднее время, поскольку пришлось спешно готовить и отправлять 3-й отряд, ждать его возвращения. В результате обещанное «попозже» так никогда и не наступило. Более того, я считала дневник утерянным и, только разбирая Полевые дневники Г. С. Лебедева для сдачи на архивное хранение, обнаружила знакомую общую тетрадь в линейку в твердой, коричневого цвета обложке (27,0 × 25,0 см), на лицевой стороне которой Г. С. Лебедевым был приклеен машинописный (далее — м/с) заголовок: «ЗАПИСИ, тетрадь 4, (каспьянские)». Название «II. Каспьянский дневник. 1966 г.» дано Г. С. Лебедевым (см. оформление титула); нумерация листов дана при научно-технической обработке материала; последняя запись была сделана на отдельных листах (лл. 29–33).

Три строки на лл. 28 и 28 об. — фрагмент неизвестного сочинения М. Т. Петрова (участника 3-го отряда, ныне преподавателя на философском факультете СПбГУ) на историческую тему с участием короля Густава Адольфа, Шмидта и Глебского. Запись сделана, возможно, в октябре 1966 г., когда автор, уже побывавший на Каспле, сделал в конце Дневника, с обратной стороны, собственную запись синими чернилами, не имеющую отношения к основной части.

Все листы «II. К. Д.» в россыпи, ранее они были скреплены Г. С. Лебедевым красным скотчем и скрепками. Записи, за редким исключением, подписные, карандашные, кроме самых первых, за 1–2 августа (лл. 2, 2 об., 3), сделанных авторучкой с черными

---

* Папка № 27 «II. Каспьянский дневник 1966 г.» (далее — II. К. Д.).

Публикация В. А. Витязевой-Лебедевой.

¹ См.: Папка № 25 из Полевых дневников.

чернилами. Часть записей — с угасающим текстом. Нумерация листов — в круглых скобках (); комментарий, пояснения и примечания В. Витязевой — в квадратных [ ] и фигурных { } скобках (в тексте и в примечаниях); авторские сокращения — в угловых <>; (...) — пропуски текста личного характера. Подчеркнутые авторами слова в текстах и подписи их в конце записи выделены синим цветом.

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ

Тексты Г. С. Лебедева на оборотной стороне лицевой обложки:

«КАСПЛЯНСКИЕ ЗАПИСИ. Почерк 1-й — В. Витязева. Почерк 2-й — Г. Лебедев. Почерк 3-й — В. Булкин». Здесь же на белом, вырезанном из бумаги и приклеенном прямоугольнике (17,1 × 4,7 см., м/с): «ЗАПИСИ. Пролог. II. Каспьянский дневник». На перевернутой на 90 градусов обложке красными чернилами Э. У. Стамбульник, участница 3-го отряда Разведки по р. Каспле, записала свои паспортные данные, что позволяет приблизительно датировать запись: не ранее конца августа 1966 г., когда оформлялись документы для работы отряда под руководством В. А. Назаренко. В конце «П. К. Д.», на задней стороне обложки, последняя запись: «Здесь конец этих Записей, известных также как Каспьянский Дневник», Г. Лебедев (подпись). Как и в случае с Полевым дневником, на обложке и на титульном листе Каспьянского дневника поставлена Г. С. Лебедевым круглая печать Санкт-Петербургского филиала РНИИ культурного и природного наследия Министерства культуры РФ и РАН.

Л. 1. Оформление титула почерком Г. С. Лебедева:

«Г. Лебедев» (слева вверху)

«Ветик» (справа вверху, домашнее имя В. А. Витязевой).

«ЗАПИСИ

Liber vitae

ПРОЛОГ

II. Каспьянский дневник

1966 г.».

Слева внизу листа: выполненная очерком фигурка викинга, данная в правом развороте с мечом (или скрамасаксом) в правой, вытянутой вперед руке; в отведенной назад левой руке — небольшой круглый щит (рисунок Г. С. Лебедева). Рядом с рисунком наклеена фотография: Г. Лебедев (стоит, наклонившись в левую сторону) и В. Витязева (сидит на краю стола) на школьной кухне в пос. Каспля. Автор снимка — учитель физики Каспьянской средней школы, фамилию которого мы, к сожалению, не записали. Он сфотографировал нас в последний день экспедиции, во время камеральной обработки: на небольшом прямоугольном столике, покрытом светло-голубым пластиком, сохнет вымытая керамика; на дальнем столе у окна — место, где ее шифровали и заворачивали в пакеты; слева — обеденный стол. 17 августа 1966 г.

Л. 2. 1/VIII — [19]66 г.

Запись В. Витязевой: «Расстались на мосту. {1} Каспля изменчива, как красавица. 1-я стоянка — неолит. Великолепный мыс — керамика. Нашла нуклеус. Великолепный. Устали плечи. Но идти хорошо. Переправились вброд. А на мысу — Глеб с ножом в зубах. Вася с саперкой. Дер. Дедово. Сеновал. Костер. Заводи. Шуки. Господи! Как здесь проходили варяги? Народ прост и себе на уме. Недоверчив. Смесь какая-то. Сеновал — чудо! Сено, небо, закат. Мальчишки делают истфаковские карты. Гармошка играет. Прощай, первый день».

{1}. После завершения работы на раскопках кургана в дер. Шугайлово у Е. А. Шмидта, на электричке, доехали до г. Демидова, откуда отправились двумя отрядами по три человека в «Разведку по Каспле». На большом и широком деревянном мосту через Касплю оба отряда разошлись в разные стороны: 1-й отряд — к устью Каспли, 2-й — к истоку.

Л. 2 об.

Запись почерком Г. Лебедева: «1 августа — первый день. Было, наверно, здорово трудно, но сейчас кажется — все ничего, были бы ноги да глаза. Каспля извивается, как змея на рунических камнях, будто хочет убежать от варяжских судов с круглыми щитами... Такой сеновал, такие карты — вполне съедобно!» Без подписи.

Запись В. Булкина: «Все очень здорово. Не хватает лишь одного — чтобы перед сном кто-то щекотал пятки. В. Булкин».

2/VIII — [19]66 [г.]

Запись В. Витязевой: «Сажу на берегу Каспли. Как всегда жду, как всегда волнуюсь. Мальчишки с ножами в руках переплыли на тот берег — там поля и заброшенное кладбище. После их ухода — все стало враждебным — лес, ветер, тишина. Серебристые хвосты рыб бьют по воде. Было поле овса и (Л. 3) лепная керамика, внушительная крица, кремни. Их очень долго нет, но, м<ожет> б<ыть>, это кажется. В той стороне, где они, — тишина, тишина. Облака плывут с запада, наши облака. А стоянка, м<ожет> б<ыть>, Fe <железного> века. Время от времени чувствую себя почти плохо. И злюсь. Дедово — «край непуганых дураков» — все замедленное, ритм жизни, торопливый говор. Крупнейшее событие — кто-то кого-то по пьянке пырнул ножом — отвлекло внимание от нас. Мальчишки возвращаются — ничего не нашли. Ждут солнца, чтобы нырнуть в воду [т. е. стоят еще на том берегу, вода холодная, нырять без капли солнечного тепла не только не хочется, но и простудиться не долго]. Впереди — Новоселки.

(Л. 3 об.)

У Новоселок Вася пошел по другому берегу — мы остались на этом. Сквозь джунгли вышли к Мамолкам. Кроме того селища — больше ничего не было.

Залесенность. Заливные луга. И все. До устья Свадицы — 1 или 1,5 [км]. Здесь база и идем на Акатовское озеро. Интерес, который мы вызываем, меня раздражает. Словно слоны, ну да это понятно и не обидно. Деревня добротная».

Л. 4. 3/VIII — [19]66г.

Запись В. Витязевой: «Прощайте, Мамолки и Новые, где мы жили у тети Дуни — человека, ктр[который] умер в 1943 г., {2} все убиты, [только] она и дочь, и все слова, все мысли — к этому, к этому, как [немцы] сгоняли и расстреливали, как [наши] предавали...»

{2}. Неудачный образный оборот о состоянии человека, сознание которого осталось в ужасе военного времени, в котором погибли все родные и близкие люди.

«Ушли с одним рюкзаком. Василий унюхивал грибы, как кошка — мышь. Свадица, милая, мы тебя и не видели — по мостику перешли, нашли керамику.

Акатовское городище — смешное, трогательное, все перекопанное: “Опять копать будут”, — это уже нам в спину [сказал рыбак с удочками и ведром в руке].

(Л. 4 об.)

Озеро — красавица писаная. “Мелкое, как Финский залив”, — сказал Вася. Вдоль озера [проходим] к селищу и курганам. Один раскрывается сам и с надеждой ждет археологов.

Обед из 13 яиц. Это грибы с кашей и min [минимумом] соли. Соляная тоска. Васе плохо есть сидя — [он словно преодолевает] расстояние от Земли до Луны — от чашки ко рту, за один обед, звонко вырисовывается на фоне неба с деревянной ложкой в руках. От Акатова до Холма — одна достопримечательность (Л. 5) — две хорошенькие девушки. О Господи! Забыла: в прошлую ночь Булкин поворачивает в 2 ч. ночи свою физиономию и говорит: “Спать не могу! Кошмары! Галки в виде сирен и соблазняют! Соблазняют!” Вот он, половой голод! Фрейд. Холм — у школьного учителя [то есть нас устроила у себя семья директора школы]. Астры, сеновал, и завтра — работа, работа, работа. Настроение — хорошее. Все — хорошо».

Запись В. Булкина: «3/VIII — [19]66 [г.]. Надрызгавшись чаю, никаких умных мыслей я высказать не смогу. Но что-нибудь родить попытаюсь. Во-первых, что касается об закусить, то... не кончить!! Во — вторых, это верно сказано, что в разведке не знаешь, что будет вечером, а для меня эти неожиданности увеличиваются вдвое, т.е. уложившись спать посередине, я не уверен, что не окажусь с края и без одеяла {3}. А в третьих, я хотел сказать что-то на предмет пожрать, но снова забыл. Если вспомню, то доскажу в кафетерии [наш любимый кафетерий истфака, на втором этаже, где варили отличный кофе, а между лекциями и после них решались научные проблемы, возникали споры, назначались свидания]. И еще замечу, что сегодня, выпив кружку воды, обнаружил на дне жирного таракана [думаю — это своеобразный (Л. 6) археологический юмор, чтобы напугать меня, так как истории с тараканом вообще не было].

Да, вспомнил, сегодня на обед подавали копченое сало с хлебом. Даваясь и внутренне содрогаясь, я проглотил этот кусок. Дерут из рук дневник. Это Глеб. Так я что, — Глеб сегодня не доел грибной суп. Так вот, выпив сейчас литру крепкого чаю, мыслей подвести не могу, а посему умываю руки и сажусь откусывать. С приветом. Васютка».

{3}. О нашем быте: у каждого — спальный мешок, но были и легкие одеяла; в холодные ночи хозяева добавляли ватное или какой-нибудь тулуп. Если устраивали в избе, то Глебу и Василию стелили вместе, а мне — отдельно; Василий укладывался раньше, а Глеб, приходя позже, сдвигал его с нагретого места на край, да еще и прихватывал часть одеяла. Но на сеновале в Холме были три яруса, каждый устроился на своем: Василий — наверху, я — в центре, Глеб — внизу и в последнюю ночь, под утро, все свалились вниз: видимо, Василий не в ту сторону повернулся, поехал вниз, по дороге столкнул меня, и мы хором рухнули на нашего начальника, но он, вероятно, предусматривал такой вариант событий и зарылся поглубже в сено, так что мы, пролетая мимо, едва задела его, вызвав гомерический смех.

Запись Г. Лебедева: «3 августа. Кто там жил — угры или балты — непонятно. А небо вечером было серое, как талый мартовский снег. Шли, шли — и битые яйца в рюкзаке. Если я злюсь, поцелуй меня покрепче. Спокойной ночи, ребята, есть сеновал за крепким директорским тыном в деревне Холме [ударение поставлено на букву «о»]. Г. Лебедев».

4/VIII — [19]66 [г.]

Л. 6 об. Запись В. Витязевой:

«Ночь была удивительна. Сеновал. И огромная яма — в ней мы втроем. Как слоеный пирог. Хозяева были милы до бесконечности. Кормили нас дивно жареной картошкой, клецками — и мы наслаждались покоем и тишиной. Потом мы взяли две стоянки и городище отличное с тремя валами. И... и мы ушли в обратную сторону от Диво, неизвестная деревушка Свадица, и неизвестная девушка в коротком платье, [со] спутанными льняными волосами (Л. 7) долго объясняла нам, что идти 6 или 8 км. Дремучая тоска охватила нас. Спасла [появившаяся с извозчиком] лошадь — на ней мы и проехали 2 км, которые отмахали по моей милости. Вася чувствовал себя как на последнем сидении автобуса. Потом нас ссадили, мы тихо сели у дороги стали решать вечный вопрос: «Что делать?» Обдаваемые клубами пыли, мы отправились по дороге, от мальчишек валил пар, никто ни пел, ни говорил, только тихо посапывали. Большак. И снова, неожиданное, как улыбка на хмуром лице, — (Л. 7 об.) Акатовское озеро. Мы ринулись к нему, почти не разбирая дороги. Долго булькались и дышали. И снова кусок цивилизации — укатанный большак. Ну и попомним мы тебя! Пыль, дорога, усталость; автобус, которого нет; самосвалы, которые, обдавая пылью и газом, проносятся мимо. Один подъем, второй, третий — все кажется бесконечным: и эта дорога, и мы, и усталость. Садимся у дороги. Вася встает и тихо смотрит. Что это?»

— Ребята, посмотрите кто-нибудь, — жалобно просит он. АВ — ТО — БУС. Наконец-то. Садимся. Все, как по команде, оборачиваются. Три замызганные рожи. Ничего интересного. Но смотрят. Никто не отвечает, какая остановка. Едва не проехали. Диво — чудо. Выходим. “Столовая” — бросаемся. Закрыто. Магазин. Снова: хлеб, сахар, концентраты. Нам отдают школьный сеновал. Едва дошли до школы. Васю Глеб подталкивал, он шел шатаясь, (Л. 8 об.) и у Глеба возникало предательское желание ухватиться сзади за рюкзак. А в школе: сад, яблони, огурцы, печка, все что угодно. И уговаривают остаться. Мы варим, едим, пьем столовое вино, вспоминаем наших [В «Меню» Г. С. Лебедева² в качестве напитка указано пиво; скорее всего, прав он]. Спали до 8.00. Менялись местами, и Глеб толкал Васю коленом в спину, когда он слишком усердно к нему прижался».

ЛЛ. 8 об. — 9.

5/VIII — [19]66 [г.]

Запись В. Витязевой: «С утра ушли на озеро Диво. Я пытаюсь рисовать керамику, готовить обед и жду их. Селище найдено. Пообедали. И отправляемся на Н. Мамолки в путь. Последние снимки. Прощальные сигареты. И мы ушли.

Запись Г. Лебедева: «5 августа. Без Ветки все, наверное, было бы раз в 5 хуже — не было бы того отдыха, к<ото>рый дают привалы, каждый наш ночлег не становился бы домом — Домом, на одну ночь. Первобытная простота жизненных условий и жизненного ритма — двое мужчин и женщина, маленькая община равных и нужных друг другу.

Чем дальше от больших дорог, тем народ лучше и приветливей — и наоборот.

Озеро Диво с колдовским именем и заколдованными берегами — заросли у дворца Спящей красавицы — славянского селища на склоне морены. Языческое чудское городище помнится до сих пор. И как солнце, языческое солнце над бревенчатым частоколом, (Л. 9 об.) встают мечты и планы на осень — идет аккумуляция сил. Все притерлись друг к другу, все хорошо, и хорошо, что нас мало, и что дневник — тайный. Г. Лебедев».

Л. 9 об. Запись В. Булкина:

«Качество разведки — это не только объем материала, который удалось собрать, но и опыт дикой жизни и испытание определенных настроений и ощущений, которых в цивилизованной жизни не найти. К сожалению, настроения и здесь неуравновешенны и влияют на работу. Вчера, не выславшись, злой, я почти ничего не нашел, и это еще больше расстраивало меня. А сегодня утром все было прекрасно и мы с Глебом открыли (Л. 10) селище. В этом отношении много сделала Вера, и прежде всего ужин и обед. Хотя они же с Глебом были причиной того, что на день раньше все было наоборот. Вася».

---

² См.: Папка № 25 из Полевых дневников. Приложение I, за 4-е августа 1966 г. С. 12 наст. изд.

Запись В. Витязевой: «Вчерашний день не оценишь — если не выпьешь из его стакана ни одной капли. Диво осталось за нами. Курганы. Они неожиданны в мокром тумане, в дожде, они выпотрошены, ограблены, но мы их видим. Странный цыган, пристрастно допрашивающий меня. (Л. 10 об.) Потом кладбище курганов, разрытых, убитых, конченных. Роемся в глине. И селище — о какое! И — курган! Одиночество. Выходим к Орлову. Глеб Сергеевич — незаменимый человек, договаривается с лесником, а он хмур и лежащий и пыхтит, и смотрит на нас. И не нужны мы ему. Уходим к дяде Васе. Перекусываем. Но озеро... Плевать. Лучше уехать. Ох и лодка. Гребут. Как поют. И — марш-бросок через комаров, туманы, убитую деревню и спим — в Старых Мамолках.

Л. 11. Утром не хотят вставать. Злятся. Завтракают. Уходим. Прощайте, Vera».

Запись Г. Лебедева: «6 августа [19]66 г. Бросок был изумительный — с полной выкладкой, с песнями, в тумане, по ночному лесу. Покосившийся маяк, как из могилы, поднялся черным скелетом над Старыми Мамолками. Выходим в них при солнце, посреди поля:

— Вот деревня.

— Где?

— Да вот она, перед тобой.

(...) все светится твоим светом. Зеркало озера, серая вода и бесконечное перламутровое небо, лодья {так в тексте} идет, тяжелая тобой, роса на осоке, желтые кувшинки в реке. Распаханные курганы, вырубленный по берегам лес, заросшие, запаханые дороги — Россия. Деревня мертва 25 лет спустя {после войны} — великой кровью и потом давалась русским эта земля, раны, ей нанесенные, невозможно залечить сразу.

До конца пути нашего с Васькой еще два дня. Салют, ребята. Г. Лебедев».

Л. 11 об. Запись В. Булкина:

«Сегодня мне приснилась во сне кафедра археологии. Хорошо помню, что с Артамоновым {4} мы схлестнулись на предмет сыграть в шахматы. А Столяр {5} спросил у меня, люблю ли я лук и повел меня в шашлычную. К сожалению, эти приятные сны были прерваны толчками под бок Глеба и голосом Веры. Странно, что от вчерашнего перехода я отделался легким насморком. Утро началось с того, что Глеб утопил в колодце ведро. Сейчас двигаемся в дорогу. Где-то будем ночевать? Вася».

{4}. Артамонов М. И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии ЛГУ, до этого — директор Эрмитажа. Великолепный преподаватель, выдающийся ученый, исследователь истории и искусства скифов, сарматов; учитель Г. С. Лебедева.

{5}. Столяр А. Д., историк-археолог, профессор, с 1972 до 2002 г. заведующий кафедрой археологии ЛГУ — СПбГУ.

Запись В. Витязевой: «День, как привидение. Уже сегодня не верится, что вчера он был, что мы прошли его от начала до конца, что мы выпили его чашу до дна. Вышли из Мамолок по росной дороге. Неудобно уложенный рюкзак изводил меня и всех остальных. Никак не могли войти в режим [нового перехода]. Каспля делала немислимые виражи, и мне все время казалось, что мы идем в обратную сторону. Дикие заросли, трава скрывает меня, почти джунгли. Наконец, вышли на селище. Взяли его [т. е. сделали обмеры, собрали керамику и т. д.]. Немного ожили. И снова — петля. Еще одна деревня, сожженная дотла, — Шуровщина; огромный стог, у его подножия — мы. (Л. 12 об.) Мальчишки пошли искать Касплю и снова вышли на то же селище. Возвращаются. Обедаем. Смотрим в небо и греемся на солнышке. И так — дорога в Демидов. Поворачиваем обратно — мертвая зона вокруг нас. Снова путь. Короткие перерывы. Идем довольно быстро. Вася шутит: “Все были поиски — поиски, а теперь за дорогу держимся и на сторону не смотрим”. Но вокруг ничего нет. Каспля приходит к нам. Обрыв. Огромный. Омут. Купаемся. И — снова уходим. (Л. 13) Дорога, дорога. Ничего нет. Что-то гудит. “Машина”, — кричит Вася. Это самолет. Снова дорога. И — длинный жест {6}: лен, уложенный как дома, — милое скандинавское поселение. Василий — на машине, мы — пешком на Шелатон и Лупихи. За нами 2-х[-]дневный переход. Усталость. И кладбище — домики {7}. Устроились у Мины. Кот мурлыкал, как трактор. «Кот храпит», — заявил Глеб Сергеевич, долго смеялись. Уснули. День начинался с дождя, низкого неба и разговоров об отъезде Васи и встречи с Володей [Назаренко]. Тяжелое настроение. Машина из Смоленска нас не взяла. Так хотелось пулеметной очередью по колесам. Философствовали об исчезнувшем (Л. 13 об.) русском гостеприимстве, дорогах, путниках. Идет дорога на Касплю. Вася повторяет время от времени, почти точно копируя бабушку из Дедова: “Не бо!-о!-о! — л-тай, — [не меньше трех или даже четырех выразительнейших ударений на «о»], а он мне говорит — Что ты бо!-о! — о! — л-таешь?”, — светло и грустно [от недавних событий, уже ставших воспоминаниями], но мы идем, под дождем, размытой дороге в Касплю. Машин нет, путь дальний-дальний, и ни о чем не хочется жалеть или плакать. Хочется идти, жить, дышать и чувствовать землю под ногами. 7/VIII-66 Vera».

{6}. То есть Василий театрально-картинным жестом, как бы приглашая оценить это архитектурное чудо, указывает на мастерски уложенные снопы льна, с крышами, окнами, словно «длинные дома» в Швеции эпохи викингов. На их фоне Василий сфотографировал Глеба, Глеб — Василия. Все были очень довольны «явлением льняного поселения».

{7}. «Кладбище — домики» — обряд захоронения, при котором разнообразные декоративные сооружения, в том числе гроб, домик или в виде домика оформленный крест, устанавливались на могилах, чаще всего покрытых пластами дерна. Мне почему-то казалось, что маленькие гробики, увитые белой тканью, с бумажными цветами, были связаны с детскими захоронениями.

Запись В. Витязевой:

- «1) Утро хорошее, а Вовы [Назаренко] нет.
- 2) Пиво есть, но плохое.
- 3) Каша великолепная, но ячневая.
- 4) Кофе так себе, но натуральный.
- 5) Городище большое, но славянское.
- 6) Церковь каменная, но поздняя.
- 7) Плита есть: варить не в чем».

9/VIII— [19]66 г.

Запись В. Булкина: «Ровно месяц назад был мой день рождения. А сегодня я уезжаю в Смоленск. Не везет мне этим летом. А сейчас снова придется уезжать, когда начинается интересная работа. А приеду в Питер, окажется, что дневное отделение провалилось. А погода такая хорошая и ни о чем не хочется думать. Глеб спрашивает, что мы ели 7 авг[уста]. Не помню, что ели, знаю лишь, что это было здорово сделано Верой. Морда у меня стала толстой и, я бы сказал, лоснящейся. А в дополнение борода рыжая. Глеб заявил, что она мне идет. Я бы ему ее отдал... Полная безмятежность. Сейчас идем в разведку, а потом на городище. “Глеб, а тебе сейчас, не хочется (Л. 15) сходить в разведку? Нет, ну а я пошел. До встречи в кафетерии. А у Веры действительно легкая рука. Если бы ей повезло и сегодня! А сегодня мне надо уезжать в Смоленск! Эх! Мать ...!!! Вася”».

Запись Г. Лебедева: «Ну, что ж, Василий Александрович, жаль с тобой расставаться, честное слово. У тебя есть все, что можно пожелать человеку, с которым идешь в разведку. Мне было легко и хорошо идти, работать, искать и знать, что ты именно такой вот, сдержанный и честный, и умеешь все, что нужно делать, а что не умеешь, так придумаешь, как сделать, и не будешь расслабляться. Жалко, что так мало были вместе, и, наверно, будет много труднее без тебя. Дни еще предстоят тяжелые — по сути, впереди самое интересное. Но Касплю мы уже завоевали — вместе. Что ж, до встречи в кафетерии! Салют и счастливого пути. Г. Лебедев».

Запись В. Витязевой: «9/III — Я ничего не писала, что было потом — Касплянское городище, наша радость, наш восторг. Мальчишки! Вспомните имя его! И его валы, и его неожиданность, храм, ктр[который] мы до него рассматривали, — арки, поставленные удивительно свободно, на полном дыхании. И два раскопа. И первые шаги варягов, и как оно заговорило на хорошем шведском языке. Моя яма! Кланяюсь твоей отзывчивости и силе отдачи, и моей абсолютной антинаучности. (Л. 16.) И возникающие деревянные укрепления, воин, проломивший стену. И как это понимание возникает немного после. Мы устали и это почувствовали, когда разогнули спины».

Л. 16 об.

10/VIII — [19]66 [г.]

Запись В. Витязевой: «Василь, лапушка, уехал. Собирались в страшном темпе. Мчались по улице. Ехали последнюю остановку, потом мы отошли

на несколько метров и меня охватило дикое чувство потери и одиночества. Расплакалась. Долго и безутешно. Глеб: “Вася из тех людей, которые не смотрят в толпе и великолепны с глазу на глаз. Вова Назаренко — наоборот. Никогда не забуду как он сводил меня и Валентина [старшего брата Василия, В. А. Булкина], как (Л. 17) объективом, и сошлись в одной фразе”. Это [все было сказано] за то время, которое мы шли. Это мне немного льстит. И так целый день: ходим, смотрим, ищем, спорим, устаем, а его не хватает. Дико трудно терять своих людей. И знаешь что — не насовсем. Он не увидит этой быстрой Жереспеи, этих равнин. Господи! Ну что делать? 11-го. Вчера вечером вышли в Кислую».

11 августа

Л. 17 об. Запись Г. Лебедева:

«Слева — синяя линия горизонта после широких прикаспийских полей: и заливные луга, и мудрая красавица-речка Жереспея. Идем — хорошо, курум — вчера махру, сегодня — “Север”. Деревня с диким названием — Язвище, и пугливых людей в дер. Кислой — а там совершенно неожиданно оказали нам великолепный прием, накормили, заговорили ли, уложили на настоящую кровать. Ветка в совершенном ажиотаже ищет керамику, как грибы, рука у нее легкая, чтоб не сглазить. Идем налегке, у меня — полупустой рюкзак, у нее — бидон. Великолепное селище, великолепная речка, и чувство отрешенности и дальности; огромный купол синего неба — на двоих, как на синем парашюте опускаемся в неизвестную древнюю страну до-славян. (...) А где-то Василий? Приедет ли сегодня, как обещал? Все же как-то не по себе без него. Ну, пора в путь. Г. Лебедев».

Л. 18. 12/VIII — [19]66 г.

Запись В. Булкина: «12/VIII [19]66 г. 7 ч. 40 [мин]

Через 15 мин. уходит автобус в Смоленск. Для меня разведка закончилась. Может быть, слишком рано. Хотя, с другой стороны, разведку измерять только днями, по-моему, недостаточно. А сколько ещё работы в Питере, в Смоленске? Там экспедиция и предполагается. Гип-гип-ура! Вася».

(Л. 18 об.) Запись В. Витязевой:

«Мы совершили тот переход от Кислой до Каспли. И тяжелый, и трудный, с дорогами, сбегаящими от нас; самосвалом, открывающим кабину великолепным водителем, чувствующим дорогу руками, и оба думали — успеть! Успеть! Успеть!»

Явление Василия народу было истинным откровением. В синей рубашечке, настоящих брюках без тех милых привычных пузырей, выбритый и свеженький с кучей новостей, мы слушали его, как (Л. 19) завоеватели далекого острова, который им ужасно нравился, а теперь — теперь — ими тоже овладела тоска по родине. И вообще — это был день радостей, письма — первые за 21 день — из дома, от Марка [Петрова], Наташи [Калашниковой] и т. д. — 5 штук, читали их вечером под вино яблочное и Ркацителю, смеялись, а Вась-

ка, Василь — он уже был гостем. Долго говорили о последнем переходе, а он слушал и уже не мог представить себя рядом с нами. Долго говорили, мыли череп [найденный на городище], который “начал оживать” [видимо, еще образчик неприхотливого археологического юмора второй половины 1960-х годов]. А утром едва поднялись. (Л. 19 об.) Вот они ушли. Я не пошла провожать, чувствуя набегающие слезы. Снова мы одни. У меня пропали последние надежды на приезд Володи [Назаренко]. Кофе Васи еще теплое, и окурочок пускает дым — а его уже нет.

Во всем чувствуется осень — в воздухе, крупных падающих августовских звездах, какой-то отрешенности природы. И сегодня мы должны идти на Рокот. С богом, дети!

Грусть великолепна со всеми сложностями ее оттенков, но надо работать, надо! И нельзя (Л. 20) позволять себе эту расслабленность, уход в себя; нельзя накидывать петлю расставаний на шею дня. Лучше идти. Vera.

Сидим у дома директора школы в Волоковой. Эти “злодеи” куда-то ушли. Снова усталость дикая. И чистое наслаждение от этого дня наступит часа через два. Закат прохладен и ясен. Мы прошли немного — 12–15 км, прошли вдоль озера, наоткрывали селищ, неолит. Но главное — варяжский курган. И об этом напишет Глеб, он умирал от рисовавшихся ему картин и жалел, что этого не видели ни Вова, ни Вася.

(Л. 20 об.)

Городище с курганами вплывало ладьей в озеро — мы все время оглядывались, а Глеб переводил кадры [фотографировал]. Потом мы шли по волоку, усталые и замотанные, и тихо радовались, что страна, уничтожающая всякую историю, не смогла убить эти дороги, проложенные викингами. А вообще, немного грустно и не верится, что завтра — Смоленск. Хорошо, что очень устаем, остаются работа и романтика. И каждый день настолько дорог, велик, (Л. 21) необъятен, что становишься неизмеримо старше и, может быть, выше.

У Глеба смешная куцая бороденка и боевитость взгляда, сейчас он собирается наброситься на два последних соленых огурца. В добрый путь!»

Запись Г. Лебедева: «12 августа. Вышли влача ноги — на воротах волока, на высоком мысу, где со всех сторон — синие озера, бесконечно переливающиеся одно в другое, как Malaren — Его курган, мой курган, отлогий, разрушенный, с труположением. Рядом — разрушенное чухонское городище и разнесенное селище — разбойничали, сволочи, в горле Волока, мешали проходившим варяжским судам, по пояс в воде подходили к щитоносным ладьям вплотную и требовали дани. Видно, подумали крепко в Каспле, и в ночь, без шума, взяли разбойничье городище на щит. А (Л. 21 об.) один остался лежать под раскатами и похоронили викинга на мысу, чтоб видели его синие озера и проходившие корабли. Может, это было и не так, но открыто с Веткой. Этот комплекс — это было великолепно. (...) Как хорошо, что можно этой радостью делиться в пути, вместе выйти на волок. Трудно тебе, я знаю. Если бы мог, на руках тебя

нес по этим дорогам, а вокруг шли бы щитоносцы, но вот так, под солнцем, под пылью, под дождем — все мои силы несешь ты в себе, и все рейнские мечи — к твоим ногам, Ветка. А Васьки тоже здорово не хватает — пили сегодня утром кофе вместе — и вот снова одни, вдвоем. Васька приехал из Смоленска, пахнуло тоской по цивилизации — пахнуло и пропало, а сейчас ты устала и немножко тоскуешь, но хорошо, что ты есть и ты здесь. Г. Лебедев».

Л. 22.

113/VIII — [19]66 [г.]

Запись В. Витязевой: «Здравствуй, Куприно! Окончен один из самых трудных участков пути. Мы в березовой аллее у станции, закончили свою трапезу, весьма обильную. Перед глазами Купринское озеро, в которое варяги перебрасывали ладьи; и 2 часа до поезда.

Итак, короткое напутствие будущим разведчикам: «Дети, ищите школу и останавливайтесь только там, вы будете избавлены от грязных полов, мух и прочей нечисти; вас всегда накормит милая (Л. 22 об.) директорская семья или техничка; ваша эрудиция поразит всех, и недостатка в блестящих глазах и открытых ртах не будет; вы можете обещать писать письма об истории края, кое-что подарить — и ваша судьба обеспечена».

Итак, после вчерашнего кофе мы отправились в дом к директору. Нас принимали как иностранных послов: легкий ужин, отдельная комната с периной, подушками, теплым одеялом, радиоприемником, будильником и зеркалом.

Л. 23.

Нас вежливо разбудили в 7 ч., когда был готов завтрак. Откушали свежей дымящейся картошки со сливочным маслом, молоком, всякими огурцами. Мы разложили свои кости в новеньком и блестящем мотоцикле — я в коляске, Глеб — на заднем сидении, и отправились смотреть курганы. Один был хорош, и со второго собрали горсть костей — ему отрезал половину тела бульдозер. Отличное пятно хорошо смотрелось. (Л. 23 об.) Затем проехали «мертвую зону» в 10 км и распрощались. Это Салинки, где жил Володя Куриленко, местный национальный герой; теперь здесь три дома, в одном живет предатель Лавейко, ктр [который] отсидел свои 12 лет. Более в этой деревне из 3-х домов нет ничего примечательного.

Ухватив волок за хвост, мы отправились в Ермаки. И только выходя оттуда, мы «споткнулись» о городище, перекопанное «с ног до головы», мы ему тоже отдали дань своего уважения, т. е. (Л. 24.) сделали 10 зачисток и пару хороших шурфов; кроме 10 угольков в довольно хорошем к<ультурном> с<лое> и дохленького кусочка керамики, ничего не нашли. Но Глеб сказал, что это был «отель», перевалочная база, на пути с Каспли, горшков не били, вещей не теряли, а если керамика чухонская, то это говорит о том, что из их посуды кто-то пил.

После этого мы спокойно заснули, по-детски дружно. До поезда еще сорок минут.

После городища шли по волоку, между (Л. 24 об.) двух возвышенностей, он [волок] читался довольно просто (Глеб вспоминал, что в Л<енингра>де

в [семинаре у] Льва Самойловича [Клейна] была проблема проблем: если выйдете на волок, то как определите, что это он (а Вова Наз<аренко> предлагал бурить землю и проверять ее на плотность); волок может быть только в наиболее выгодном месте с наибольшим КПД — от воды до воды, до самого озера; вот услышанная поговорка: “У охотника — дым пушной да обед пустой, (Л. 25) у рыбака — мокрые бока да обед благородный”; у озера была серия курганов, семь, но только два — более-менее приличные, пять — отчаянно-пограбленных, а на оставшихся — кладбища (это, пожалуй, впервые). В Купринском болоте (в смысле — озере) купаться невозможно, мы ополоснули пот и отправились на станцию. По Лебедеву полученная картина очень стройна, ясна и закончена, а мне не хватало городища на Куприне и более ясного шведского языка (Л. 25 об.) без чухонского лопотанья. Но тем не менее — это приятно, и приятно, что едем в Смоленск, что закончили один из самых-самых-самых [сложных] маршрутов. Может быть, увидим Васю».

14/VIII— [19]66 [г.]

(Л. 26) **Запись В. Булкина:** «Поезд Смоленск — Витебск, 9.50.

Следующая остановка — Рудня. Вопрос решен. Гнездово отпадает и Авдусин {8} потерял самого внимательного экскурсанта и незадачливого оппонента. Сейчас уже поздно, но что было бы лучше? О поездке в Рокот я узнал за 8 часов до отъезда. Был бы я там или не поехал, по существу ничего не изменится: качество тоже, так как вдвоем Глеб с Верой сумели бы сделать эту работу. А Гнездово? Когда я смогу туда попасть вместе с Авдусиным? Это же мой хлеб, черт возьми!!! А я там не был! Мать.....! Вася».

{8}. Авдусин Д. А., археолог, в 1960-е гг. — заведующий кафедрой археологии МГУ, многолетний исследователь Гнездовского могильника, а после скоропостижной смерти И. И. Ляпушкина в 1968 г. (после нашего второго — и последнего — полевого сезона на Смоленщине) и нашего поселения исследование которого велись в 1970-е гг., [исследования] возобновлены в конце 2000-х и активно продолжаются в настоящее время.

15/VIII — [19]66 [г.]

(Л. 26 об.) **Запись В. Витязевой:**

«Последние дни. Последние записи. Последние маршруты. Со страшными трудностями отыскивали в Смоленске Васю. Он был потрясен вконец — теперь уже нашим явлением. Пили кофе, перед этим смотрели детектив по телеку. Говорили долго-долго. Легли спать, решив, что он поедет на Рокот вместе с нами. Для него это, может быть, самое трудное: “наступить на горло собственной песне”, хотя было все правильно решено, но у меня до сих пор смутное чувство вины за неувиденное Гнездово, которое снилось год. Хотя Глеб прав: Гнездово можно еще увидеть, Рокот — едва ли. (Л. 27) Переход по пыльной дороге, под палящим солнцем — и “с отчаяния”, и “исторически”; один раз крупно повезло и 4 км мы протряслись в прицепе трактора — еще один вид транспорта. Очень милый старик Скобелев подбросил километра на два наши шмотки — и так

мы добрались. Директор школы встретил нас рукопожатием и тазом яблок, но в доме царит матриархат, поэтому только с Васиным обаянием можно было достать картошки и огурцов.

Городище величественное, интересное, шурфовали с удовольствием, осмотрели курганы и отправились на стоянку к себе. Отужинали, пили чай и пели песни, и снова Вася не был гостем, (Л. 27 об.) и снова мы были вместе. Проспав 1,5 часа, утром отправили его в Смоленск, вечером — в Л<енингра>д. Поздравили друг друга с Днем археолога. Сейчас выходим в поле. И это последнее прощание уже было без слез. Оно было естественным, как дыхание. Мы уже знали, что самое трудное — позади, что мы скоро встретимся, что и жизнь, и песни, и работа — не кончаются. Счастливого пути, Василь, мы скоро встретимся! Выходим на Иньково!»

Запись Г. Лебедева: «15 августа. Вот мы и в Рокоте — самой дальней нашей точке, самой недостижимой цели. И, по сути, кончается разведка, пройдены все маршруты, и даже (Л. 28) в Смоленске мы были, опередив самих себя. Ветер, в саду падают яблоки. Была вчера ночь у костра, целый бидон крепчайшего чаю, падающие звезды, сигареты в ночи, огоньки и песни. До чего же хорошо и трудно далось нам все это (...). Как я рад, что идут последние страницы этого дневника, что он уже написан — хотя еще будет трудный переход, и много работы, и денег нет, и ты кашляешь и страдаешь, (...). А яблоки великолепные в Рокоте, истинное слово, и имя-то какое — Рокот, рокотяне. Только не уставай, еще немного, нам осталось совсем пустяки дойти. А сейчас по чашке чая, льем чай в эти самые (фляги. — Г. Л. {так в тексте}) и выходим. Салют. Г. Лебедев».

18-е августа 1966 г.

(Л. 29) Запись В. Витязевой:

«Простите, ребята, сегодня, т. е. 18 августа, я впервые пишу о событиях спустя несколько дней, когда уже все кончилось, все дороги — всё. Мы встретились с милыми рожами, в общежитии пединститута, напились кофе, мальчишки играли в кинга. В окне — темная августовская ночь. Во мне — сумбур. Все слишком просто. И все не так. Слишком обыденно и слишком просто. И время — второй час ночи.

(Л. 29 об.)

После выхода на Иньково мы шли под высоким палящим солнцем, палящим небом, километры — один за другим. Идти было далеко. Я знала это. И шла, как ходят люди, знающие, что идти далеко. После Инькова стало ясно, что нужно идти прямо на Волоковую. Стремительно бежало время, пыльно ложились дороги. Когда Глеб сказал, что к 9.00 [вечера] выйдем к Волоковой, я не поверила. Это была иллюзия, чтобы не упасть, не сдохнуть, не пропасть. А вот {одно слово нрзб, м. б., метеостанции} домик. Глеб, которого принимают за немца, (Л. 30) изумленный вопрос лаборантки: “До Волоко-в-о-й?” — с повышением интонации в конце; мужики, недоверчиво вопрошающие: “Пешком???” И старуха, с дребезжащими бидонами, ленивая лошадь и около 2-х часов езды,

10 км за плечами. Потом — легче. На горизонте, в мареве — Волоковая. Ее четыре высоких дома. Ее — недоступность. Ее — близость. И наше стремление дойти. Уже полыхало последнее солнце за нашими рюкзаками... (Л. 31.) Когда казалось, что осталось поле да лес, показалась машина. Сели. Глеб с горечью сказал: “За километр до Волоковой...” Нас высадили около школы. Собрали свои 3-х[-]дневной давности окурки, сделали закрутку, не было сил ни на что, а в глазах еще — дорога, и дорога. Не было сил есть. А наш видок всех приводил в восторг и какое-то смущение: (Л. 31 об.) есть же, мол, такие... может, и не идиоты, а чего-то шляются по земле, ищут, радуются черепкам; спали в той же комнате, на той же постели. После завтрака нас на том же мотоцикле отвезли в Касплю. Не верилось: ни ключ в руках, ни наши вещи — прошла эпоха, а мы вернулись в привычное русло и не могли в него впасть — (Л. 32.) мы были уже не те. Спали в классе на столах, урисовавшись [керамики] вконец; второй день — озеро — наш десерт и последние находки. Куча ребят, милая Евдокия Тимофеевна [учитель истории Касплянской школы и страстный краевед] и куча находок. И радостно, и хорошо. Мальчишки [ученики Касплянской школы] работали, как маленькие иноходцы. Открыли дивное городище — едва ли не древний город. Много смеялись и говорили и однорукий мальчишка, подающий мне венчик.

(Л. 32 об.)

И еще сутки рисунков. Боль скручивает меня пополам. В глазах круги. Глеб держится. Я засыпаю на столе. Меня почти переносят в дом учительницы, кормят таблетками и чаем с малиновым вареньем. Просыпаюсь среди ночи. Почти хорошо. Иду на кухню за Глебом. Он весь в рисунках и пакетах. Усталая физиономия. Уходим спать. Утром остался 21 пакет. Уезжаю с учителем физики (Л. 33.) на Монастырщину. Гнусная песчаная дорога. Велосипед едет на мне. Снимаем городище, курган, слава богу — эти кадры восстановлены [когда мы здесь были в первый раз, перестал работать фотоаппарат]. Едем обратно. Заканчиваем работу. Приводим себя в порядок. Прощальный кофе и сигареты. И мы в автобусе. Незнакомая дорога, люди, разговоры. Смоленск. Едем к Шмидту. Он встречает нас в пижаме. (Л. 33 об.) Почти не говорим о деле. Идем в общежитие. Мальчишки. Они привыкли к себе. И через несколько минут, словно не расставались, но есть какая-то непроходимая грань. Не отчужденность, а грань. Что-то будет завтра. Vetsa.

На этом заканчивается «II. Касплянский дневник». 19 августа была встреча всех участников экспедиции (кроме Василия Булкина) в музее, подача наших отчетов со всеми материалами сначала на просмотр Е. А. Шмидту, затем — сдача их на хранение в музей. Результаты работы двух отрядов столь разительно отличались друг от друга, что Е. А. Шмидт отказался засчитывать работу 1-го отряда как пройденную практику, поскольку часть маршрута действительно не была пройдена, о чем он сообщил Л. С. Клейну: Полевой дневник (один на всех) велся урывками, глазомерных планов не было, лишь фотофиксация и подъемный материал. После доклада Г. Лебедева о резуль-

татах работы музейным сотрудникам, беседы его со Е. А. Шмидтом, было решено, что И. Портнягину и В. Кольчагову (как рядовым членам отряда) практика будет зачтена, даны положительные характеристики, а В. Петренко, как руководителю, с дополнительно организованным 3-м отрядом нужно завершить работу и «пройти не пройденный маршрут». Отношения между ним и Е. А. Шмидтом окончательно испортились, он уехал домой, в Ригу. Ни в организации, ни в работе 3-го отряда участия не принимал. После завершения разведки, отчета на кафедре практику ему зачли, но, возможно, он за это время успел подстраховаться и, поработав в одной из латышских экспедиций, где его хорошо знали, привез соответствующие документы.

* * *

Мне представляется, что Касплянский дневник, при всем его безыскусности и простоте, имеет для исследователей познавательное значение. Вместе с Полевым дневником № 1, методикой его ведения здесь более полно раскрывается характер Г. С. Лебедева в необычной обстановке, описывается работа, быт и настроения участников разведки, несмотря на налет романтизма и восторженности (в основном у меня), он отличается искренностью и достоверностью. Важность Касплянского дневника и в том, что с него начинается у Г. С. Лебедева систематическое ведение, параллельно Полевому дневнику, своих записей, сначала как особых разделов в Полевых дневниках, а затем — в отдельных тетрадях Записей.

В заключении отмечу, что именно Г. С. Лебедев первым обратил внимание на Тушемлинские памятники в этом регионе, его наблюдения, датировки, собранные нами материалы на историческом пути «из варяг в греки», были использованы для разработки археологической карты Смоленской области в первой половине 1970-х годов. Вслед за нашими работами Е. А. Шмидт исследовал городища в Холме, Куприне, могильник в Акатове. И уже в наши дни московскими археологами исследуется городище в дер. Рокот (В. Нефедов). Закончить можно тем, что 5 ноября 2013 г. в дер. Шугайлово, где мы работали на раскопках длинного кургана, состоялось открытие туристического маршрута «Предания старины глубокой».

*29 января 2014 г.; просмотрен и исправлен 1 февраля 2014 г., Санкт-Петербург.
В. А. Витязева-Лебедева*

О Г. С. ЛЕБЕДЕВЕ. ОЧЕРКИ И ИНТЕРВЬЮ

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ МАРГОЛИС

Я познакомился с Глебом Сергеевичем Лебедевым в 1965 году, когда ему было 22 года, а мне 18. Он только что, отслужив три с лишним года в армии, вернулся в университет и сразу оказался одним из главных ораторов на знаменитой Дискуссии по варяжскому вопросу. Мне посчастливилось оказаться на факультете как раз в этот день, и я услышал его блестящий доклад. Он разбирал по косточкам, по полочкам высказывания классиков марксизма-ленинизма по варяжскому вопросу, которые в советской историографии намеренно искажались. Это произвело на меня сильнейшее впечатление. В перерыве нас познакомили, ну и с тех пор мы дружили, довольно часто встречались, вплоть до моего отъезда в Новосибирск. Я в 1966 году отправился в Новосибирский Академгородок и учился там в Новосибирском университете. Но каждый раз, когда я приезжал из городка в Петербург, мы встречались, общались. После моего возвращения в родной город уже окончательно в 1972-м эта дружба продолжилась.

Кстати говоря, термин, который он предпочитал петербурговедению, — «петербургика». Он был увлечен основными своими научными занятиями — это варяжский вопрос, археология северо-запада и т. д. Я в 1970–1980-е годы работал в Музее истории города в Петропавловской крепости, и там произошел эпизод, который, как мне кажется, можно считать точкой отсчета в его занятиях Петербургом. Проходили какие-то земляные работы на территории Заячьего острова, были приглашены археологи, и эту группу возглавил Глеб Сергеевич. Они провели чрезвычайно успешные раскопки на территории Нарышкина бастиона, обнаружив там очень много материалов, характеризующих первоначальную древнюю крепость, с которой, собственно, начался Петербург. Я думаю, что его идея, его концепция, которая в дальнейшем блестяще реализовалась, о том, что археология Петербурга, молодого города, основанного в начале XVIII века, имеет право на существование, и что культурный слой петербургский представляет большую научную ценность, его нужно охранять и исследовать. Я думаю, что эта идея зародилась тогда во время этих раскопок в Петропавловской крепости. Ну а дальше, как вы знаете, он вынужден был оставить кафедру археологии нашего Университета в начале 1990-х годов, что, на мой взгляд, нанесло сокрушительный удар истфаку в целом и кафедре археологии в частности — абсолютно невосполнимая потеря. Для меня деградация истфака начинается именно с это-

го момента. Он перешел на работу в НИИКСИ. И уже на этом месте занятие Петербургом, занятие петербургской археологией прежде всего вышли на авансцену его научной деятельности.

Это совпало с его активным участием в общественной и политической жизни города. Ну, видимо, об этом говорят все, кто о нем вспоминает. Он был отнюдь не кабинетным ученым, у него был очень яркий общественный темперамент, и он в полной мере проявился как раз в годы перестройки — во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. Мы с вами беседуем в научно-информационном центре Мемориала, если вспомнить, и я напомним: именно Глеб Сергеевич Лебедев был одним из его основателей и относился к этой работе очень серьезно*. В депутаты демократического Ленсовета он был выдвинут Ленинградским народным фронтом и Мемориалом, затем возглавил Постоянную комиссию по культуре и культурно-историческому наследию. И естественным образом его общественно-политическая работа приблизила его к этой узкой теме в свою очередь, потому что руководитель ленсоветовской комиссии по культуре должен был заниматься всеми вопросами, имеющими отношение к культурной жизни города. Глеб тогда преимущественно сосредоточился на вопросах защиты культурного наследия. И рядом с ним поднялась сегодня уже заметная всем и каждому фигура его ученика Алексея Ковалева, тоже археолога. И здесь я должен сказать два слова об особенностях общественного движения в нашем городе в годы перестройки. В отличие от многих других городов страны и от Москвы в частности движение в защиту наследия здесь оказалось своего рода дрожжами вот этого демократического широкого движения. Достаточно вспомнить знаменитую битву за дом Дельвига, которую возглавил Алексей Ковалев со своей группой «Спасение», а потом битву за «Англетер» в следующем 1987 году. Все это называлось общественно-культурным демократическим движением, то есть в нашем городе эта система ценностей, эти ценностные ориентации оказались доминирующими. И, конечно, Глеб Сергеевич, как историк, в этих процессах играл очень яркую роль. В наши дни это все воспринимается не так, как в ту пору, но именно демократическое движение оказало колоссальное воздействие на власть в деле возвращения конфессиям храмов. Да попросту кресты стали возвращать на купола именно под давлением демократических депутатов, и роль Глеба здесь очень трудно переоценить. Постепенно у него сложилась целостная концепция культурной политики для Ленинграда. Санкт-Петербургом он станет через год, после того как Глеба Лебедева изберут в Ленсовет и он едва ли не первым выступит за возвращение городу его исторического имени. С этого момента наши контакты стали почти ежедневными и вплоть до его трагической гибели в 2003 году не прерывались, потому что я тогда же покинул Музей истории города и стал директором Международного фонда спасения Петербурга — Ленинграда, пре-

---

* В 2022 г. Санкт-Петербургское отделение общества «Мемориал» был признано «иноагентом», и по решению суда его деятельность была прекращена.

зидентом этого фонда, основателем которого был А. А. Собчак. И может быть, я был одним из первых, кому Глеб Сергеевич показал свою концепцию. Он обратил внимание, что мы медленно, но верно приближаемся к очень важному рубежу, к 300-летию города. Это еще одна его замечательная особенность — такое масштабное видение вещей, их стратегическое видение. Тогда, в начале 1990-х, он уже задумывался о грядущем юбилее и считал, что необходимо поэтапно готовиться к этой дате. Мы детально разбирали с ним те идеи, которые были зафиксированы в данной концепции, и почти по всем пунктам сошлись. У меня никогда не поворачивался язык назвать его просто археологом. Это не про него. Хотя, конечно, он был блестящим археологом, и свидетельства тому многочисленны. Но он всегда выходил за рамки этой научной дисциплины, что характерно для его творческого метода в целом и для его занятий Петербургом в частности. Тогда же в 1990-е годы появились слова «культурология», «культуролог», они мне не очень нравятся, но это гораздо ближе к сути его занятий, к сути его понимания **миссии**, то есть он мыслил очень широкими категориями, и, будучи блестящим эрудитом практически во всех областях всемирной истории, он обладал способностью сопрягать многое со многим. Эта связь вещей и явлений из разных времен и разных стран им улавливалась поначалу просто на интуитивном уровне, ну а потом все это превращалось в стройную убедительную научную концепцию. Для него явление Петербурга и роль Петербурга в отечественной и мировой истории была просто грандиозна. А отсюда и очень высокая степень ответственности за то, что он живет в этом городе. Я думаю, что до сих пор в полной мере его вклад в петербургику, его взгляд на петербургику не осмыслен, не освоен, не стал, что называется, достоянием масс. Совершенно конкретный пример. Где-то в начале 1990-х годов он впервые оказался в Риме в командировке. Вернулся оттуда, естественно, переполненный впечатлениями и вскоре написал статью, сделал доклад о том, что на самом деле наиболее точным предшественником Петербурга является вовсе не северная Венеция, и даже не новый Амстердам, а именно северный Рим. Эти параллели между Петербургом и Римом были очень четко выявлены, сформулированы им.

Его совершенно справедливо считают романтиком, и он, безусловно, таковым и являлся. Допустим, его тесная связь с Интерьерным театром. Можно сказать, что до какой-то степени он был идеологом Интерьерного театра. И вот это стремление создать Мистерию петербургскую, вынести ее за стены театра на улицы города — это их совместная с Н. В. Беляком идея, в полной мере, к сожалению, не реализованная.

Ну а что касается, собственно, предметов его занятий в НИИКСИ, как я уже сказал, это разработка системы и методов, методики петербургской археологии. Если сегодня понятие *Петербург и археологический памятник в археологии* прочно вошло в представление о культурном наследии, это прежде всего заслуга Глеба Сергеевича, хотя еще четверть века назад далеко не всем это казалось очевидным, а сейчас это прописная истина. Могу себе предста-

вить, какую бы роль он сыграл в эпопее с Охтинским мысом, которая начала разворачиваться уже после его гибели. Находки, сделанные экспедицией П. Сорокина, борьба с этим чудовищным проектом башни Охта-центра. И нам просто не хватает его блестящих идей и его фантастической совершенно энергии, с которой он отстаивал эти идеи.

Я также сказал о том, что, покинув кафедру археологии, в начале 1990-х, он в значительной степени обескровил истфак, ну не будем сейчас углубляться, почему это произошло — важно, что произошло. И тем не менее к этому рубежу он подготовил такое количество учеников — это настоящая школа, и об этом очень внятно написал его учитель, один из его учителей, Лев Самуилович Клейн. То есть в какое бы учреждение, где присутствует археология Северо-Запада нашей страны, мы ни зашли, мы обязательно встретим там учеников Лебедева. И как университетский профессор, он, конечно, был на уровне самых блестящих профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета. И таким образом, в перспективе еще работа по изучению его творчества, его метода преподавания, его стиля работы с учениками. Я уже сказал, что он не кабинетный ученый. У него был поразительный талант работать в коллективе, организовывать эти коллективы, возглавлять эти коллективы и вести их к победе. Таким даром обладают далеко не все ученые, даже самые лучшие из них. И конечно, в 1990-е годы, в начале этого века, мне кажется, что ему остро не хватало этой привычной для него среды, этой привычной для него работы среди студентов, среди аспирантов, среди молодежи, хотя, конечно, эти связи никогда не прерывались окончательно.

Он был человек страстный, он увлекался своими идеями и был способен увлечь этими идеями окружающих. В этом смысле он какое-то гипнотическое воздействие оказывал на окружающих. Конечно, далеко не все из этих многочисленных идей были реализованы. Поэтому я повторяюсь, что исследование его жизни и творчества еще только начинается, и когда оно будет исполнено в надлежащем объеме и с надлежащей глубиной, вот тогда осознают, что это была целая эпоха Лебедева и в истории нашей науки, и в истории высшей школы. Вот так вот рифмуются его главная книга «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» и еще не написанная книга «Эпоха Глеба Лебедева в истории Петербурга последней четверти XX века».

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ

О его общественной деятельности я рассказать не смогу. Дело в том, что я как раз во второй половине 80-х попал в Афганистан на преподавательскую работу, и когда разворачивалось все это, я только по письмам от Ковалева узнавал, что в городе происходит. А так Глеб принимал активное участие во всех этих делах и в Ленсовет попал таким образом. Я как приехал, нагрузка обвалилась страшная — мне повесили очень много курсов новых, мне было совер-

шенно не до того, чтобы заниматься городом, хотя теперь очень жалею о том, что я не включился в это дело.

А я исключительно по археологии с Глебом Сергеевичем пересекался. Познакомился я заочно с ним еще в середине 60-х, заочно, потому что я тогда с подачи А. Бианки, археолога — внука известного детского писателя, — познакомился с Л. С. Клейном, а Клейн — это общий учитель знаменитой троицы, которая училась в середине 60-х на кафедре: Глеба Лебедева, Василия Булкина и Володи Назаренко. Мне Лев Самуилович Клейн рассказывал про всю эту троицу и, особенно, про Глеба Сергеевича как человека очень талантливого и хорошего организатора и как археолога, очень тонко чувствующего материал. И поэтому, когда я поступил в 1969 году на кафедру, был очень рад познакомиться уже лично с Глебом Сергеевичем. А спустя три года слушал его лекционный курс по археологии «Железный век Европы», и надо сказать, что лекции были исключительно интересные, четко построенные, в системе, с иллюстрациями. В общем, производил этот курс очень сильное впечатление и глубиной своей, и широтой. Хотя я занимался тогда Сибирью, а Глеб Сергеевич в основном преподавал европейскую археологию, тем не менее это было все очень интересно.

Кроме того, я знал Глеба Сергеевича заочно и по публикациям. Дело в том, что я археологом хотел стать с детства, но так сложилась судьба, что я слишком увлекся историей археологии в школе в 7–8 классе (тогда как раз был переход с семилетней системы обучения на восьмилетнюю). И я так увлекся историей, что запустил прилично все остальное, в частности физику, химию и математику, и получил я три двойки в году, но я, правда, быстро пересдал. Мне повезло, что был переход на новую систему, поэтому на второй год меня не могли оставить при всем желании — некуда было оставлять. И это увлечение археологией меня после вот этой неудачи в 8-м классе привело к тому, что я поступил на радиотехнику. Я рассудил, что физические и точные методы в археологии стали модными и перспективными, и, в частности, я познакомился с первым большим сборником, по-моему, назывался он «Естественнонаучные методы в археологии». В этом сборнике была большая статья Глеба Сергеевича, которая мне очень понравилась, увлекла, то есть я в него уже был влюблен заочно до поступления в Университет.

Позже, когда я, наконец, с помощью моих любимых естественнонаучных методов в археологии написал диплом, во время защиты (руководителем был Клейн) можно было наблюдать ситуацию, о которой мне потом рассказывали. Сидели наши дамы археологические, слушали меня и переглядывались, пожимали плечами и говорили: «Татьяна Дмитриевна [Белановская], вы хоть что-нибудь понимаете? Что он говорит?» — «Ничего не понимаю». А Глеб Сергеевич, напротив, очень хвалил мою работу, очень меня поддержал, и чувствовалось, что мы полностью понимаем друг друга. Это было приятно.

Потом у меня начался период довольно сложный, потому что система в те годы была следующая: выпускников истфака распределяли, главным образом

по сельским школам. Мне предписали ехать в Архангельскую губернию. Но тут вступился за меня наш родной Дворец пионеров в Аничковом дворце, к тому времени я работал там уже четыре года, и меня распределили туда. Отработал я во Дворце пионеров пять лет. И вдруг неожиданно звонит мне Л. С. Клейн и говорит о том, что будет место в очной целевой аспирантуре и что я имею самые реальные шансы. Я быстро подготовился, сдал экзамены и поступил в аспирантуру. Там мы стали больше общаться с Глебом Сергеевичем. И вот тут-то и произошла та встреча, о которой я, собственно, и хотел бы рассказать. Дело в том, что встречи на истфаке — это деловые разговоры на бегу или передача рукописи и отзыва на нее. А эта встреча произошла, когда я работал в Лужском районе. Ко мне приехали гости из другой экспедиции и сообщили, что совсем недалеко, в 10–15 км, работает экспедиция Глеба Сергеевича. Мы решили сходить к нему в гости. Путешествие было нелегким, так как эти 10–15 км нам пришлось пройти по жуткому болоту, по колено в воде, и хотя было не так далеко, но устали мы очень прилично. Накануне я, конечно, положил бутылочку коньячка в полевую сумку. И вот мы явились к Глебу Сергеевичу: «Здравствуйте, принимайте гостей». И вот тут началось что-то совершенно потрясающее. Стемнело быстро, коньячок разошелся. Горит свеча. Темнота. В неровном мерцающем свете этой свечи лицо Глеба Сергеевича. Он стал читать свои стихи. Это было нечто. Исчезло все: исчез Лужский район, исчезла экспедиция. Осталась только темнота, в бликах свечи лицо Глеба Сергеевича и вдохновенное, совершенно фантастическое чтение стихов про викингов. Комната наполнилась боролатыми викингами в доспехах, с франкскими мечами, со щитами. И ладьи. Фантазия рисовала что-то совершенно фантастическое. И это был Глеб Сергеевич. По-моему, он сам ушел из этой жизни и откуда-то с неба вещал свои замечательные стихи. Я не знаю, где их можно достать. Наверное, где-то они сохранились. И наверное, можно их почитать и нужно было бы их опубликовать.

Потом я написал диссертацию, и опять же Глеб Сергеевич лучше всех выступил на моей защите с такими трогательными словами, даже, мне кажется, преувеличил достоинства этой диссертации, но выступал он всегда очень вдохновенно. И вот последний раз, когда я слушал его выступление, это было по поводу выхода в свет книги «Археология и не только...». Во Дворце пионеров была презентация, собралось много людей, масса выпускников нашего кружка. Выступал Глеб Сергеевич. Он так умел завестись, так умел вдохновиться своей собственной речью, что все сидели, открыв рты.

Еще одна деталь. Глеб Сергеевич первым нам дал задание, когда я еще только был второкурсником и начинал свою работу во Дворце пионеров. Была создана экспедиция. Я, конечно, очень хотел поехать в Сибирь, но мне как начинающему педагогу в Сибирь с детьми поехать не разрешили, только в пределах Ленинградской области. Тогда я подошел к Глебу Сергеевичу и сказал: «Глеб Сергеевич, куда бы нам поехать и сделать что-нибудь полезное для науки. У меня есть полтора десятка хороших ребят, заинтересованных в археоло-

гии. С хорошими ногами и крепкими плечами. Могут носить рюкзаки и теодолит. И можем найти нужные памятники в нужном месте». Глеб Сергеевич, на секунду задумавшись, сказал, что есть интересное белое пятно на территории Лужского района — это среднее и верхнее течение реки Сабы, там никто не живет, дорога такая, по которой только зимой можно проехать, а летом, когда подсохнет, на тракторе. Там есть пара деревень, но они недосыгаемы. Пройти вдоль Сабы и что-то поискать — это было бы интересно. Как выяснилось, на этом большом участке, который мы прошли благополучно, хотя и с трудом, памятников не оказалось, потому что, действительно, очень заболоченные места и там просто негде им быть. А в самом начале мы нашли курганный могильник, зафиксировали его. И в самом конце, когда уже вышли в населенную местность, тоже был памятник. Глеба Сергеевича очень порадовал наш результат, он включил наш отчет в свой Полевой отчет. Таким был один сезон нашего полевого сотрудничества.

Это то, что я хотел рассказать про Глеба Сергеевича. Я мало с ним был знаком, мало вместе с ним работал, но то, что я о нем знал, всегда производило яркое впечатление. Это, конечно, была выдающаяся личность.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ

Как Вы познакомились с Глебом Сергеевичем?

Совершенно невозможно вспомнить. Он постепенно обозначился в моем сознании как факт истфакийской действительности. Понимаете, когда я только-только стал поступать на истфак, для меня это было связано с личными потрясениями. Я ушел из одного вуза, поступал в другой совершенно, очертя голову, в некоторой растерянности, будучи уверенным, что я не успею подготовиться по-человечески, и испытывая разнообразные сомнения. В частности, и истфак в ту пору меня очень волновал как заидеологизированный факультет, это торчало во все стороны. И я помню, как я иной раз приду на истфак, как на место, куда я собираюсь поступать, и мне становится не по себе от количества протокольных физиономий. Я после этого уходил этажом выше на философский, и после истфак мне казался вполне симпатичным. Я приношу извинения тем, кто, быть может, это проассоциирует с собой и оскорбится. Но исторический факт есть исторический факт. Действительно, одним из истфакийских лиц, которое свидетельствовало об обратном, о человечности, была такая яркая гротескная личность Глеба Сергеевича, ни на что не похожая, но несомненно не вписывающаяся в клише факультета, несущего на себе бремя идеологического официоза.

Мои воспоминания о Глебе Сергеевиче — это в основном воспоминания студента, и я более всего с ним общался в этом качестве. Ни другом, ни сотоварищем по экспедициям, ни сочленом по археологическому сообществу он для меня никогда не был. Он, однако, был одним из несомненно приятных ра-

дующих людей, из радующих лиц на факультете. Он обращал на себя внимание своей неформальностью, неформатностью, адекватностью. Он всегда был интересен, в частности потому, что он представал как живой и, в меру этого, не вполне предсказуемый человек, шла ли речь о его лекциях, о его преподавании, или же шла речь о просто сосуществовании в рамках факультета.

Расскажите об обществе «Петербург» и роли Глеба Сергеевича в его деятельности.

Действительно, мне много с ним пришлось общаться по поводу обустройства общества «Петербург». Общество это было несколько странного образования. Толчком к его созданию явились события 1987 года, когда возмущение многих горожан вызвало то, что старое здание гостиницы «Англетер» вместо того, чтобы реставрировать, решили снести и построить заново. Ситуация была, в общем-то, вполне очевидная, и вокруг этого возник некоторый шум и в прессе, и за пределами. У части людей, наблюдавших ситуацию, были некоторые сомнения: быть может, действительно, здание изношено, как об этом уже после начала скандала стали говорить представители власти, быть может, его невозможно восстановить. Но дело в том, что диалог шел по нескольким линиям, люди просто стали приходить к зданию, потом были организованы пикеты. Люди стояли кучками, бурно обсуждали, к ним пришлось выходить каким-то официальным лицам. Ваш покорный слуга говорил с тогдашним главой ГИОП, впоследствии возглавившим Царское Село, Иваном Саутовым, который жизнерадостно объяснил, что здание в отличном состоянии и еще бы стояло и стояло, но гораздо более хозяйским подходом будет снести его и построить заново. Ситуация в первую очередь была дикая. И было очень интересно и замечательно видеть, как собираются люди, казалось бы, не имеющие ни особенно много культурно общего, ни социально общего. Действительно, на площади встречались и представители какой-то совершенно неформальной молодежи, и представители молодежи сугубо формальной, и представители совсем не молодежи. Хотя в основном это были молодые люди. И я должен сказать, что это был совершенно потрясающий опыт гражданского сосуществования, совершенно, как теперь кажется, немыслимый в контексте 1987 года, когда на самом деле еще почти ничего было нельзя. Тем не менее это было. Так или иначе, там было изрядное количество универсантов. И спустя некоторое время в Университете было решено произвести примерное разбирательство. Устраивать это в формате кары, наказания решили чрезмерным, и поэтому студентов собрали в большом зале Двенадцати коллегий для того, чтобы объяснить им, что они неправы. Председательствовал на этом собрании ныне ставший окончательно медийной фигурой Бастрыкин. Собрание оказалось совершенно провальным. Те, кто пришли туда во мнении, что творится безобразие, ушли окончательно в этом убедившись, а люди в президиуме, по всей видимости, поняли, что что-то упущено.

К истфаковскому сообществу относились люди из группы «Спасение», которые в то время его возглавили и постарались, насколько это было возможно,

организовать противостояние сносу. Поэтому вполне естественно, что в Университете велось какое-то особое кипение и бурление. Но в этих событиях приняли изрядное участие многие студенты, которые просто испытывали к этой теме интерес, просто были неравнодушны к состоянию дел в городе, к городской архитектуре, к судьбе старых зданий. Не те люди, которые до некоторой степени были готовы посвятить себя принципиальной борьбе, как это делала группа «Спасение», а в большей степени просто участвующие лица, которых объединила ситуация. И для того, чтобы, так сказать, забить для них некоторое пространство житейское, для того, чтобы легитимизировать их присутствие в качестве непреследуемых людей на факультете, надо было как-то расставить какие-то флажки, обозначить, что они дозволены. Потому что опять-таки в те годы это было принципиально — обозначить, что это можно, потому что в противном случае это при необходимости означало бы, что этим людям вспомнят очень скоро, что они провинились. И этого просто нельзя было допускать. Соответственно, отсюда возникла идея организации какого-то кружка, клуба, общества, как ни назови, какой-то группы, куда бы входили взволнованные этой темой студенты, в качестве некой итфакийской и шире — университетской — структуры. У нас тогда не было особенных иллюзий по поводу того, что мы сможем организовать что-то достаточно мощное. Планировали просто собраться теми людьми, которые этим заинтересованы. Может быть, еще какое-то количество примкнет. Хотели просто продолжать делать то, что мы и так уже делаем: какое-то посильное участие в пикетах, оповещение о нормальном положении дел, быть может, какие-то акции в будущем, отчасти поддержка группы «Спасение», а отчасти, возможно, какая-то собственная программа. Все это было очень туманно, просто надо было начать. Я и Евгений Торшин тогда повели какую-то основную организационную работу, а со стороны преподавателей нас активно поддерживали двое. Один, которого я хочу вспомнить благодарным словом, Рогальский, воспринимался нами, скорее всего, не без некоторого основания как некий парламентар университетской власти, как человек, который негласно уполномочен объяснить нам, на что мы имеем право. На учредительной встрече он очень настойчиво призывал нас принять название «Петербург», хотя мы собирались назваться как-то сдержаннее и скромнее, менее амбициозно. То, как он на этом настаивал, по-видимому, всем присутствующим привело на ум случаи спуска названий для институтов сверху, как это практиковалось в советское время. По этим, по некоторым другим признакам нам казалось, что он представляет власть. Так или иначе, он был, безусловно, доброжелателен и нас поддерживал. Совсем другим типом поддерживающего преподавателя был Лебедев, который явно представлял себя и никого более и который просто бросился поддерживать инициативу. Собственно, надо сказать, что оба при этом хотели, чтобы это было именно студенческим делом. И, быть может, наиболее важным участием Глеба Сергеевича как раз было то, что он не пытался вмешаться. Он поддерживал, он все время говорил, что это надо, он, так сказать, предлагал свое имя, свой авторитет на факультете

в качестве некоторого фактора поддержки, но он не пытался вмешаться в то, что мы делали. Он был готов принять участие, но не в руководстве. Это было довольно важно. Дальше наш «Петербург» пережил несколько гротескных потрясений. Например, в его рядах появился чрезвычайно энергичный студент, который настаивал на некоторой политизации, причем, судя по всему, скорее левацкой, в частности настаивал на том, что должна быть предельно формализована пофакультетская структура «Петербурга» и что в Уставе должен быть прописан принцип демократического централизма. В дискуссии с поднятием и, с вашего позволения, опусканием подобного рода предложений, а на это уходило некоторое время и силы, Глеб Сергеевич не вмешивался, он все это наблюдал с улыбкой, готовый поддерживать именно дела. Собственно, первым главным делом стало вывешивание стенгазеты на факультете, которая на некоторое время явилась чем-то вроде рупора более или менее адекватной информации о состоянии релевантных дел в городе. Собственно, я немножко рассказал, чтобы было понятно, что же именно поддерживал Глеб Сергеевич, чему же именно он радовался. Дальше, что бы «Петербург» ни делал, было ли это наведением порядка на могилах университетских преподавателей или других замечательных персонажей на Смоленском кладбище. Или фотографирование складских корпусов рядом с Университетом, которые уже тогда были назначены под снос. Все это действительно относилось к сфере того, что люди, в основном занятые своими житейскими университетскими делами, осуществляют какую-то посильную помощь. И тут Глеб Сергеевич нас поддерживал на двести процентов, и вот, пожалуй, главное, что я могу сказать.

Каково отношение Глеба Сергеевича к Петербургу?

Мы с ним не раз обсуждали эту тему. Он, как человек вообще страстный и полный энтузиазма, с огромной страстью относился и к Петербургу. Его стремление увидеть Петербург в комплексе, анализировать свой восторг, соединить восторг с аналитическим взглядом — это как раз очень характеризовало его как влюбленного ученого. То, как он говорил о трех лучах, расходящихся от адмиралтейства, конечно, было вполне сравнимо с тем, как скальд пел о подвигах древних героев. И то, как ему удавалось через эти три луча дальше выстраивать в беседе и собственном сознании яркую цельную картину обустройства петербургского пространства, конечно, было страшно интересно. И хотя я подолгу с ним говорил на эту тему несколько раз, каждый раз разговор прерывался, оставляя меня с чувством голода, каждый раз было еще очень многое, о чем хотелось бы поговорить, но какие-то внешние обстоятельства, время, какое-то расписание, все это не позволяло продолжить беседу, а интересно было до безумия. Проблема, однако, в том, что при том, насколько все это было концепцией, насколько все это было логично выстроено для Глеба Сергеевича, он, разумеется, смотрел на это как поэт. И пересказывать его построения я совершенно не берусь. Это был его авторский голос, его авторский взгляд. Для того, чтобы суметь это пересказать с достаточной бережностью к его концепции, концептуальному составляющему элементу его рассказа,

надо было бы, конечно, больше с ним это обсуждать, больше вникать в логическую сторону этих рассуждений, тогда как меня они скорей пленили в поэтическом плане. По крайней мере, там несомненно присутствовало и то и другое.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ИОАННИСЯН

С Глебом Лебедевым мы познакомились в самом конце 1960-х годов, когда я был еще студентом, а он уже аспирантом. Причем знакомство сразу произошло в полевых условиях. Про Глеба слышали и знали на факультете все. Но знакомы, естественно, мы пока еще не были. Все-таки сказывалась разница в возрасте, в курсах. Это было летом 1969 года, мы работали в экспедиции Михаила Константиновича Каргера на Рюриковом городище, которое тогда, впрочем, как и сейчас, было оторвано от большой земли. Вдруг высаживается к нам какой-то десант на лодках. К таким десантам мы всегда относились настороженно, потому что досаждали местные жители с той стороны. Приготовились давать отпор. Вдруг те, кто Глеба уже хорошо знал, завопили: «О, это же Глеб Лебедев!» Естественно, все приготовленные палки и колья полетели в стороны. И вот тут произошло уже действительно первое знакомство, которое потом как-то очень быстро, несмотря на разницу в возрасте, переросло в дружбу. Вообще, я должен сказать, что истфак тех времен тем и отличался, что такой возрастной разницы, как сейчас, когда студент второго курса не знает абсолютно студента третьего курса, тогда не было. Тогда те, кто занимался одной специальностью, знали друг друга — от первого курса до аспирантов. Все чувствовали, что занимаются одним делом, и сплачивались по каким-то чисто профессиональным интересам. И здесь очень многое проверялось. Потом мы с ним вместе работали уже в других экспедициях вместе. Ну а поскольку все занимались Древней Русью, то несмотря на то, что круг интересов был у каждого свой довольно узкий, тем не менее, общая проблема — что такое вообще древнерусская цивилизация — стояла перед всеми. И вот здесь как-то очень быстро стала понятна широта взглядов Глеба на ту эпоху, которой он занимался. Для него интересно было все: от эпохи викингов, то есть от эпохи зарождения государственности русской до той эпохи, которой я уже занимался, то есть сложившаяся Древняя Русь с момента принятия крещения, поскольку я занимался древнерусской архитектурой до монгольского нашествия. И дальше, и шире. Глеб как-то умел аккумулировать людей вокруг себя, фантастически умел. Уже тогда стало ясно, что он воспринимает Древнюю Русь не локально, не как нечто само в себе изолированное, оторванное от всего остального европейского мира. Вот почему он и занялся эпохой викингов, для него это было важно, потому что именно в это время Русь, как только она начала формироваться как государственность, стала частью общего мира, североевропейского, будем говорить так. Ведь до этого споры вокруг викингов и вообще по варяжскому вопросу — сколько существует наша историческая наука, столько и эти

споры — то затихают, то вновь возникают. Причем всегда они носили ярко выраженный идеологический характер: как это так — пришли какие-то там люди из-за моря и нас таких вот создали; а мы ни на кого не похожи, мы сами по себе. И Глеб все время придерживался той позиции, (причем она у него выражалась ярче, чем у кого-нибудь), что это был один мир. Несмотря на то что эти люди — славяне, скандинавы, балты, финны — говорили на разных языках, это был один мир, находившийся на одном уровне развития, на одной стадии развития. И вот тем эта эпоха для Северной Европы и оказалась интересна. Конечно, с другими европейскими регионами здесь были расхождения. Это не классическая Западная Европа, не Германия и Франция, тем более не Италия, и еще тем более не Византия, которые от Рима ведут свою традицию, а это мир варваров, мир средневековых варваров, который в этот момент очень быстро формируется и начинает догонять все остальные части европейского мира. При этом Русь оказывается частью этого мира. Поэтому тут не надо было бояться того, что какие-то там заморские варяги пришли и что-то создали; это был один мир. И Русь, кстати, стала даже обгонять другие территории. Ведь, например, Русь христианизировалась раньше, чем те же самые скандинавы. Скандинавы — это вообще такой был катализатор развития, ну, можно сказать, всей Европы на рубеже I–II тысячелетия уже нашей эры. Если посмотреть, где эти норманны только не отпечатались, даже там, где была старая традиция средневековой уже цивилизации — от Рима, от Греции идущей, — охватившая огромный кусок Византийской цивилизации, если взять ту же самую Сицилию, там тоже, в конце концов, оказываются норманны. И вот Глеб очень четко, пожалуй, четче, чем кто-нибудь, сформулировал это понятие единого мира, но он пошел еще дальше. Русь — это Русь, но Русь потом нашла свое продолжение уже в России. Причем Россия тоже имела свою стадию средневековья, свою стадию рождения уже как России. Когда это произошло? Вот этот вопрос Глеба очень интересовал. Поэтому он с таким интересом относился, например, к тем сюжетам, которые мы, его младшие коллеги и друзья, начинали исследовать. Например, что стало с Русью, с той, которая выросла из первой государственности, которая сложилась на рубеже IX–X веков. А в X веке стала уже собственно Древней Русью, которая и стала государством Русь окончательно. Но потом пришли монголы. Что стало после этого с Русью? Кстати сказать, вот этот момент, не Русь эпохи викингов, а именно момент после — монгольской Руси, — это то, что мы сейчас называем «темными веками». Прежде всего, очень мало осталось свидетельств о культуре этого времени. Это было очень тяжелое время, когда опять пришлось начинать все сначала. Но в этот момент пошли уже другие интересные процессы — из Руси стали выкристаллизовываться, пока еще выкристаллизовываться, уже разные восточнославянские народы. Это потом уже, где-то после XIV–XV веков стало возникать то, что мы сейчас называем русскими, украинцами, белорусами, все это возникало из Руси. А когда, собственно, началась Россия? Вот вопрос, который Глеб постоянно всем нам задавал. Он держал это в поле своего зрения, но сам этим

не занимался. Может быть, он перескочил еще дальше нас всех и увидел продолжение Руси уже в России новой, в сформировавшейся России — уже при Петре Великом, в петровское время. Вот был круг его интересов — этот блестящий XVIII век. Глеб в него был просто влюблен. Казалось бы, Русь эпохи викингов и XVIII век! Глеб первым из всех сделал связку между этими двумя эпохами, перескочив через действительно «темные века» и какой-то откат назад в XVI–XVII веках. Идея-то во многом была, конечно, в те времена еще абсолютно утопической, да и сейчас. Глеб Лебедев и Дмитрий Мачинский как раз вот эту идею постоянно проповедовали. Да и сейчас такой прямой связи очень хочется всем видеть, но ее нет. Сказались эти промежуточные этапы в истории Руси в формировании собственно России. Но что эти две эпохи роднит — это эпоха формирования абсолютно нового мира. И опять нового мира в кругу европейских народов. И вот поэтому Глеб обратил внимание на Петербург. Тогда еще мы толком даже не знали, что собственно в Петербурге осталось от того петровского времени. Ведь то, что сейчас мы видим: несколько каких-то сохранившихся зданий, фрагменты планировки городской структуры — это не петровский Петербург. **А КАКОЙ ЖЕ?** Петровский Петербург археологизировался. **НО НЕ ВЕСЬ ЖЕ!** И вот тогда именно Глеб сказал, что этим надо заниматься, что мы получим здесь археологический памятник Нового времени, тогда об этом никто еще не думал. И вот тогда же, где-то в конце 60-х годов, случайно совершенно Александр Данилович Грач обнаружил хорошо сохранившийся культурный слой XVIII века на Васильевском острове у Кунсткамеры¹. Глеб ухватился за это и стал нас всех втягивать в изучение Петербурга. Надо сказать, что мы тогда изрядно брыкались — чего мы тут будем возиться с XVIII веком, и так хватает всего другого. Но Глеб благодаря своему совершенно заводному характеру просто начинал, и поневоле в это вовлекались. Я даже помню сейчас первые объекты, которые стали стабильно и стационарно исследоваться. Это был Летний сад. Те фонтаны, которые Петр Егорович Сорокин недавно исследовал практически все, впервые были раскопаны при участии Глеба Сергеевича Лебедева. Затем было архитектурно-археологическое исследование Сампсониевского собора под руководством Ю. М. Денисова, старшего преподавателя кафедры истории искусства, известного историка архитектуры Петербурга XVIII века. Памятник очень интересен тем, что он как раз олицетворяет связь между той допетровской Русью и уже Новой Россией. Ну и первые раскопки в Петропавловской крепости, которые велись К. М. Плоткиным и В. А. Витязевой, сотрудниками Музея города, в 1976 году под руководством Глеба Лебедева. Правда, все эти работы в систему еще не сложились, хотя Глеб постоянно внушал всем, что системность — основа всего. Именно поэтому по его инициативе была создана Петербургская археологическая экспедиция, которую возглавил тогда Петр Сорокин — ученик Глеба Лебедева. Глеб постоян-

---

¹ Археологические исследования в Таможенном переулке у здания Кунсткамеры А. Д. Грач проводил в 1952 г. — [Ред.](#)

но курировал деятельность этой экспедиции, и он ориентировал на эту же деятельность созданную им же Лабораторию по изучению памятников археологии на территории города. Лаборатория тогда была создана и продолжает действовать до сих пор.

Когда исследовательские работы начались у нас здесь во дворе Эрмитажа, мы воочию увидели, насколько Петербург является уникальнейшим археологическим объектом. Он законсервировался. Да, здесь прокладывали траншеи, канализацию, кабельную систему связи, но в целом культурный слой города, несмотря на, казалось бы, полную перекопанность, остался цел. Был конец 1990-х годов, когда в первый раз это произошло, при большом сопротивлении и непонимании, кстати, собственного начальства, то есть Эрмитажа стали тормозить производство всяких земляных работ во дворе, вот Глеб очень активно тоже вовлекся в изучение тогда и наших территорий. К сожалению, здесь ему судьба уже не столь много отмерила на участие в этих делах. Но что еще успел Глеб сделать? Он успел инициировать законодательное утверждение Петербурга как археологического объекта, и тот проект охранных зон, который разрабатывался по его инициативе и при его участии, дорабатывать пришлось уже нам — Петру Сорокину, мне, Юрию Михайловичу Лесману, еще нескольким коллегам. Но именно идея Глеба Лебедева легла в основу этого проекта.

К этому моменту Глеб получил еще блестящий опыт, работая уже в законодательной сфере, став депутатом Ленсовета. Правда, момент его депутатства — это особая совершенно история. Глеб — самое главное в его натуре — романтиком, совершенно удивительным, он ведь еще и стихи писал, и вообще личность была замечательная в этом отношении. Он и к своей депутатской деятельности отнесся очень романтично. Правда, это была такая эпоха эйфории, постперестроечной эйфории, а людям романтического склада соприкасаться с такого рода деятельностью опасно. Либо эта деятельность их ломает, либо они, ну просто заведут ее в тупик. Тогда это еще не все понимали. В первые несколько лет эта деятельность шла активно, но пришлось столкнуться со скучной, занудной и, в общем-то, хозяйственной деятельностью. Понимаете, законы, возникшие в то время, как выяснилось сейчас, плохо работают или вообще не работают. Они делались в состоянии эйфории, и это сказалось на том, что так получилось, что Глеб с этой деятельностью фактически расстался. Здесь много было еще всяких вещей, которые от него уже не зависели. Но, в общем-то, это и слава богу, потому что дальше заниматься ему этим было уже нельзя и он это понимал. Вот тогда возник этот проект охранных зон, и тогда Глеб был одним из инициаторов создания Федерального закона об охране памятников. Вернее, тогда он еще не был федеральным, он еще в последние годы существования Советского Союза стал разрабатываться, но многие идеи, заложенные Глебом Лебедевым в этот закон, нашли продолжение в деятельности, опять же, его ученика — Алексея Ковалева. Ну а дальше все мы уже оказались просто вовлеченными в сферу этой деятельности, потому что всем стало понятно, что заниматься чистой наукой, не занимаясь этим, уже тоже нельзя,

потому что мы тогда все потеряем. И сейчас мы с этим сталкиваемся постоянно. Так что наследие Глеба продолжает жить.

В последние годы Глеб ушел в «чистую науку». И лучшие его книги в это время и были написаны.

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ АЛЛАХВЕРДОВ

Давайте начнем с того момента, когда Вы познакомились с Глебом Сергеевичем Лебедевым. Как это произошло?

Я, конечно, могу ошибаться, давно это дело было. Мой товарищ, мой друг Николай Беляк сказал мне, что председателем комиссии по культуре в Ленсовете стал его хороший товарищ Глеб Лебедев и предложил как-нибудь подойти в Мариинский дворец. Я уже не помню зачем. Скорее всего, просто познакомиться. Это приблизительно самое начало 90-х, жуткое время. Пришли мы в Мариинский дворец, тогда проход был совершенно свободный. В ожидании Глеба Сергеевича мы с Беляком поиграли, бросая об стенку камешки — у кого дальше отлетит. Прибежал Лебедев и с круглыми от ужаса глазами отчитал нас. «Что вы, вы где находитесь!» Глеб появился, меня с ним познакомили. Абсолютно ничего не помню из беседы. Она была совершенно ни о чем, как это бывает при знакомстве, но я запомнил внимательный взгляд и некую попытку поддержки, которая шла у Глеба как будто изнутри.

После этой встречи как Вы взаимодействовали с Лебедевым в дальнейшем?

Должен сказать Вам, что мы с ним практически не взаимодействовали, почти ни по каким вопросам. Но довольно часто встречались в театре у Беляка, пересекались иногда в университете, где мы оба работали. Все встречи носили ненаправленный характер.

Но ведь у Вас есть определенное представление о характере Лебедева?

Безусловно, у меня сохранились воспоминания о нем именно как о личности. Мы с ним иногда встречались, беседовали, о разном говорили, он дарил мне свою книжку, я дарил ему свою. Такой человеческий обмен у нас как раз был, и, мне кажется, мы оба друг к другу очень хорошо относились. Он был такой спокойный, мягкий, но если дело касалось тем, которые его волновали — личных, профессиональных, — он просто преображался. В нем появлялся такой кипучий азарт и темперамент, которые были для меня совершенно неожиданными, с учетом его обычной манеры поведения. Иногда мы пересекались в Университете, случайно в коридоре или на совещании. Он выделялся. Видно было, что он не подстраивается под какие-то стандарты. Он вел себя совершенно так, как хотел себя вести, и это мне всегда очень нравилось в нем.

Насколько я понимаю, больше Вы все же пересекались с Беляком в Интерьерном театре. Скажите, а были ли различия между его поведением в театре, в Университете и в Ленсовете?

— О Ленсовете у меня нет практически никаких воспоминаний. В Университете он выделялся. Не скажу, что он делал что-то такое из ряда вон выходящее, но ощущение от него исходило как от белой вороны, что-то в нем было такое неуловимое, беловоронное. Думаю, у меня и у самого есть такой элемент... Это то, что есть во взгляде, в высказывании, в отстраненности. У Беяка мы пересекались случайно, по случайным поводам. Ну, например, случайно зашел к Беяку, там случайно оказался Глеб. Глеб всегда себя вел очень тепло, очень открыто. Ощущение отношения по-доброму всегда было. Думаю, во многом это потому, что нас соединил Беяк. Доверие к Беяку было достаточно высоким, чтобы доверять тем, с кем он соединяет. Помню, что Глеб очень живо отреагировал на мою книжку, которая была совершенно не по его профессии. Что-то он нашел там для себя интересное.

А что Вы можете сказать о его научных взглядах, что-нибудь о них знаете?

Представление у меня есть, но оно совершенно неполное. Помнится, Глеб высказывал странную футурологическую идею о том, что мы должны готовить Землю как космический корабль, который в случае крушения Солнечной системы должен уплыть из нее. Для меня эти разговоры были довольно странными, но вот для Глеба... Он говорил обо всем этом с такой увлеченностью, с такой серьезностью, у него даже взор приобретал такой напряженный вид. Для него это была живая проблема именно сегодня. Это производило потрясающее впечатление. Я обычно очень иронично слушаю такого рода истории, но к историям Глеба иронично относиться было невозможно. Он слишком серьезно к ним относился.

А Вы были знакомы с какими-нибудь другими научными проектами Глеба Сергеевича?

Я читал его книжку, которую он мне подарил, я ее с удовольствием прочитал, мы с ним немножко о ней побеседовали, я присутствовал на каких-то обсуждениях истории Петербурга. Много времени мы с ним обсуждали подготовку праздника 300-летия Петербурга. Но признаюсь честно, я был достаточно далек по своим научным интересам от того, чем занимался Глеб.

Ах да, я вспомнил один интересный случай, который, признаться честно, меня потряс. Дело было осенью то ли 1997-го, то ли 1998 года. Я организовывал собрание петербургского психологического общества — собирал всех психологов города. Собрание проходило на Галерной улице, 50, там был психологический факультет, а именно отделение конфликтологии. Во дворе здания был очень симпатичный двор, и Беяк предложил в этом дворике варить пунш. Что интересно: во дворе стоял Петр, голова которого откручивалась, и, собственно, именно из его головы мы все и пили пунш. Такая оригинальная игра символами. Но суть не в этом. Меня потряс тот факт, что спустя некоторое время после начала собрания приехал Глеб, одетый в какой-то оригинальный костюм, уже не вспомню в какой именно. Он быстро овладел всеобщим вниманием и не только рассказал всем присутствующим историю варения пунша, но и поведал несколько занимательных историй, связанных с Петербургом.

Я был поражен. Психология была достаточно чужой для него темой, но он так серьезно подошел к этому делу! Как настоящий актер. Сложно не признать, что у Глеба были блестящие актерские способности. Но это событие потрясло меня чисто по-человечески.

Вообще в целом, должен сказать, что Глеб в моей памяти оставил что-то такое доброе, милое отношение к нему как к человеку безусловно талантливому, безусловно интересному, нестандартному, увлеченному. Пожалуй, к сожалению, это и все, что я могу рассказать.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЛЯК

Как Вы познакомились с Глебом Сергеевичем?

Начну я, пожалуй, с общих слов. Для меня Глеб Сергеевич — очень близкий друг, человек, с которым я познакомился далеко не в начале своего жизненного пути. Произошло это в 1990 году, после первых демократических выборов в Ленсовет. Должен отметить, что дружба наша длилась до 2003 года, до момента смерти Глеба. То есть целых 13 лет. Мы виделись почти каждый день, он часто бывал дома у меня, я — дома у него. Помимо того, что он был моим другом, он был моим соратником, единомышленником. В какой-то момент Глеб стал учредителем Интерьерного театра. Они с Алексеем Анатольевичем Ковалевым были создателями филиала Института культуры и природного наследия имени Лихачева, и, как руководитель этого филиала, он стал учредителем театра. Более того, он был членом худсовета театра. Безусловно, Глеб Сергеевич имел отношение практически ко всем замыслам, возникающим в то время. Проектов было очень много: карнавал, французские совместные проекты... Глеб был связан с ними концептуально и организационно. Поэтому мне трудно говорить о нем объективно. Это выдающийся человек и ученый, его вклад в историю и культуру Санкт-Петербурга еще не оценен, и еще много раз к нему будет возвращаться память, и все будут постепенно понимать его роль в становлении культуры города. Есть ученые, писатели, выдающиеся люди, плоды которых очевидны для каждого, кто их почитает. А есть люди, чье значение и воздействие на социокультурную среду связано не только плодами их профессиональной деятельности, а еще и с ежедневным живым взаимодействием с этой средой. Глеб был такой — нельзя говорить только о его книгах, отдельных статьях. Он ежедневно участвовал в жизни города, в становлении новой культуры. У него дома в кабинете висела фотография, где он вместе с академиком А. Д. Сахаровым на трибуне обсуждает проект устава общества «Мемориал». Он был одним из его учредителей, совместно с Сахаровым. Стоял у истоков. Археологи расскажут о его значении в дискуссиях о норманнской проблематике, роли варягов в становлении Древнерусского государства, городской археологии. Старая Ладога знает и помнит Глеба как своего исследователя, своего апологета, своего глашатая, поэта, в конечном итоге создателя очень важного Ладожского института. Очень много

он сделал, чтобы роль Ладоги была оценена во всероссийском масштабе. Сам факт, что он стал председателем комиссии по культуре Ленсовета, создал целый ряд документов, проектов, сформулировал ряд законодательных инициатив, провел целый ряд постановлений, которые до сих пор определяют многие процессы происходящие в Петербургской культуре, трудно переоценить. Что касается личных качеств: человек он был очень горячий, открытый, необыкновенно интеллектуально, духовно подвижный, всегда в очень высоком духовно-интеллектуальном градусе. Поразительный огонь, темперамент. В любую минуту он всегда находился в состоянии постоянной работы. Не только исследовательской, но и деятельной, пророческой, по отношению к тем проблемам, которые его касались. А это: проблема демократии, науки, археологии, состояние современной культуры, состояние общества. Он полностью включился в этот революционный процесс перемен.

Познакомился я с ним на первой сессии нового Ленсовета. До этого я его не знал, и, даже более того, в кругу моих друзей и наших общих друзей никогда не сосредотачивалось внимание на нем. Встреча была очень неожиданной, почти анекдотичной. В этот же день она переросла в любовь с первого взгляда, в делящееся до сих пор почитание и уважение к нему. Я был приглашен гостем на первую сессию Ленсовета. Пока перед началом этой сессии в Мариинском дворце все были очень возбуждены и находились в праздничном состоянии, у лифта недалеко от большого зала было место, где «тусовались» курильщики. Я в те времена был человеком курящим, курил «Беломор». И то ли у меня кончились папиросы, то ли не было их совсем, но рядом с собой я увидел невысокого роста, очень сухого, собранного, с яркой внешностью, напоминающего человека, у которого я просто попросил закурить. Тут же получил предложение взять в подарок целую пачку «Беломора». Причем немногим гортанным голосом, с очень твердыми согласными, с твердой буквой «р». Я сказал, что не откажусь, но только с дарственной надписью. На что сразу получил на пачке подпись Глеба Лебедева. Мы вместе курили, потом вместе пошли в зал и сели рядом, о чем-то говорили, и вспомнилась первая его фраза, которая врезалась в мою память. Глеб поглядел на люстры, которые были в зале Законодательного собрания в Мариинском дворце. По центру, там, где раньше, до революции, висела Репинская картина «Заседание Госсовета», находился крупный барельеф с изображением Ленина, а над залом висели огромные люстры. И на люстрах — двуглавые орлы, которые держали лампы. Глеб посмотрел вверх и довольно громко сказал: «А птички-то пересидели большевиков». Символика царской России через все годы там оставалась... это было забавно. В этот же день после заседания мы пешком дошли до его дома в Казачьем переулке и в этот же вечер фантазировали о возможных действиях, связанных с новой культурной политикой в городе, тогда еще Ленинграде. Дальше встречи были практически ежедневными. Мы много мечтали, иногда фантазировали, много делали, почти во всех проектах не обходилось без его совета или участия. Раз в месяц мы про-

сто встречались вдвоем и обсуждали, что произошло за месяц и планировали или угадывали события, которым суждено было произойти в ближайшем будущем.

В течение Вашего с ним общения были ли какие-то моменты, которые Вам особенно запомнились?

Их было полно, почти все, в этом-то все и дело. Тут можно говорить до бесконечности. Этот человек запоминался каждый день, в любом проявлении. Когда он проходил мимо сфинксов Академии художеств, стоящих на Неве, он на древнеегипетском читал какой-нибудь гимн и салютовал фараонам. Переходя мост Лейтенанта Шмидта — читал стихи о Петербурге. Это был уникальный человек во многих своих проявлениях. Он заложил основу городской культуры, законодательную основу. Он был достаточно дипломатичен: особое отношение к войне, к ветеранам, к людям старшего поколения, пусть даже принадлежавших к другой политической парадигме.

Он участвовал во всех мероприятиях Интерьерного театра, причем не как один из консультантов, а как действующее лицо. У нас был специальный театральный костюм для него — костюм знаменосца в петербургской мистерии, в которой были представлены все знаковые памятники Петербурга: ансамбль Стрелки Васильевского острова, Ростральные колонны, Петропавловская крепость. Глеб принимал активное участие в целом ряде театрализованных церемоний в городе, в акции в разных значимых местах, в том числе и поездках с театром в Старую Ладугу.

Колоссальное впечатление произвело на меня одно из событий, связанных с празднованием 300-летия города, которое он организовал и которым очень гордился как кульминацией своей деятельности — это визит скандинавских гостей на драккарах, которых он встретил в Старой Ладого, прошел с ними на веслах до Петропавловской крепости, у стен которой была устроена «Деревня викингов». Раскинутые ими палатки напоминали «Большие дома» викингов, куда они пригласили Глеба, и он сразу же поселился вместе с ними.

На кострах и газовых горелках они готовили и угощали гостей национальными блюдами, активно общались, пели и танцевали. Для них Глеб организовал культурную экспресс-программу с посещением Эрмитажа, Исаакиевского собора, Кунсткамеры, Военно-морского и Артиллерийского музеев. Никаких многочасовых экскурсий, только самое интересное и выдающееся. Петропавловку обошли несколько раз, поднимались на колокольню собора. На привезенной скандинавами выставке рунических камней — это была специально изготовленная выставочная коллекция памятников XI века из Музея древней Упсалы, где с 30 июля по 3 августа 2003 года Глеб проводил в день до десяти экскурсий для посетителей всех возрастов — от 7 до 70 лет.

Участники «фестиваля викингов» познакомили многочисленных зрителей с символическими ритуалами, связанными с отправлением викингов в поход, их возвращением и встречей, исполняли «магические» песнопения — во всем этом принимал участие профессор-историк Глеб Лебедев.

Вы считаете, что он был скорее человеком политики или человеком истории и науки?

Это тот случай, когда смысл существования человека в социальной, культурной и научной жизни связаны воедино. Прежде всего, он считал себя историком и археологом, все остальное исходило из базовых представлений о том, как люди жили, как должны жить и как будут жить. Он невероятно рационально трезво глядел на мир, как любой археолог, знающий, что все в итоге превращается в пыль, что все конечно; он глядел на все сквозь колодец времени, а с другой стороны, был невероятно романтичен и восхищен представлением о том, как должно и как не должно. И очень-очень горяч был в этом. Занятие политикой было результатом его глубоко научных воззрений на место человека в мире, его обязанностей по отношению к себе и к миру. Это не просто отдельная сфера. В личности все было связано, осознанно. Он и поэт был — писал стихи о Ладоге.

Тот факт, что прошло сначала десять, а теперь уже и двадцать лет и есть инициатива почтить его память, куда более широкая, чем когда его не стало, — это уже показатель. Глеб очень о многом мечтал, достаточно открытий совершил. К нему с некоторым скепсисом относились многие его коллеги, которые были, возможно, неплохими учеными, но работали в узком коридоре «от сих до сих». Глеб был человек большого количества междисциплинарных знаний, ведь археология нуждается в синтезе многих наук. Политический и культурологический интерес делал его человеком широкого диапазона, он знал иностранные языки, хорошо знал русскую литературу. Очень важная инициатива — восстановление Дельфийских игр, непосредственно связанная с его переводом на русский язык немецкого инициатора Кирша (концептуальная часть его работы). А поскольку он в течение определенного времени был председателем комиссии по культуре, от него зависел целый ряд импульсов. Его период — время большого количества импульсов, которые много лет воплощались в жизнь уже после его ухода с этого поста.

Он говорил и писал о МетаПетербурге, разработал теорию топохрона, принимал участие в возвращении городу его исторического имени, в создании пантеона захоронений Великокняжеской усыпальницы. Это была инициатива Д. С. Лихачева, но Г. С. Лебедев был одним из тех, кто был проводником этих идей, доказывал их необходимость и реальность на практике.

Наше взаимодействие шло прежде всего по линии Городской мистерии, ведь для него Петербург был особым феноменом мировой культуры и истории, его роль и функционирование этого города Глеб для себя хорошо понимал и пропагандировал.

Были ли люди, которые не поддерживали Лебедева в его политической деятельности?

Да, и очень много. Это люди, поддерживающие понятие нормы политического поведения, системной усредненности, отсутствие индивидуальности; они к яркому поведению всегда относились отрицательно, как и к ярким и талантливым людям. Люди с талантом всегда принимали и уважали Лебедева, те

же самые А. Собчак, Д. Лихачев. При всем при этом позиция и высказывания Лебедева были достаточно эксцентричными, очень яркими, своеобразными, но люди отдавали себе отчет, что эта яркость связана с одаренностью, а не желанием быть оригинальным. Что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Быки всегда комплексовали по отношению к Юпитеру. Не солидно профессору, ученому одеваться в костюм викинга и вместе с реконструкторами на драккарах сидеть на веслах... Есть нормативное поведение о том, как себя должна вести профессура, политики. Это можно, а это нельзя, все это помножено на представления «хомо советикуса», о том, как все должно быть. Идеология — патриотическая, общество одномерно. А Глеб — многомерный и не укладывался в рутинные представления. А исторический факультет Университета, где он преподавал, например, — невероятно рутинная научная среда, даже до сих пор. Да еще и человек занял такой пост. Это для многих было удивительно. Мне он представляется Человеком из Будущего, и встреча с ним — это испытание на подлинность. Как у золотоискателей — сияющие кристаллы драгоценного металла, именно таким был Глеб Лебедев. Его работы, стихи, идеи, его вдохновение и предчувствие будущего остаются с нами, а всему и всем, что мешало, ненавидело и боялось его, — место в черных дырах Вселенной.

РОМАНКОВ

Как Вы познакомились с Глебом Лебедевым?

Я бы тоже с этого начал. Я видел Глеба Сергеевича когда стал депутатом Ленсовета и записался в комиссию по культуре и правам человека. Глеб Сергеевич, разумеется, тоже был в комиссии по культуре. Так как он, среди всех нас, был единственный профессор и доктор наук, мы все, практически единогласно, выбрали его на пост председателя комиссии. Так началась наша совместная работа.

Эта работа ограничивалась только делами Ленсовета?

Не совсем. Хочу отметить, что я тоже занимался археологическими экспедициями, и Алексей Ковалев и Сергей Васильев довольно тесно со мной работали, и по многим причинам это общение мне было очень приятно. С Глебом у нас были общие взгляды на ситуацию в городе, особенно в области культуры и охраны памятников. И Глеб Сергеевич проявил очень много энергии, чтобы сохранить объекты культуры. Особенно во время приватизации. Тогда мы очень боялись, что если все кинотеатры, библиотеки и книжные магазины будут приватизированы, то они очень скоро потеряют свою культурную функцию и станут объектом коммерческого торга. Поэтому Глеб Сергеевич и наша комиссия сделали своими представителями Комитета по приватизации, в частности Толмачева Андрея Валерьевича, меня и других людей, и мы отстаивали сохранение функций кинотеатров, магазинов, домов культуры как объектов культурного наследия. Надо сказать, что на какое-то время нам уда-

лось действительно предотвращать коммерциализацию. Потом уже, когда стало очевидно, что кинотеатры и книжные магазины стали коммерчески очень выгодны и одновременно с этим сохраняли свою культурную функцию, мы уже не возражали против приватизации. До этого момента нашей основной целью было не дать превратить культурные памятники в бордели, рестораны, казино.

Кроме того, должен заметить, что Глеб Сергеевич сделал большую работу по защите Эрмитажа. Им и нашей комиссией было сделано большое дело: Строгановский дворец был присоединен к Русскому музею. Потом Глеб Сергеевич начал делать Закон об охране культурных памятников. Я, Глеб Сергеевич, Алексей Ковалев — мы все работали над этим процессом. Работы шла хорошо, нам удалось сгладить возникающие противоречия, и, на мой взгляд, в результате нами был разработан один из лучших законов по охране памятников в городе, который потом вошел в основу Федерального закона.

Что Вы можете рассказать о личности Глеба Сергеевича?

Мало того, что он был человек деликатный и культурный, он был еще и очень доверчивый человек. Это хорошая черта для интеллигента, но, с другой стороны, были люди, которые воспользовались этой его доверчивостью, и, довольно скоро, образовался ряд его врагов, два-три человека, которые, на мой взгляд, просто объявили ему войну. Он это серьезно переживал.

А в чем была причина такого конфликта?

Причин было много. Прежде всего, это личностное. Личные отношения часто бывают исключительно эмоционально окрашены, бездоказательны. Так что достаточно слова или предложения, чтобы разжечь неприязнь. Во-вторых, борьба за власть, чтобы играть какую-то большую роль. Кроме того, им не нравилась его политика в области культуры.

Должен сказать, что иногда Глеб Сергеевич мог подписать бумагу, которую ему приносили, не очень вникнув в суть того, что написано, потому что, повторяю, он был человек доверия. У него были свои интересы: археологические, «Путь из Варяг в Греки», норманнская проблема — он был крайне увлечен этой тематикой. В этой сфере он был по-настоящему скрупулезен, тогда как в политике зачастую доверялся на других людей.

...После того, как Ленсовет был распущен указом Б. Н. Ельцина, я встречал Глеба очень редко. Он мне дарил свои книги, мы их обсуждали, но в целом это были редкие встречи. Но я знал о его активной археологической деятельности, он занимался любимым делом до конца жизни. Сейчас, спустя столько лет, у меня к нему осталась сильная симпатия, уважение и легкая горечь от того, что его мягкость и интеллигентность не позволили ему сделать всего того, что он мог бы сделать в области охраны культуры.

Как Вы думаете, Глеб Сергеевич был историком-археологом или политиком?

Конечно, его научная деятельность превалировала. Он был настоящим профессионалом и фанатом своего дела. Это с одной стороны. С другой — в то

время нельзя было быть ученым и не быть привлеченным к политике. Почему так происходило? Люди связанные с наукой, были людьми умными, интеллигентными, думающими. Мы ездили по стране в командировки, например, и видели, что все разваливается, экономическое состояние просто ужасное. Заходишь в магазин, а там водка «Сучок», папиросы «Гвоздики», в лучшем случае консервы «Завтрак туриста», дома полуразрушены, зато шикарное здание КГБ и обком партии. Все, кто пытались говорить, сажались в тюрьму или в психушку. И очень многие ученые просто элементарно любили свою страну и хотели, чтобы она стала лучше.

Материалы из архива Интерьерного театра

Г. С. ЛЕБЕДЕВ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ

Первое знакомство Глеба Сергеевича Лебедева с историографией произошло еще в студенческие годы на кафедре археологии на лекциях его учителя — Льва Самуиловича Клейна. В Санкт-Петербургском университете традиция чтения курсов, которые включали в себя значительные разделы, посвященные истории археологии, восходит к концу XIX в. Материалы нескольких курсов С. А. Жебелева оставили первую часть его «Введения в археологию», вышедшую в 1923 г. под названием «История археологического знания». Отдельный курс лекций по истории археологии появился во второй половине 1930-х годов из-под пера М. И. Артамонова. В послевоенное время этот курс перешел к П. И. Борисковскому, а с начала 1960-х годов его стал читать Л. С. Клейн¹. Историографические штудии очень пригодились студенту Глебу Лебедеву, недавно вернувшемуся из армии, в 1965 г., когда во время знаменитой варяжской дискуссии он блестяще показал неверный перевод цитаты из сочинения К. Маркса «Секретная дипломатия», полностью меняющий ее смысл².

В 1977 г. вышла первая книга Г. С. Лебедева «Археологические памятники Ленинградской области». Она содержала небольшой историографический раздел об исследованиях и исследователях, работавших ранее на территории Ленинградской области³. На страницах этой книги появлялись имена пастора Вильгельма Толе, проводившего раскопки в Старой Ладоге в 1708–1709 гг.; Зориана Доленги-Ходаковского, продолжившего их в начале 1820-х годов; исследователя курганов Ижорского плато Льва Константиновича Ивановского; генерала Николая Ефимовича Бранденбурга и профессора геологии Александра Александровича Иностранцева, продолживших традиции изучения средневековых и неолитических памятников Старой Ладоги и Юго-Восточного Приладожья. Практически впервые приводились сведения об археологических

---

¹ Тихонов И. Л. Традиции изучения и преподавания истории археологии в Санкт-Петербургском университете // Университетская археология: прошлое и настоящее: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии / отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017. С. 59–63.

² Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. С. 98, 139.

³ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. С. 60–76.

работах Николая Константиновича Рериха, оказавших заметное влияние на его художественное творчество. Уделено внимание было деятельности выдающегося русского археолога — Александра Андреевича Спицына и его ученика Владислава Иосифовича Равдоникаса. Книга была посвящена памяти В. И. Равдоникаса, умершего незадолго до ее выхода в свет. Это было данью уважения и памятью о первом заведующем кафедрой археологии ЛГУ. Журнал «Советская археология» тогда не счел нужным поместить даже краткого некролога об одном из создателей этого издания. Существенно отметить, что этот первый историографический этюд Глеба Сергеевича хронологически был доведен до 1970-х годов, когда к археологическому изучению Ленинградской области приступили поколение ровесников Лебедева и он сам. Вот такое стремление связать историю с современностью стало характерным для всего научного творчества Г. С. Лебедева и присутствовало во многих его работах более позднего времени.

Список работ Г. С. Лебедева, в той или иной степени связанных с историографией, не велик и насчитывает не более полутора десятка публикаций. Конечно, центральное место среди них занимает монография «История отечественной археологии. 1700–1917 гг.», выпущенная издательством университета в 1992 г.⁴ Книга эта родилась из курса лекций, который Г. С. Лебедев читал с начала 1970-х годов студентам кафедры археологии. Мне довелось его прослушать в самом начале 1980-х годов, поэтому многое из того, что было помещено в это издание, нам уже было известно. Но могу засвидетельствовать, что немало было и нового, появившегося в результате непосредственной работы над текстом книги.

Чтобы понять значение этого труда, нужно вспомнить, что было монографически опубликовано по этой теме до его появления: книга Н. И. Веселовского об истории Русского археологического общества⁵; уже упоминавшийся ранее учебник С. А. Жебелева⁶; книга М. Г. Худякова 1933 г. с замечательным названием «Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов»⁷, точно передающим ее общий дух; главы А. В. Арциховского в «Очерках истории исторической науки в СССР»⁸; пара книг А. А. Формозова⁹. Вот, собствен-

---

⁴ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.

⁵ Веселовский Н. И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1900.

⁶ Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923.

⁷ Худяков М. Г. Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК, 1933. (Библиотека ГАИМК. № 13)

⁸ Арциховский А. В. Развитие археологии и этнографии до середины XIX в. Археология // Очерки по истории исторической науки в СССР. В 5 т. Т. 1. М., 1955. С. 525–535; Развитие археологии (во второй половине XIX в.) // Там же. Т. 2. М., 1959. С. 614–632; Археология // Там же. Т. 2. Т. 3. М., 1963. С. 586–596.

⁹ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 128 с.; Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979.

но, и все! Этими изданиями как раз и ограничивался список литературы к курсу историографии археологии, который читал Г.С.Лебедев. Во всяком случае, в сохранившемся у меня конспекте 1982 г. фигурируют именно они. Причем ни одно из названных изданий не давало общего и полного представления о всей дореволюционной истории российской археологии, поскольку, например, книги А.А.Формозова имели очерковый характер и были посвящены начальным этапам изучения античных, славянских памятников или древностей каменного века.

Сам А.А.Формозов отмечал в 1994 г: «Такого подробного обзора развития археологии в России у нас еще не было»¹⁰. И это, безусловно, так, поскольку Г.С.Лебедеву удалось показать историю русской археологии в самых различных аспектах, охвативших и развитие ее организационной структуры, и организацию и проведение полевых исследований, и влияние различных теорий и концепций на развитие археологической науки, и биографические сведения об ученых прошлого. В качестве теоретической основы исследования были использованы теория науковед Томаса Куна о магистральном пути развития науки через смену парадигм и используемое философом Марксом Вартофским понятие «эпистемы», которое было введено еще Мишелем Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» в рамках его концепции «Археология познания». Применяв эти концепции, Г.С.Лебедев выделил шесть парадигм в истории европейской археологии: антикварианистскую, энциклопедическую, эволюционистскую, этнологическую, социокультурную, системно-этнологическую. Для российской археологии второй половины XIX в. была выделена особая «бытописательская» парадигма, в русле которой проходили работы А.С.Уварова и его «дружины». Конечно, нужно помнить, что парадигмы Т.Куна были разработаны на материалах естественных наук и вопрос о том, насколько они применимы к истории археологии, остается открытым. В своей рецензии на книгу Г.С.Лебедева Л.С.Клейн справедливо отмечал, что в истории русской археологии многие из выделенных парадигм скорее сосуществовали, чем сменяли друг друга¹¹.

По общему своему характеру эта книга скорее курс лекций, чем монография. Этим, например, можно объяснить и оправдать не слишком обширный справочно-библиографический аппарат издания и отсутствие архивных источников. Подобный подход был в целом характерен для первопроходцев в изучении истории отечественной археологии. Их задачей являлось создание общей картины развития российской науки о вещественных древностях. Детализация, основанная на изучении документальных материалов, отложившихся в архивах, оставлялась последователям.

---

¹⁰ Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии // Российская археология. 1994. № 4. С. 219.

¹¹ Клейн Л.С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1. СПб., 1995. С. 176.

В книге впервые была приведена разработанная Г. С. Лебедевым весьма подробная и структурированная периодизация истории отечественной археологии с петровских времен до наших дней. Наиболее четко эта периодизация была опубликована в материалах Всесоюзной конференции по истории археологии, прошедшей в Ленинградском университете в декабре 1990 г.¹² Было выделено десять периодов, каждый из которых в свою очередь делился на этапы. В последнем периоде, совпадающем с началом перестройки, была очень точно подмечена такая черта, как научная рефлексия, которая привела к своеобразному «историографическому взрыву» конца XX — начала XXI в.¹³

Именно эта периодизация стала объектом пристального внимания и критики в двух рецензиях, появившихся в 1990-е годы Л. С. Клейну показались спорными сами критерии периодизации основанной на смене парадигм. А. А. Формозов в рецензии в журнале «Российская археология» посчитал периодизацию Лебедева «интересной, хотя и не во всем удачной»¹⁴. Его сомнения вызвали и хронологические рамки некоторых периодов и их сущностное содержание. Мне же представляется, что Г. С. Лебедев стал заложником своего стремления к максимально дробной периодизации, поэтому и получилось, что деятельность отдельных ученых «расползлась» по разным периодам и распалась на этапы внутри них. Кроме того, можно заметить, что даже для названия периодов использовались разные критерии. В одних случаях это содержательные характеристики — «период ученых путешествий», в других были использованы фамилии ведущих фигур — «Оленинский», «Уваровский», «Спицыно-Городцовский» периоды.

Еще одной важной особенностью книги было рассмотрение истории русской археологии на широком фоне основных тенденций европейской науки. Г. С. Лебедев включил сюда некоторые материалы курса Л. С. Клейна, который был опубликован через много лет после создания только в двухтомнике 2011 г.¹⁵ Это обстоятельство представляется мне очень важным, поскольку абсолютное большинство исследований по истории российской археологии рассматривают ее изолировано, вне контекста мировой науки. Между тем дореволюционная археология России была достаточно тесно связана с европейской наукой. Русские ученые ездили за границу, работали с коллекциями музеев,

---

¹² Лебедев Г. С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: тезисы докл. конф. 11–13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 2–4.

¹³ Тихонов И. Л. «Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы: мат-лы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки. Киев, 5–8 октября 2010 г. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 47; Тункина И. В. Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // Там же. С. 55.

¹⁴ Формозов А. А. О периодизации истории отечественной археологии. С. 225.

¹⁵ Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.

слушали лекции, участвовали в работе международных конгрессов, встречались и переписывались с европейскими коллегами, которые также приезжали в Россию. Изоляция началась позднее, в советское время, и то не сразу.

Другой значимый аспект книги — ее культурологическая направленность, стремление анализировать историю археологии на широком культурном фоне, во взаимосвязи с культурой и идеологией своего времени. Так же как и книги А. А. Формозова, ее интересно читать не только археологам и историкам, но всем интересующимся историей русской культуры в целом. Пожалуй, здесь впервые так ярко проявился талант культуролога, все более развивавшийся в более поздних работах Г. С. Лебедева.

Источниковой базой книги послужили только опубликованные материалы. Это было характерной особенностью историографических трудов всего поколения наших учителей. Точно так же работы А. В. Арциховского, А. А. Формозова, Л. С. Клейна не использовали архивные источники. Современным историографам археологии априори понятно, что введение в научный оборот архивных, т. е. документальных и рукописных, источников, является одним из залогов успешного историографического исследования. Например, что бы мы знали о деятельности А. А. Спицына в славяно-русском отделении Русского археологического общества без его писем к управляющему отделением С. Ф. Платонову, из которых явно проступает ведущая роль «вдохновителя и организатора» и полевых исследований, и публикационной активности, и общего подъема научной деятельности отделения по изучению вещественных памятников?¹⁶

Не будет преувеличением сказать, что труд Г. С. Лебедева по истории отечественной археологии стал наиболее значимым событием в историографии 1990-х годов, и по нему целое поколение студентов-археологов осваивало историю своей науки. Впервые был введен в научный оборот и сам термин «история отечественной археологии», удачно соединивший два исторических периода истории России, разорванных бурными событиями 1917 г. Впоследствии, в 2017 г. издательство «Юрайт» выпустило учебное пособие с аналогичным названием¹⁷. Его автор — профессор Волгоградского государственного университета А. С. Скрипкин. Вполне объективная рецензия, показавшая многие ошибки, опечатки, неточности, зависимость от предшествующих изданий этого учебника, была напечатана в журнале «Stratum plus»¹⁸. Это учебное пособие значительно уступает и по объему, и по характеру информации книге Г. С. Лебедева, притом что многие сведения заимствованы именно из нее. Данный факт показывает, что для многих коллег книга

---

¹⁶ Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына (письма к С. Ф. Платонову) // Советская археология. 1991. № 2. С. 271–272.

¹⁷ Скрипкин А. С. История отечественной археологии: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019.

¹⁸ Щавелев С. П. Задача подготовки пособия по истории русской археологии остается не решенной // Stratum plus. 2018. № 1. С. 417–422.

Лебедева и сейчас продолжает оставаться одним из основных источников по истории русской археологии, несмотря на появившееся за прошедшие четверть века множество трудов по самым различным аспектам и периодам истории нашей науки¹⁹.

Особо Г. С. Лебедева интересовал в истории отечественной археологии период ее развития, пришедший на первую половину XX столетия. Первые полтора десятилетия нового века стали временем наивысшего расцвета археологии имперской России, временем формирования новых направлений, например, становления палеолитоведения. Вскоре последовали глобальный кризис 1917 г. и крушение имперской археологии. С начала 1920-х годов ведет свое возникновение «советская археология», постепенно все более попадающая под идеологический пресс пролетарского государства. На этот же период пришлось такие явления, как формирование системы археологического образования, появление принципиально новых организационных структур, интенсификация и расширение географии полевых исследований, кризис начала 1930-х годов, репрессии среди археологов, тяготы Великой Отечественной войны и многое другое. Пожалуй, в истории российской археологии не было второго столь насыщенного полстолетия. Поэтому Г. С. Лебедев, вдохновленный примером коллег из Института истории естествознания и техники РАН, решил составить «Хронику российской археологии первой половины XX века». На конференции «Традиции отечественной палеоэтнологии», посвященной 150-летию со дня рождения Ф. К. Волкова и прошедшей в Санкт-Петербургском университете в апреле 1997 г., он представил доклад о принципах составления подобной хроники и группировки материала от основных событий организационной работы археологов до выделения наиболее значимых печатных работ²⁰.

Историографический аспект присутствовал в ряде работ Г. С. Лебедева, посвященных одной из основных тем его исследований в целом — проблеме славяно-скандинавских взаимосвязей в эпоху раннего средневековья. В нескольких публикациях он подводил итоги варяжской дискуссии 1965 г. и последующих исследований по этой проблематике в отечественной науке за прошедшие три десятилетия²¹.

---

¹⁹ Тихонов И. Л. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // КСИА. Вып. 240. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 302–317.

²⁰ Лебедев Г. С. Хроника российской археологии первой половины XX века: принципы отбора и построения материала // Традиции отечественной палеоэтнологии: тезисы докл. Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. К. Волкова (Вовка). СПб., 1997. С. 58–61.

²¹ Лебедев Г. С. Тридцатилетие Варяжской дискуссии (1965–1995) / Археология Петербурга. Вып. 1. СПб., 1996. С. 111–112; Тридцатилетие «Варангики» 1965–1970 гг. // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 10–14 сентября 1997 г. М.; Петрозаводск, 1997. С. 171–175.

Несколько работ историографического характера Г. С. Лебедев посвятил своим предшественникам и коллегам: В. И. Равдоникасу²², Г. Ф. Корзухиной²³, Д. А. Мачинскому²⁴, В. П. Петренко²⁵, В. Д. Белецкому²⁶. Особо можно выделить статью, вышедшую в свет уже после внезапного и трагического ухода Глеба Сергеевича. Она была опубликована в сборнике, посвященном 75-летнему юбилею одного из первопроходцев отечественной археологической историографии А. А. Формозову, который, по мнению автора статьи, «сделал первый, принципиально важный шаг в становлении «истории отечественной археологии» как самостоятельной отрасли археологического знания»²⁷. Далее утверждалось, что именно его трудами был положен зачин периоду «рефлексирующей археологии» в развитии нашей науки, начало которого Г. С. Лебедев датировал серединой 1980-х годов²⁸.

Глеб Сергеевич был невероятно отзывчив на любые инициативы и новации. Когда в 1988 г. группа его же учеников (несмотря на разные специализации) предложила создать проблемный семинар по истории археологии при Музее истории университета и кафедре археологии, он первым откликнулся, полностью поддержав эту инициативу. Первое заседание семинара прошло осенью 1988 г. и было посвящено 130-летию со дня рождения А. А. Спицына. Глеб Сергеевич выступил там с докладом о месте и роли одного из основоположников современной археологии в ее истории. Потом, в декабре 1990 г., состоялась научная конференция «Проблемы истории отечественной археологии» (первая и последняя всесоюзная, поскольку Советский Союз вскоре прекратил свое существование). В своем докладе Г. С. Лебедев впервые представил разработанную им периодизацию истории отечественной археологии, доведенную до конца XX в. В 1995 г. удалось издать сборник трудов семинара под названием «Санкт-Петербург и отечественная археология». В этом сборнике появилась статья Лебедева «Петербург как центр региональной археоло-

---

²² Лебедев Г. С. В. И. Равдоникас и Старая Ладога (историографическая притча) // Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса: тезисы доклад. СПб, 1994. С. 48.

²³ Лебедев Г. С. Место Г. Ф. Корзухиной в изучении Ладоги. Доклад на VI конференции «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья». К 30-летию работ Г. Ф. Корзухиной в Старой Ладоге. Старая Ладога, 2–4 июня 1998 г.

²⁴ Зуев В. Ю., Шукин М. Б., Лебедев Г. С. К научному портрету Д. А. Мачинского // Скифы, сарматы, славяне, Русь (Петербургский археологический вестник. Вып. 6). 1993. С. 7–11.

²⁵ Лебедев Г. С. В. П. Петренко и его место в исследовании Старой Ладоги // Дивинец Староладожский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 5–14

²⁶ Александров А. А., Белецкий С. В., Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Лесман Ю. М., Овсянников О. В., Плетнева С. А., Плоткин К. М. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997) // Российская археология. 1998. № 1. С. 247–249.

²⁷ Лебедев Г. С. Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 25–26.

²⁸ Там же. С. 32.

гии», в которой содержался историографический обзор изучения древностей Северо-Запада России с XVIII до последней четверти XX в.²⁹ В дальнейшем продолжение этой исследовательской тематики привело к коллективной монографии и серии статей по регионалистике³⁰. Одна из них заканчивалась призывом восстановить археологические съезды в России и провести XVI Археологический съезд, который «мог бы стать одним из важнейших актов преодоления культурного разрыва, вызванного мировым и российским кризисом, и одним из условий обеспечения оптимальных возможностей развертывания демократической научной структуры, обращающей нас к истокам пути нашей дисциплины»³¹. Через три года после ухода Г. С. Лебедева в Новосибирске состоялся I (XVII) Всероссийский археологический съезд, продолживший традицию крупнейших дореволюционных форумов.

В 1998 г. в Гётеборге, когда мы вместе с Глебом Сергеевичем участвовали в ежегодной конференции Европейской ассоциации археологов, он обратил внимание на то обстоятельство, как мало зарубежные коллеги знают об истории русской археологии. У него тут же созрел проект коллективной монографии на английском языке под романтическим кодовым названием «ИРА» (История Российской археологии). Как он пояснил, такое название будет очень актуальным, поскольку одним из ключевых участников будет Ира Тункина. Подали заявку на грант в Центрально-Европейский университет, финансируемый Фондом Сороса*, но, увы, поддержки не получили. Лишь в далеко не полной степени мне позднее удалось осуществить только частично этот замысел, опубликовав главу об истории археологии в России в коллективной монографии под редакцией Пола Бана, вышедшей в Англии в 2014 г.³²

В голове Глеба Сергеевича всегда был настоящий генератор идей, иногда, на первый взгляд, даже кажущихся абсолютно фантастическими. Однако же многие из них осуществлялись. Так, например, именно от него в 1998 г. в том же Гётеборге я услышал предложение провести ежегодную конференцию Европейской ассоциации археологов в Санкт-Петербурге в год 300-летия города. Один из его учеников подхватил эту идею, и конференция состоялась в сентябре 2003 г., собрав более 700 археологов и историков из европейских стран и различных реги-

---

²⁹ Лебедев Г. С. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 1995. С. 56–88.

³⁰ Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

³¹ Белецкий С. В., Лебедев Г. С., Лесман Ю. М. Традиции регионалистики в российской археологии и XVI (псковский) археологический съезд // Церковная археология. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 109.

³² Tikhonov I. L. Chapter 9. Russia // The History of Archaeology. An Introduction. Ed. by P. Bahn. London: Routledge, 2014. P. 155–176.

* Признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

онов России. Только из-за рубежа приехало около 400 коллег. Только вот открылась конференция, увы, минутой молчания памяти Г. С. Лебедева.

Когда к началу осеннего семестра 1991 г. Г. С. Лебедев был вынужден не по своей воле неожиданно покинуть кафедру археологии, чтение курса по историографии в экстренном порядке было поручено мне. А курс в то время был очень большим и доходил до 96 часов, охватывая целый учебный год. (Это сейчас, в результате различных оптимизаций и модернизаций образования, он сократился ровно в три раза — до 32 часов в одном семестре.) На первых порах мне очень помогли сохранившиеся довольно подробные конспекты лекций Глеба Сергеевича, а через пару лет подоспела и книга, которая на долгие годы стала основным учебным пособием для студентов, изучающих историю русской археологии. Впоследствии ее тексты появились и в интернете, правда, чаще всего без указания имени автора. Я же взял на вооружение некоторые педагогические приемы и манеры Г. С. Лебедева. Например, он считал обязательным подготовку студентами реферата на любые сюжеты из истории археологической науки по их самостоятельному выбору. Реферат надо было защитить публично на специальном семинаре. Причем, оценка за него играла очень важную роль в итоговой экзаменационной оценке. Продолжая эту традицию, того же и я стал требовать от студентов.

Экзамены Глеб Сергеевич тоже принимал весьма своеобразно, поскольку формальная сторона дела его мало интересовала. Значительно больше он ценил умение самостоятельно мыслить и использовать знания на практике. Так, наша группа сдавала экзамен по железному веку в Кутузовской галерее Эрмитажа, где располагалась экспозиция Отдела истории первобытной культуры, а роль билетов выполняли экспозиционные витрины музея. Каждый студент получал по витрине и, опираясь на представленные в ней материалы, должен был рассказать о данном памятнике или культуре.

На экзамене по историографии, к которому мы готовились очень серьезно, так вопросов было много, он вообще предложил самим выбрать по два вопроса из внушительного списка. Признаюсь, что тогда это меня удивило, хотя и обрадовало. Только потом, когда сам стал преподавать, понял, что его интересовали не просто заученные студентом фактические знания, а умение их использовать, выстраивать в систему, отличать частное от общего, процессы от событий, выявлять закономерности, понимать специфику различных периодов и этапов развития археологии.

Подводя итоги, нужно заметить, что роль Г. С. Лебедева в становлении современной российской историографии археологии была весьма значительна. Его книга, вышедшая в первые постперестроечные годы, во многом задавала мощный импульс, тональность и планку для последующих исследований. Заметную роль он сыграл в деятельности петербургского семинара по истории археологии. Причем в обычной своей манере: никоим образом не подавляя авторитетом начинающих исследователей, а предоставляя им полную инициативу. Трое его учеников — активных участников семинара защитили докторские

диссертации по истории русской археологии³³. Опубликовано многие книги и статьи, в обсуждении которых Г. С. Лебедев принимал участие. Вместе со своим учителем — Л. С. Клейном он продолжил лучшие традиции петербургской университетской историографии, став одним из основоположников современной петербургской школы археологической историографии.

---

³³ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России: XVIII — середина XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С.-Петерб. ин-т истории РАН, 2002; *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: последняя треть XIX — первая треть XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ин-т истории материальной культуры РАН, 2008; *Тихонов И. Л.* История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге: XVIII — первая четверть XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ин-т истории материальной культуры РАН, 2013.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем домашнем архиве среди бумаг семинара по истории археологии¹ сохранился текст Г. С. Лебедева с названием «Российская археология первой половины XX века». Это 25 страниц обычного формата А4, отпечатанных на матричном принтере с одинарным межстрочным интервалом. Насколько я могу вспомнить, Глеб Сергеевич передал его для возможной публикации во втором томе трудов семинара, однако до этого дело не дошло, и удалось выпустить в свет только первый том под названием «Санкт-Петербург и отечественная археология»², навеянным названием известной книги Г. С. Лебедева по истории отечественной археологии³. Библиографические поиски и консультации в библиотеке ИИМК РАН ничего не дали, и, соответственно, можно сделать вывод, что если этот текст где-нибудь ранее и печатался, то в любом случае археологам он совершенно не известен. Это обстоятельство и обуславливает его публикацию в сборнике материалов конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г. С. Лебедева.

В истории российской археологии Г. С. Лебедева особо интересовал период ее развития, пришедшийся на первую половину XX столетия. Первые полтора десятилетия нового века стали временем наивысшего расцвета археологии имперской России, временем формирования новых направлений, например становления палеолитоведения. Вскоре последовали глобальный кризис 1917 г. и крушение имперской археологии. С начала 1920-х годов ведет свое возникновение «советская археология», постепенно все более попадающая под идеологический пресс пролетарского государства. На этот же период пришлось такие явления, как формирование системы археологического образования, появление принципиально новых организационных структур, интенсификация исследований.

---

* Подготовка к публикации, предисловие и комментарии И. Л. Тихонова.

¹ О семинаре см.: *Платонова Н. И., Тихонов И. Л.* Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки» // *Российская археология*. 1992. № 3. С. 276–278.

² Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / отв. ред. И. Л. Тихонов. Вып. 1. СПб., 1995.

³ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992.

фикация и расширение географии полевых исследований, системный кризис начала 1930-х годов, репрессии среди археологов, тяготы Великой Отечественной войны и многое другое. Пожалуй, в истории российской археологии не было второго столь насыщенного и драматического полстолетия. Поэтому неудивительно, что Г. С. Лебедев, вдохновленный примером коллег из Института истории естествознания и техники РАН, решил составить «Хронику российской археологии первой половины XX века». На конференции «Традиции отечественной палеоэтнологии», посвященной 150-летию со дня рождения Ф. К. Волкова и прошедшей в Санкт-Петербургском университете в апреле 1997 г., он представил доклад о принципах составления подобной хроники. В основу был положен анналистический принцип группировки материала: от основных событий организационной работы археологов до выделения наиболее значимых печатных трудов⁴. Важное место также занимали особо специфичные для археологии многолетние, длящиеся не один сезон, полевые исследования. В результате дальнейшей реализации этого замысла и появился публикуемый текст.

Собственно хронике предшествует статья, занимающая около половины всего объема. В ней Г. С. Лебедев попытался дать общий обзор пути, пройденного отечественной археологией за эти полвека, выделив наиболее значимые тенденции, события и процессы. Надо признать, что в целом ему это вполне удалось. Здесь в полной мере проявились незаурядные способности ученого к широким обобщениям, умение выстроить отдельные факты в логическую цепь и систему, стремление увидеть целостную картину. Перед читателем предстает широкомасштабная панорама развития археологической науки в нашей стране с 1900 по 1950 г., прежде всего в институциональном аспекте, с особым вниманием к полевым исследованиям важнейших памятников и появлению крупных печатных трудов.

Социальной истории науки в указанный период внимания уделяется значительно меньше или не уделяется совсем. Например, вызывает удивление, что Г. С. Лебедев, являвшийся ярким представителем «демократической волны», пришедшей в политику в результате «перестройки», и активным членом общества «Мемориал», даже не упомянул о репрессиях, обрушившихся на археологов в 1930-е годы. Их жертвами стали многие очень талантливые ученые, потеря которых не могла не сказаться на развитии науки. Причем, в иных случаях, речь может идти о целых «репрессированных школах», как, например, палеоэтнологические школы в Ленинграде и Москве. Также можно отметить, что не нашла отражение в хронике деятельность Археолого-этнографического совещания 1932 г., объявившего археологию и этнографию «бур-

---

⁴ Лебедев Г. С. Хроника российской археологии первой половины XX века: принципы отбора и построения материала // Традиции отечественной палеоэтнологии: тезисы докл. Междунар. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. К. Волкова (Вовка). СПб., 1997. С. 58–61.

жуазными науками», чуждыми советским ученым. Наверно, можно было бы назвать и другие заметные события в истории отечественной археологии этого времени, например ликвидацию в 1923 г. Русского и Московского археологических обществ или создание в 1917 г. Кавказского историко-археологического института — прообраза будущих научно-исследовательских институтов. Но еще раз подчеркну, что Г. С. Лебедев основное внимание уделил полевым исследованиям и печатным трудам археологов, т. е. тому, что составляет собственно внутреннее развитие и движение науки.

Около 20 лет прошло со времени создания этой работы, но своей актуальности она не потеряла до сих пор, и полагаю, что будет интересна всем интересующимся историей российской археологии. Текст воспроизводится с сохранением авторского стиля и пунктуации, необходимые примечания к тексту Г. С. Лебедева даются в подстраничных сносках.

И. Л. Тихонов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Российская археология рубежа XIX–XX вв. обладала вполне сложившейся организационной структурой. Основу ее составляли регулярные Всероссийские археологические съезды (АС). Проводившиеся с 1869 г. раз в три года, они проходили не столько в столицах (Москва — I АС 1869, VIII АС 1890; Петербург — II АС 1871), сколько в крупных региональных центрах (Киев — III АС 1874; Казань — IV АС 1877; Тифлис — V АС 1881; Одесса — VI АС 1884; Ярославль — VII АС 1887; Вильна — IX АС 1893; Рига — X АС 1896), что позволяло последовательно разворачивать региональную археологическую проблематику Европейской части России и Украины, Поволжья, Кавказа, Прибалтики и стимулировать организацию местных научных: сил и центров⁵. Образцом этой организации стала система археологических научных учреждений Москвы, созданная выдающимися русскими археологами графом А. С. Уваровым и графиней П. С. Уваровой, И. Е. Забелиным, Д. Н. Анучиным⁶. В основе ее — деятельность Московского археологического общества (МАО, основано в 1864 г.), взявшего на себя основную работу по организации АС и обеспечивавшего постоянное поступление археологических материалов в Исторический музей (ныне — ГИМ, основан в 1872 г., открыт в 1882 г.). В организациях Москвы к рубежу веков трудилась сложившаяся плеяда археологов, где наряду с «патриархами» уваровского поколения растущий авторитет приобретал В. А. Гордцов.

«Триаде» АС — МАО — ГИМ в Москве соответствовала система столичных археологических организаций Петербурга: Императорское Русское археологическое общество (РАО, осн. 1846 г.), Императорская Археологическая

---

⁵ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 100–101.

⁶ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. С. 60–69.

комиссия (АК, осн. 1859) и с 1869 г. — Императорский Эрмитаж (ИЭ), являвшийся музейной базой АК. Императорская археологическая комиссия была высшей административной инстанцией археологической деятельности в стране (она выдавала Открытые листы на проведение раскопок, сосредотачивала, оценивала и публиковала отчеты и выпускала «Материалы по археологии России» — МАР и другие базовые издания). Возглавлял ее с 1888 г. граф А. А. Бобринский, активными сотрудниками АК были Н. И. Веселовский, Н. Е. Бранденбург, Н. П. Кондаков, а с середины 1890-х годов — А. А. Спицын.

Подобные столичным, археологические научные центры сложились в Киве, Одессе, Тифлисе, Казани, Пскове, Новгороде, Твери, Смоленске. Центром археологии Сибири стал Мартыяновский музей в Минусинске (с 1877 г.), в Ташкенте действовал (с 1895 г.) Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). Зарубежным научным центром российской археологии с 1895 г. стал Русский археологический институт в Константинополе (РАИ, сущ. до 1914 г.). Археология России тесно была связана с классическим антиковедением и византиноведением, славистикой и особенно ориенталистикой: к началу XX в. здесь растущую известность приобретали В. Б. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург.

Проблематика российской археологии сформировалась в XIX в. на базе «бытописательской парадигмы» Уварова и Забелина как «история древнего быта народов», обитавших на территории России со времен «Геродотовой Скифии» (тема первых выпусков МАР) и до конца XVII в. (1700 год был признан предельной датой диапазона хронологии археологических исследований). Каменный век России, представленный классическими палеолитическими материалами в Костенках и других памятниках, получил начальное освещение в последней монографии А. С. Уварова (1881 г.), однако еще оставался предметом методологических дискуссии и сомнений⁷. По своим теоретическим основаниям российская археология постепенно сближалась с западноевропейской: парадигма «эволюционистов» Западной Европы, популяризовавшаяся трудами, переводами, экспозициями научных выставок (Д. Н. Анучин), стимулировала внимание к теории трех веков Х. Ю. Томсена и поиску новых памятников каменной, бронзовой, железной эпох на широкой территории. Как и в западноевропейской археологии, на рубеже веков осознавались и ограничения эволюционизма, не раскрывавшего региональных особенностей культурно-исторического процесса. Поиски новой методологии шли по пути углубления классического типологического метода археологии (В. А. Городцов) и нового картографического подхода (А. А. Спицын). Последний в 1890-е годы фактически стал в мировой науке базой новой, этнологической парадигмы (отождествляющей археологическую культуру и древний этнос), шедшей на смену эволюционизму XIX столетия.

---

⁷ *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука, 1983. С. 84–108.

Рубежом в формировании научной проблематики российской археологии начала XX в. следует считать 1899 год, когда XI АС в Харькове⁸ открыл цикл исследований археологических культур Юга Европейской части страны. Новые открытия памятников первобытности, верхнепалеолитических (20 тыс. лет тому назад), энеолитических (трипольская культура медного века IV–III тыс. до н.э.) и впервые выявленных в России «полей погребения» зарубинецкой и черняховской культур железного века (рубежа н.э.), осуществленные выдающимся киевским археологом В. В. Хвойкой, рассматривались на фоне развернутых типологических построений В. А. Городцова, охвативших весь известный к тому времени керамический материал от неолита (поздняя ступень каменного века) до Древней Руси. В тот же год А. А. Спицын публикует свою классическую работу о расселении древнерусских племен, раскрывая потенциал «этнологической парадигмы», а Н. П. Кондаков предпринимает смелую попытку проекции на древнерусский археологический материал методологии «иконграфической» версии типологического метода, блистательно реализованной им в изучении византийского искусства.

Обозначились три базовых проблемы, составлявшие основу деятельности российских археологов примерно двадцатилетнего периода 1899–1919 гг.: культурная стратиграфия как основа решения вопроса о славянском этногенезе («колонная секвенция» культур каменного, бронзового, железного века, предшествующих славяно-русским древностям); «готская проблема» ранних славяно-германских отношений на рубеже нашей эры (историко-лингвистические труды Ф. А. Брауна, вскоре сопоставленные с археологическими материалами); «варяжский вопрос» — начальный, а потому ключевой вопрос ранней русской истории, запечатленный на первых страницах «Повести временных лет» XII в., оставшийся в центре научных дискуссии XVIII–XIX вв. По мере открытия классических «дружинных могильников» IX–XI вв. в Гнездове под Смоленском, владимирских, ярославских, приладожских курганах (раскопки В. И. Сизова, А. С. Уварова, В. А. Городцова, Н. Е. Бранденбурга), систематизации кладов сасанидского и арабского восточного серебра на Волжском пути и Волхово-Днепровском «Пути из Варяг в Греки», нарастающем внимании к древнерусским городам — Киеву, Новгороду, Старой Ладоге «варяжский вопрос», как и «готский», все более становился предметом ведения археологии.

Сохраняли свое значение в качестве первоочередных объектов исследования и «сокровища скифских курганов», наиболее ценное из научных открытий российской археологии. До 1918 г. продолжался непрерывный цикл курганных раскопок Н. И. Веселовского наряду с классическими комплексами Солохи, Костромской, Келермеса скифской культуры V–IV вв. до н.э., открывших первые памятники майкопской культуры III тыс. до н.э. раннебронзового века Предкавказья (Майкоп, Царская). Кавказ эпохи бронзы, античности, средне-

---

⁸ XI Археологический съезд в 1899 г. проходил в Киеве.

вековья выступает как особый, равноценный Скифии культурный мир на стыке Европы и Азии, дополняющий мировую культурную палитру классического антично-византийского Средиземноморья.

Эллинистический урбанизм Понта Эвксинского, древнегреческих колоний Северного Причерноморья, памятники которых (с грабительских кладоискательских раскопок некрополей в конце XVIII — начале XIX в.) составляли основу наиболее оформившейся и развитой классической (античной) археологии в контексте дореволюционной русской гуманитарной культуры, сохраняли значение эталона и наиболее ценного первоисточника исторических знаний о начальных этапах истории «Европейской Скифии». Классические своды литературных и палеографических памятников (акад. В. В. Латышев) служили надежным пособием для археологов, позволяя развернуть планомерное изучение крупнейших понтийских полисов — Херсонеса, Ольвии, Пантикапея (работы К. К. Косцюшко-Валюжинича, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева). Проблема «эллинизма и иранства», взаимодействия скифской и древнегреческой культур на переднем крае этого пространства Евразии в середине следующего десятилетия XX в. была поставлена, а в значительной мере и решена в получивших мировое признание трудах Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева.

Выдающимся открытием первого десятилетия XX в. стало выделение В. А. Городцовым базовой «триады культур» эпохи бронзы степной зоны Европейской России: ямной, катакомбной и срубной культур, сменяющих трипольскую и предшествующих скифской. Степные культуры эпохи бронзы раскрывали древнейшие этапы формирования народов индоевропейской языковой семьи, и ранние пути их расселения по континентальному пространству Евразии во II тыс. до н. э. шли именно через эти припонтийские степи. «Скифо-сарматская» эпоха ираноязычных степных кочевников VI в. до н. э. — IV в. н. э. была прямым продолжением истории этих «индо-иранских» степных народов, на смену которым в европейские степи из Центральной Азии на рубеже нашей эры хлынули народы тюрко-монгольской языковой семьи, открывая эпоху «Великого переселения народов» европейской истории V–VII вв. (гунны, авары, хазары, болгары).

Салтовская (салтово-маяцкая) культура VIII–IX вв., как и более поздние «курганые древности», раскрывала историческое значение иранских и тюркских (алано-хазарских) кочевых племен, созданных ими культур и государственных образований, начиная с Хазарского каганата, тесно связанных с Древней Русью. Готские памятники ранневизантийского Крыма (Суук-Су, «пещерные города») включали российскую археологию в изучение «темных веков» европейской истории эпохи Великого переселения народов и взаимодействия Византийской империи с ее новыми, германскими, славянскими и тюркскими соседями. Собственно славяно-русские материалы (сопки, длинные курганы, городища, культурный слой и архитектура древнерусских городов) становились все более существенной составной частью мировой картины культурно-исторического процесса. Наряду с ними вовлекались в научное об-

ращение материалы архаических «племенных» культур других народов России, финнов и тюрок Поволжья, во взаимосвязи с древностями Прибалтики и Финляндии (характерен высокий уровень научного интереса финских исследователей к Приуралью и Сибири, поиск прародины урало-алтайской языковой группы народов).

На рубеже 1910-х годов закладываются основы систематического преподавания археологии в университетах Петербурга (А. А. Спицын) и Москвы (В. А. Городцов)⁹. Появляются первые обобщающие обзоры первобытной и ранней истории Отечества, основанные на археологических данных (учебные монографии В. А. Городцова).

Общество защиты и сохранения в России памятников истории и старины (1910) разработало первый в стране законопроект об охране археологических памятников¹⁰ (правда, эффективное законодательство было создано лишь в советские годы).

Первая мировая война 1914–1918 гг. застала российскую археологию на подъеме к новым парадигмалогическим установкам и проблематике: складывалась палеоэтнологическая школа (Ф. К. Волков, П. П. Ефименко), перенесившая центр тяжести исследований к выявлению древнейших памятников первобытности, методическим поискам палеолита; определялись задачи археологического изучения Закавказья, Средней Азии, Сибири; завершился начальный цикл исследований археологии древнерусского города (Киев, Старая Ладога).

В области славянского этногенеза исследования А. А. Спицына и других археологов его школы, в сочетании с трудами выдающегося историка и лингвиста А. А. Шахматова, создали основу концепции исторического развития славянства, сохраняющую значение до наших дней (правда, требовалось заполнение хронологических лагун и оставалось дискуссионным этническое определение ряда культур и групп древностей I–IV, VI–VIII вв.).

Материалы и выводы российской археологии получили мировое признание в исследовании «варяжского вопроса» (Т. Ю. Арне), финно-угроведении (А. М. Тальгрэн), византиноведении (Н. П. Кондаков). Фундаментальным вкладом в мировую науку становилось исследование взаимодействия ранних кочевников Евразии с античной цивилизацией («Скифия и Боспор» М. И. Ростовцева), определившее магистральные направления исторического процес-

---

⁹ В. А. Городцов преподавал в 1907–1915 гг. в Московском археологическом институте, в 1915–1918 гг. — в Московском народном университете им. А. Л. Шанявского. В МГУ он начал преподавать только в 1919 г.

¹⁰ Первый в России проект «Положения об охране памятников древности» был предложен в 1869 г. Московским археологическим обществом. Об этом см.: Тихонов И. Л. Императорская археологическая комиссия и проблемы создания органов охраны памятников древности в России в последней четверти XIX — начале XX века // Вторые Тихоновские чтения: мат-лы конф. 22 ноября 2013 г. / отв. ред. А. И. Чепель. СПб.: Коло, 2016 С. 14.

са в последующую эпоху. Это исследование, по существу, закладывало основу новой культурно-исторической парадигмы археологии.

Методологический потенциал российской археологической науки в этот период был достаточно высоким и осваивал практически весь теоретический аппарат, выработанный мировой археологией, в некоторых отношениях раскрывая новые горизонты методологии. Обобщение археологических материалов России, выполненное В. А. Городцовым («Первобытная археология» и «Бытовая археология», 1908, 1910) основывалось на историко-культурной концепции Л. А. Мечникова («Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ», 1898), реализовавшей положения географо-экологической парадигмы Ж. Э. Реклю («Всеобщая география. Земля и люди», 1876–1894). Развивавшаяся, по сути дела, к фундаментальным основаниям современной культурно-экологической парадигмы (для российской археологии, этнографии, географии в трудах Д. Н. Анучина), эта теоретическая конструкция позволяла использовать и сложившийся научный аппарат действовавшей в археологии «этнологической парадигмы» (тождество «культура-этнос», «теория миграций», «теория диффузии/влияний») для создания первой целостной и законченной «археологической версии» всемирно-исторического процесса, на пространстве России впервые представленного в диапазоне от палеолита до Средневековья именно в обобщающем обзоре В. А. Городцова.

Дальнейшее совершенствование методологии и систематизации эмпирического материала, составлявшие деятельность и В. А. Городцова и А. А. Спицына, и формируемых ими основных научных школ российской археологии требовало глубоких внутренних реформ организационной структуры археологической науки России. Революционные события 1917 г. отмечены и появлением ряда таких предложений. Наиболее законченные из них излагались в программной статье М. И. Ростовцева, вынужденного, однако, с началом «красного террора» в Петрограде 1918 г. покинуть Россию.

Организационные, материальные, человеческие потери в годы революции, гражданской войны, террора, эмиграции, совпадающие со сменой поколений и идеологии в стране, отделили и определили следующий период развития российской археологии с 1919 по 1937 г. Первое десятилетие этого периода (1919–1929) связано главным образом с развертыванием деятельности Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Петрограде — Ленинграде. Созданная в 1919 г. по инициативе группы историков во главе с М. Н. Покровским¹¹ и возглавленная академиком археологии с элемен-

---

¹¹ Заместитель Наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский мог иметь отношение разве что к названию новой Академии, поскольку инициатива ее создания исходила от членов бывшей Археологической комиссии, и особенно от Н. Я. Марра, избранного в ноябре 1918 г. председателем комиссии. Об этом см.: *Платонова Н. И., Мусин А. Е.* Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отече-

тами новой организационной структуры и комплексной проблематикой археологии, лингвистики, искусствознания, технологии. Это позволяло, преодолевая условия послереволюционной разрухи, восстановить процесс полевых археологических исследований, а во взаимодействии с Ленинградским университетом (особенно в период 1922–1927 гг.) развернуть подготовку нового поколения высококвалифицированных специалистов.

Центр тяжести проблематики смещается в этот период к выявлению древнейшего горизонта археологических памятников. Если палеолит России в 1915 г. представляли 13 местонахождений, то за межвоенные десятилетия 1920–1930-х годов их было открыто около 130, а в послевоенные годы, к середине XX в., число известных памятников палеолита на территории СССР выросло до 350. Тем самым раскрывались хронологические горизонты беспрецедентной глубины, от 20 тыс. лет тому назад (верхнего палеолита, известного в предреволюционные годы) к среднему палеолиту неандертальских стоянок и погребений мустьерской эпохи (50–130 тыс. лет), а затем, в послевоенные годы — еще более ранним, ашельским горизонтам нижнего палеолита (750 тыс. лет, на стоянках Закавказья; лишь в самые последние годы открыт еще более древний, начальный «олдувейский горизонт» палеолита — ок. 1800 тыс. лет, Дманиси, Грузия). Работы П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловского, П. И. Борисковского, М. М. Герасимова, С. Н. Замятина, А. П. Окладникова в Крыму, на Кавказе, Сибири, Средней Азии, ровно как в Средней России, не только расширили географию и хронологию мирового палеолита, но и привели к методичному открытию новых групп и видов палеолитических памятников, неандертальских погребений (Киик-Коба, Крым, 1924) и верхнепалеолитических жилищ (Гагарино, Подонье, 1927-~~г.~~).

Широко развернулось исследование культур степной бронзы. Экспедиции М. П. Грязнова, С. И. Руденко и др. в Казахстане и Южной Сибири увенчались открытиями афанасьевской, андроновской, карасукской культур, завершивших панораму освоения пространства Евразии древними индоевропейскими племенами. Скифо-сарматские и синхронные им памятники «ранних кочевников» выявлялись от Предкавказья до Монголии. Возобновлялось изучение урбанизма античного Причерноморья в Ольвии и Херсонесе (Б. В. Фармаковский, К. Э. Гриневич), Древней Руси (Старая Рязань, В. А. Городцов), Средней Азии (Б. П. Денике, А. Ю. Якубовский, М. Е. Массон).

Славяно-русские памятники продолжал исследовать А. А. Спицын и археологи его школы, возобновившие планомерное обследование Северо-Запада России (М. И. Артамонов, Н. Н. Чернягин, П. Н. Третьяков и др.). В изучении первобытных культур неславянских народов важные открытия были сделаны А. В. Шмидтом (сейминско-турбинская культура эпохи бронзы, пьяноборская культура раннего железа Приуралья). Неолитические памятники, культуры

ственной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под **об-**
щей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Гл. 14. С. 1099.

раннего железного века, славянские древности Европейской части страны, наряду с ленинградскими археологами, начинали исследовать московские ученики В. А. Городцова, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс и др.

Археологическая деятельность в Москве сосредотачивалась в организационной структуре Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в середине 1920-х годов связанной с ГАИМК. Во второй половине 1920-х годов новое поколение археологов и в Ленинграде, и в Москве все более активно обращается к методологическим поискам. Под глубоким и вполне объективным воздействием марксистской политэкономии и социологии формируются новые представления о познавательном потенциале археологии («истории материальной культуры») в рамках нового «социологического подхода» (А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев) и поисках междисциплинарного «комплексного метода» (В. Н. Никольский, В. И. Равдоникас, Е. Ю. Кричевский).

Относительный плюрализм этих поисков в условиях формирующегося в стране монополизма тоталитарной идеологии был недолгим. «Год великого перелома» в социалистическом строительстве СССР (1929) отмечен выдвижением в качестве своего рода «спецификации» марксистско-ленинской методологии, социологической «теории стадильности» (основанной на постулатах «нового учения о языке» или «яфетической теории» Н. Я. Марра как своего рода проекции марксизма на материалы и проблематику лингвистики и других гуманитарных наук). Программный доклад В. И. Равдоникаса в ГАИМК, опубликованный на следующий год, стал по существу декларацией права на теоретическую монополию марксистской школы в советской археологии¹².

Последовавшие в течение ближайших двух лет дискуссии означали прежде всего утверждение этой монополии¹³. При этом, однако, расширение археологической проблематики на резко увеличившийся объем фактического материала оказалось достаточно плодотворным для решения ряда фундаментальных проблем социологической реконструкции развития первобытного и древнего общества. Обобщающие работы по «доистории» или археологии палеолита П. П. Ефименко и советских археологов его школы получили мировое признание. И если методологические поиски дореволюционного поколения, прежде всего В. А. Городцова, либо были приспособлены к догматизирующемуся научному аппарату марксистской теории (А. В. Арциховский), либо почти случайными путями получили отражение и были развиты зарубежной археологией (американские таксономисты), то применение марксистской методологии к изучению ряда первобытных культур силами нового поколения оказалось вполне плодотворным. Социологическая интерпретация степных культур

---

¹² *Формозов А. А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 43–57.

¹³ *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х гг.) Киев: Наукова думка, 1982. С. 112–142.

эпохи бронзы, предложенная А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким (1935), оказала глубокое воздействие на формирование теоретических взглядов такого выдающегося европейского археолога, одного из создателей современной «системной» методологии культурно-исторической парадигмы, в свою очередь признанного и в советской археологии серьезным авторитетом, как Г. Чайльд¹⁴.

В целом, однако, «социологизаторский схематизм» не отличался результативностью. В проблеме славянского этногенеза предложенные решения по существу не отличались от прямолинейного автохтонизма (непрерывной преемственной цепочки культур от каменного века до Средневековья), свойственного наивному эволюционизму дореволюционных взглядов В. В. Хвойки. «Готская проблема» с позиций «теории стадильности» решалась путем введения скачкообразных «этнических трансформаций» народов и культур¹⁵. Синтез исторических и археологических данных, приводивших к решению «варяжской проблемы», противоречившему догматическому автохтонизму (к тому же усиленному культивируемым в предвоенные годы «патриотическим» этноцентризмом), если еще не вызывал репрессивную реакцию, то по крайней мере блокировался и замалчивался (как это произошло с работой М. И. Артамонова и коллектива авторов, законченной в 1939 г.)¹⁶.

Идеологическая монополия в 1937 г. была закреплена организационной перестройкой, с преобразованием ГАИМК в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (ИИМК АН). В предвоенные годы головная часть ИИМК оставалась в Ленинграде, что усиливало конфронтацию между «ленинградской» и «московской» школами советской археологии (отвергшими теоретические позиции своих учителей, но сохранявшими состязательность со времен А. А. Спицына и В. А. Городцова). Доминировала в предвоенные годы «ленинградская школа», а ее лидер В. И. Равдоникас руководил первым в истории отечественной науки центральным археологическим журналом «Советская археология»¹⁷.

Централизация археологии, организационных, материальных и человеческих ресурсов в Москве и Ленинграде шла, однако, разными путями, и для

---

¹⁴ Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фанн, 1993. С. 104–117.

¹⁵ Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья // Готский сборник. Известия ГАИМК. Вып. XII. Л., 1932.

¹⁶ Г. С. Лебедев, вероятно, имел в виду коллективный труд, выпущенный Институту истории материальной культуры на правах рукописи: История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. Ч. I–II. М.; Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1939.

¹⁷ В. И. Равдоникас в это время вряд ли мог считаться единоличным лидером «ленинградской школы». Издание «Советская археология» до 1957 г. являлось сборником, первоначально издаваемым МАЭ РАН, а с шестого выпуска (1940 г.) — ИИМК РАН им. Н. Я. Марра. В. И. Равдоникас никогда не был его ответственным редактором, т. е. руководителем, хотя входил в состав редколлегии и играл важную роль в его подготовке и издании.

периода с 1937 по 1951 г. эта сохраняющаяся «биполярность» структуры археологической науки и обеспечила относительную свободу действий на широком поле конкретных исследований, что в известной мере компенсировало издержки и потери как неизбежное следствие тоталитарного централизма.

Предвоенное и послевоенное десятилетия вывели на арену научной деятельности новые силы, осуществившие масштабные конкретно-исторические исследования на огромной территории Советского Союза и практически на всех доступных археологии хронологических горизонтах¹⁸. Принципиальными достижениями этих лет стали открытия памятников палеолита Средней Азии и Армении (Тешик-Таш, Сатани-Дар), неолитических петроглифов Залавруги и Оленеостровского могильника на Онежском озере, энеолитических памятников Закавказья и Средней Азии, раскопки городов-крепостей государства Урарту. Археологи, осуществившие эти открытия, — А. П. Окладников, А. А. Иессен, В. И. Равдоникас, О. Н. Бадер, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов, С. П. Толстов, Б. Б. Пиотровский и многие другие — стали признанными лидерами советской археологии в XX столетии.

Античная археология Северного Причерноморья перешла к планомерному изучению, наряду с ведущими полисами, «малых городов» (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич). География «геродотовой Скифии» расширялась и углублялась в исследованиях М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, Г. Д. Смирнова, уникальные комплексы царских погребений скифов Алтая были открыты С. И. Руденко в курганах Пазырыка. Памятники раннесредневековых кочевников Сибири (енисейских кыргызов) открыли и изучали Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, более ранние кочевнические культуры выявляли А. Н. Бернштам, В. П. Шилов. Предскифские древности европейской части страны и исследовали А. И. Тереножкин, Т. С. Пассек и др.

Разворачивалось археологическое освоение Средней Азии, ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, объединившая столичных и местных археологов, стала ядром формирования новых национальных археологических центров и школ. Республиканские академии наук и отделения АН СССР оформляли, по существу, эту «децентрализацию» археологических исследований, но сохранявшаяся их координация способствовала быстрому накоплению фактического материала, открывая неизвестные ранее науке древние государства и культуры в регионах, практически не освещавшихся письменными источниками античной древности и раннего Средневековья. Парфия, Бактрия, Согдиана, Хорезм выступали из мрака исторического забвения как истоки культурной и национальной истории народов, объединенных в границах советского государства. По инициативе директора ИИМК М. И. Артамонова началось издание монографической серии, восстанавливающей традицию дореволюционных МАРов, — «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА).

---

¹⁸ Монгайт А. Л. Археология в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

Предвоенные годы застали российскую археологию на подходе к развертыванию планомерного изучения памятников Древней Руси. Эвакуация ИИМК из блокированного Ленинграда в Елабугу и Ташкент в 1941–1944 гг. при послевоенном восстановлении академической структуры закрепила фактическое перемещение центра управления археологическими исследованиями в Москву, где с 1943 г. находилась головная дирекция ИИМК. Ведущие силы археологов, несмотря на тяжелые потери военных лет, однако, сохранились в обоих сложившихся центрах. Вполне естественно, что эти силы, не прекращавшие по мере возможности научной деятельности и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., при послевоенном восстановлении обратились прежде всего к славяно-русской тематике.

Работы М. К. Каргера, Г. Ф. Корзухиной, И. И. Ляпушкина, В. И. Равдоникаса, М. А. Тихановой — в Ленинграде, А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, А. Л. Монгайта, Б. А. Рыбакова и многих других — в Москве были направлены в первую очередь на развертывание «городской археологии» (ее серьезно стимулировали еще довоенные археологические работы по строительству Московского метрополитена), однако во взаимосвязи с широким обследованием конкретных регионов восточного славянства, стратификацией памятников железного века — Средневековья (скифского времени, «полей погребений», «роменско-боршевской культуры» VIII–IX вв. и др.). Наряду с Киевом и Старой Ладогой возобновляются стационарные археологические работы в Новгороде, Пскове, Москве, Старой Рязани, городах Владимиро-Суздальской земли. Обобщение накопленных ранее материалов славяно-русской археологии нашло наиболее полное выражение в монографии Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», отмеченной Сталинской премией.

Послевоенные годы стали и временем первых обобщений конкретных исследовательских результатов по археологии античного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Создавались условия для следующей, после «городцовской» в начале века, попытки создания масштабной обобщающей панорамы древнего прошлого страны, раскинувшейся «от Балтики до Тихого океана» (как называлась одна из научно-популярных книг по археологии начала 1950-х годов).

В 1946–1951 гг. на университетские скамьи Москвы и Ленинграда пришло новое поколение студентов-археологов. Среди них были и сравнительно юные А. А. Формозов, А. Л. Монгайт, Л. С. Клейн, А. Д. Грач, В. Л. Янин и молодые фронтовики Ю. В. Кухаренко, В. В. Седов; это поколение стало свидетелем и молчаливым участником идеологических дискуссий позднесталинской поры. Борьба с «космополитизмом» и другие политические кампании, непосредственно проецируясь в археологию, были средством не только идеологического диктата, но и сведения «старых счетов». Обсуждение учебных монографий В. И. Равдоникаса в 1949 г. завершилось окончательным и безусловным перемещением руководящего центра советской археологии в Москву, где дирекция ИИМК в дальнейшем была преобразована в Институт археологии АН СССР.

Новое поколение осваивало не только фонд фактических материалов и сложившуюся систему отношений научных школ: именно для молодежи была очевидна бесплодность жестких и схоластических дискуссий, неспособных привести к решению ни одной конкретной исследовательской проблемы, будь то этногенез славян или скифов, «готская» тематика (фактически запретная по инерции борьбы с германским фашизмом) или столь же острый «варяжский вопрос».

Полемика, основанная на догматических идеологических штампах, не могла привести к конструктивным решениям теоретических и исследовательских проблем. Гиперавтохтонистская схема славянского этногенеза (от трипольской культуры до Древней Руси), пропагандировавшаяся в трудах академика Б. Д. Грекова и других историков, очевидно противоречила многообразию археологического материала за пределами Среднего Поднепровья. Возобновление раскопок древнерусских курганов Гнездова (Д. А. Авдусин) стало поводом для резких «антинорманистских» выступлений по «варяжскому вопросу» (получивших, впрочем, квалифицированный отпор в зарубежных публикациях Т. Арне). Материалы Старой Ладogi, которые еще в 1930 г. В. И. Равдоникас (в монографии на немецком языке, опубликованной в Стокгольме) рассматривал вполне в духе концепции Арне и которые в ходе новых раскопок (начатых в 1938 г. и возобновленных в послевоенные годы) дали выразительную серию скандинавских находок, вводились в научный оборот выборочно и с оговорками, а сами исследования постепенно были свернуты. С другой стороны, взаимосвязанная с «варяжской» «хазарская тема» в послевоенные годы получила фундаментальное обоснование в новых исследованиях М. И. Артамонова. Раскопки крепости Саркел и других памятников VIII–X вв., проведенные Волго-Донской экспедицией, стали основой для первой обобщающей монографии «История хазар»; полемическая газетная рецензия на готовую работу в «Правде», однако, задержала публикацию монографии почти на двенадцать лет (1962).

Официальной теоретической основой советской археологии до 1950 г. оставалась марристская «теория стадильности», базирующаяся на «новом учении о языке» (Н. Я. Марр — И. И. Мещанинов), претендовавшем на статус подлинно марксистской гуманитарной науки. Современные исследователи определяют ее как «сталинизм в археологии» (Г. Н. Матюшин). Практически же археология предвоенных и послевоенных лет подошла вплотную к необходимости реабилитации и возвращения к последней из действовавших в предреволюционной науке парадигм — этнологической. Основанная на отождествлении археологической культуры и древнего этноса, эта парадигма открывала возможности реконструкции реальной истории, населенной «если не действующими лицами, то действующими коллективами»¹⁹. Для открытого возвращения к «этнологической археологии» требовалось лишь устранение социологического догматизма.

---

¹⁹ Клейн Л. С. Феномен советской археологии. С. 24.

«Десталинизация» археологии, и в этом ее существенное отличие от других советских общественных наук, произошла еще до официального осуждения «культы личности», при жизни Сталина, и осуществил ее Вождь Народов собственной персоной. Инициированная квалифицированными лингвистами статья за его подписью «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная в «Правде» в начале 1950 г. положила официальный конец «теории стадильности». Последовавшие печатные обсуждения новых партийных установок при обличительно-покаянном характере практически подготавливали переход к свободному методологическому поиску, а через несколько лет коллективные очерки многотомной «Всемирной истории», «Истории СССР», «Истории СССР с древнейших времен» и др. дали возможность представить впечатляющие обобщения накопленных историко-археологических знаний. Складывались предпосылки для нового этапа развития отечественной археологии, когда в следующие десятилетия определился теоретико-методологический «спектр направлений», по сути, тождественный сложившемуся в современной мировой науке.

Показательно, что с «дискуссией по языкознанию» случайно, но удачно совпало во времени открытие первых древнерусских берестяных грамот при раскопках А. В. Арциховского в Новгороде (1951). Славяно-русская археология в середине XX в. заговорила из глубины столетий собственным языком.

ХРОНИКА

1899

XI Археологический съезд в Киеве; основные доклады — В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика (реализация типологического метода на материале первобытных культур); В. В. Хвойка. Каменный век Ср. Поднепровья (колонная секвенция культур от палеолита — к трипольской энеолитической культуре и «полям погребений» первых веков нашей эры).

Полевые исследования В. В. Хвойки, открытия памятников «полей погребений» у с. Зарубинцы, Черняхов, Ромашки (до 1901 г.).

Доклад Н. П. Кондакова «О научных задачах истории русского искусства (после публикации сводной работы «Русские клады», СПб., 1898).

Публикации: Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.

А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Вып. VIII.

Программа «О исследовании собственно русских курганных древностей» (осуществлялась в 1910–1914 гг.).

1900

Н. И. Веселовский завершает раскопки кубанских курганов энеолита — скифского — римского времени (Майкоп — Костромская), начатые с 1894 г.

Открытие энеолитической трипольской культуры получает признание и поддержку в публикациях Ф. К. Волкова, Н. Ф. Биляшевского («Киевская Старина», т. 70, 1900), В. Н. Доманицкого («Археологическая летопись Южной России»).

Публикации: П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа (МАК). Вып. VIII. М., 1900.

Н. И. Веселовский. История Императорского Русского археологического общества за первые пятьдесят лет его существования. СПб., 1900.

1901

I Областной археологический съезд в Ярославле.

В. А. Городцов публикует «Русскую доисторическую керамику» (в трудах XI АС) и проводит исследования в Изюмском уезде курганов степных культур эпохи бронзы.

Раскопки скифских курганов: Макиевка (Н. Е. Бранденбург), Константиновка, Журовка (А. А. Бобринский), Галущина (Пасторское) — В. В. Хвойка.

Раскопки Черняхова (могильник «полей погребений») — В. В. Хвойка.

Начало систематичных раскопок Ольвии Б. В. Фармаковским.

Публикации: Н. И. Веселовский. Первобытная археология. Курс лекций. СПб., 1901; 1903.

А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Материалы по археологии России (МАР). Вып. 25. СПб., 1901.

В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Поднепровье. Записки Русского археологического общества. Вып. XII. СПб., 1901.

1902

XII Археологический съезд в Харькове. Основные доклады: В. А. Городцов, «Исследования в Изюмском уезде, стратиграфия культур эпохи бронзы: ямная, катакомбная, срубная»; В. А. Бабенко, «Салтовская культура эпохи Хазарского каганата VIII–IX вв.»; Н. П. Кондаков, «Памятники христианского искусства на Афоне»; Э. Р. Фон-Штерн, «Раскопки в северной Бессарабии в связи с вопросом о неолитических поселениях с керамикой домикенского типа».

Систематичные раскопки Б. В. Фармаковского в Верхнем городе античной Ольвии (до 1908 г.).

Публикации: В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР. Вып. 28. СПб., 1902 (Гнездовский могильник, длинные курганы).

Н. И. Веселовский. Первобытный человек. Курс лекций в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1902.

А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР. Вып. 26. СПб., 1902.

1903

II Областной археологический съезд в Твери.

Начало работы В. А. Городцова в Историческом музее (ГИМ), Москва (до 1929 г.). Н. К. Рерих — обследование древнерусских городов (и в 1904). В. Н. Глазов — завершение раскопок древнерусских могильников Псковской губ. (опубл. Спицыным).

Открытие готского могильника VI–VII вв. Суук-Су в Крыму, Н. И. Репников.

Публикации: Н. Ф. Биляшевский. Ближайшие задачи археологии юга России. Археологическая летопись Южной России (АЛЮР). 1903. № 1. С. 11 (сомнения в славянстве Черняховской культуры).

В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903 (сводка археологических материалов).

Г. де Мортилье. Доисторическая жизнь. Пер. под ред. Д. Н. Анучина. СПб., 1903.

А. А. Спицын. Удлиненные и длинные курганы. Записки Отделения русской и славянской археологии (ЗОРСА). Т. V. СПб., 1903 (выделение особой категории памятников славяно-русской археологии VI–IX вв.).

1904

Раскопки Археологической комиссии в некрополе Керчи: могила правителя и др. склепы на Госпитальной ул. Возобновление раскопок 1892–1893 гг. Н. Я. Марра в Ани, средневековой столице Армении.

Публ.: Н. П. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

1905

Международный археологический конгресс в Афинах.

XIII Археологический съезд в Екатеринославе; обсуждение открытия салтовской и трипольской культур.

В Петербурге создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (продолживший работы Археологической комиссии по реставрации памятников Самарканда).

Исследование палеолитической стоянки Борщево под Воронежем (П. П. Ефименко), раскопки Салтовского могильника — В. А. Бабенко, Н. Е. Макаренко, А. М. Покровский.

Публ.: А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Императорской Археологической комиссии (ИИАК). Вып. 15. СПб., 1905.

Н. И. Веселовский. Мечети Самарканда. СПб., 1905.

1906

Раскопки Н. И. Репниковым готского могильника Суук-Су в Крыму, публ.: ИАК 1906, 19, с. 1–80.

P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur. MaInzer Zeitschrift. 1906, 1. P. 42–50 (германство черняхово-зарубинецких полей погребений).

1907

Открытие Московского археологического института. Начало преподавания В. А. Городцова в Московском университете (до 1914 г.)²⁰.

Кончина К. К. Косцюшко-Валюжинича, руководителя раскопок Херсонеса с 1888 г., продолжение работ с 1908 г. Р. Х. Лепером (до 1914 г.).

Работы В. В. Хвойки на Старокиевской горе в Киеве.

Раскопки Роменских славянских городищ Н. Е. Макаренко (1909).

---

²⁰ В Московском университете В. А. Городцов начал преподавать только в 1919 г. См.: Белозерова И. В., Кузьминых С. В. Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В. А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых; отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский. М.: Триумф Принт, 2015. С. 12–72.

1908

Начало преподавания Ф. К. Волкова в Петербургском университете (до 1918 г.)²¹. Раскопки верхнепалеолитической Мезинской стоянки под Черниговом, Ф. К. Волков, П. П. Ефименко.

Елисаветовский некрополь скифского времени в Воронежской губ., раскопки А. А. Миллера (1909, 1911).

Начало исследований городища Афрасиаб в Самарканде, В. Л. Вяткин (до 1910 г., затем в 1925–1926 гг.).

Раскопки в Киеве Б. В. Фармаковского и Д. В. Милеева (Десятина церковь и др., до 1914 г.).

Публ.: В. А. Городцов. Первобытная археология. М., 1908.

Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908; Происхождение русского народа. М., 1908.

Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1908 (первая сводка крупнейшей в мире коллекции сасанидского серебра IV–VII вв. из фондов Эрмитажа).

1909

Начало работы А. А. Спицына в С.-Петербургском университете (лекция «О восточном пути норманнов», 24 января 1909 г., курсы «Введение в археологию» и «Общий курс русской археологии» (с 1910 г. — полная программа преподавания, выполнявшаяся до 1928 г.).

Раскопки В. В. Хвойки в Белгороде (до 1914 г.). Раскопки курганов северян и др. славянских племен — С. А. Гатцук, И. С. Абрамов, С. И. Сергеев (на Смоленщине), в публикациях А. А. Спицына.

Начало систематичных раскопок Нижнего города Ольвии Б. Б. Фармаковским (до 1915 г.).

Раскопки крепости Гарни в Армении, Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов (1910).

Публ.: Н. П. Кондаков. Македония. СПб., 1909.

1910

Создание Общества защиты и сохранения в России памятников истории и старины — великий князь Николай Михайлович, А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих и др. Законопроект об охране памятников.

Организация Археологического кабинета на Историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. А. А. Спицын — курсы «Древнейшие культуры в русских древностях» и «Общее обозрение русских древностей по культурам».

Раскопки А. А. Спицына в Лужском уезде С.-Петербургской губ. у с. Малый Удрай (курганы древнерусского времени, доследованы в 1980-х годах).

Работы А. В. Тищенко в Валдайском и Псковском уездах, П. А. Садикова, Н. Н. Чернова, С. И. Покровского, Н. Ф. Лаврова, П. Г. Любомирова в Новгородской и Тверской

---

²¹ Ф. К. Волков начал преподавать в Петербургском университете в 1907 г. См.: Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 117.

губ., В. А. Кудряшова в окрестностях Гдова, С. А. Дубинского в Гродненской губ. (начало, прод. 1911–1912).

Обмеры Н. К. Рериха и Е. Р. Романова в Изборске, Пскове, Новгороде.

Н. И. Репников — разведочные раскопки на Земляном городище Старой Ладogi.

Н. И. Веселовский — работы в Ставрополе, курганы бронзового века. Обследование античного Танаиса в низовьях Дона.

Частые курганы под Воронежем скифского времени, раскопки Ученой Архивной комиссии (А. Мартинович).

Начало исследований скифского многослойного Немировского городища (А. А. Спицын, затем — самостоятельно — П. А. Балицкий, К. В. Шероцкий).

Публ.: В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910.

А. А. Спицын. Археологические раскопки. СПб., 1910.

1911

XV Археологический съезд в Новгороде; подведение итогов и постановка задач славяно-русской археологии.

Начало систематичных работ Н. И. Репникова на Земляном городище Старой Ладogi (до 1913 г.)²².

В. В. Шкорпил — начало раскопок на Таманском полуострове (до 1913 г.).

В. В. Саханев — исследование погребальных памятников в районе Геленджика.

Публ.: И. С. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1911.

1912

Раскопки скифского царского кургана Солоха Н. И. Веселовским (и в 1913 г.).

Публ.: Д. Н. Анучин. Происхождение человека и его ископаемые предки. М., 1912.

1913

Международный конгресс археологов в Лондоне; доклады Б. В. Фармаковского «Архаический период в России» и М. И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России» (ранние взаимосвязи ионийско-греческой и скифской культур).

Статьи Ф. К. Волкова о палеолите; первые публикации П. П. Ефименко (зарождение научной школы археологии палеолита в России).

А. А. Спицын и Н. Ф. Лавров — раскопки курганов в низовьях Волхова (окрестности Старой Ладogi).

Публ.: В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913 (культурная стратиграфия от палеолита до «полей погребений» и славяно-русских памятников Украины).

---

²² Первые разведочные работы Н. И. Репников провел на Земляном городище в Старой Ладogi в 1909 и 1910 гг. В 1911 г. ему были выделены 600 руб. Этнографическим отделом Русского музея им. Императора Александра III. Об этом см.: Тихонов И. Л. Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX — начала XX вв. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 543–544.

1914

Организация Ванской экспедиции в Закавказье (Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, И. А. Орбели; работала в 1916 г.).

В. В. Саханев — исследования сарматских курганов Причерноморья.

В. А. Острогский — разведочные обследования неолитических стоянок Беломорья.

А. А. Спицын, Н. Ф. Лавров — раскопки курганов в низовьях Волхова (окрестности Старой Ладоги).

Публ.: Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР. Вып. 34. СПб., 1914.

М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

T. J. Arne. La Suede et l'Orient. Upsal, 1914 (археологические данные России к «варяжскому вопросу»).

1915

Публ.: В. А. Городцов. Курганы эпохи бронзы в Средней России. М., 1915. Стратиграфия культур степной бронзы (ямная, катакомбная, срубная).

А. А. Спицын. Русский палеоли. ЗОРСА. Т. XI. СПб., 1915 (первая сводка данных).

1916

Работы Н. И. Веселовского в Таврической губ. — Лемешовы курганы, Чмырев курган, «Орел».

1917

Избрание М. И. Ростовцева в действительные члены Российской Академии наук.

Публ.: М. И. Ростовцев. Наука и революция. Русская мысль. Вып. IX–X. М.; Пг., 1917.

1918

Преобразование Императорской Археологической комиссии в Археологическую комиссию России.

А. А. Спицын удостоен звания профессора Петроградского университета, проводит разведки в Новгородской губ.

В. А. Городцов удостоен звания профессора Московского университета.

Публ.: М. И. Ростовцев: 1) Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. В 2 ч. (ч. 1 опубликована «Скифия и Боспор», Л., 1925); 2) Классические и скифские древности Северного побережья Черного моря (рукопись)²³.

Отъезд М. И. Ростовцева в эмиграцию.

Проект В. В. Радлова по образованию Музея антропологии и этнографии (на базе Кунсткамеры).

---

²³ Эта работа М. И. Ростовцева была опубликована с комментариями И. В. Тункиной в 1993 г.: *Ростовцев М. И.* Классические и скифские древности Северного побережья Черного моря // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 25–38.

1919

Декрет Совнаркома от 18 апреля 1919 г. об образовании на базе Археологической комиссии Российской академии истории материальной культуры (с 1926 г. — ГАИМК).

Публ.: А. М. Tallgren. *Ēpoque dite d'Ananino dans la Russie orientale*. SMYA. Т. 31. Helsinki, 1919 (характеристика ананьинской культуры раннего железного века — базовой археологической культуры финно-угорских народов Восточной Европы).

А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Издание Русского исторического журнала. Пг., 1919.

1920

В. В. Бартольд. Археологическая командировка в Туркестан (август — декабрь).

Открытие афанасьевской культуры медного века Южной Сибири, С. А. Теплоухов (работы до 1923 г.).

1921

Раскопки энеолитического курганного могильника и поселения Усатово под Одессой, М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовская (и в 1926, 1928–1946 гг., с перерывами).

1922

Образование Археологического отделения в Петроградском университете²⁴.

Н. П. Кондаков в Праге. *Seminarium Kondakovianum*.

Раскопки в Сарае, столице Золотой Орды, Ф. В. Баллод.

Раскопки Льяловской стоянки на Оке, открытие льяловской неолитической культуры, Б. С. Жуков и Б. А. Куфтин (до 1923 г.).

1923

Образование РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) в Москве.

Исследования П. П. Ефименко верхнепалеолитического местонахождения Костенки (до 1936 г.).

Работы на палеолитическом местонахождении Афонтова Гора близ Красноярска. Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и В. И. Громов (до 1925 г.).

Раскопки Турбинского могильника сейминско-турбинской культуры эпохи бронзы в Прикамье, А. В. Шмидт (до 1935 г.).

Публ.: С. А. Жебелев. Введение в археологию. Ч. 1, 2. Пг., 1923.

В. А. Городцов. Археология. Т. 1. Каменный период. М., 1923.

В. К. Никольский. Комплексный метод в доистории. Вестник Социалистической академии. Вып. 4. Пг., 1923.

---

²⁴ Помимо Петроградского, Археологическое отделение также было создано и в Московском университете. Они заменили существовавшие ранее Петроградский (с 1878 г.) и Московский (с 1907 г.) Археологические институты.

1924

Образование Института археологии и искусствознания РАНИОН в Москве.

Возобновление работ Б. В. Фармаковского в Ольвии (до 1926 г., после его смерти в 1928 г. продолжены с перерывом 1941–1944 гг.).

Возобновление работ в Херсонесе К. Э. Гриневичем (с 1931 г. также Г. Д. Беловым).

Начало работ Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму: Киик-Коба и др. мустьерские памятники (стоянки и погребения неандертальца).

Раскопки курганов скифского времени Ноин-Ула в Монголии, П. К. Козлов (до 1925 г.).

Исследование тюрко-монгольского могильника Кудыргэ, С. И. Руденко (до 1925 г.) и А. Г. Гаврилова (в 1948 г.).

Раскопки Сарского городища мерянской культуры эпохи образования Древнерусского государства под Ростовом Великим, Д. Н. Эдинг (до 1925 г.).

1925

Открытие курганов абашевской культуры эпохи бронзы на Волге В. Ф. Смолиным.

Исследование памятников афанасьевской культуры эпохи бронзы Южной Сибири С. В. Киселевым (до 1932 г. и в 1937 г.).

Раскопки Старшего Каширского городища дьяковской культуры раннего железного века под Москвой, В. А. Городцов (до 1926 г.).

Раскопки древнерусского дружинного могильника Шестовицы под Черниговом, П. Н. Смоличев (до 1927 г., в 1946 г. — Я. В. Станкевич, с 1948 г. — Д. И. Блифельд).

Публ.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

1926

I Конференция археологов СССР в Керчи.

Разведочные обследования Ленинградской области (вкл. Новгородскую и Псковскую обл.) комиссией под рук. П. П. Ефименко (М. И. Артамонов, Н. Н. Чернягин, П. Н. Третьяков и др., работы до 1932 г.).

Обследование петроглифов Онежского озера и Белого моря, А. М. Линевский.

Раскопки неолитического свайного поселения в Горбуновском торфянике на Урале, Д. Н. Эдинг (до 1939 г., в 1948–1949 гг. — А. Я. Брюсов).

Северо-Кавказская экспедиция, А. А. Миллер; раскопки Ильской палеолитической стоянки, С. Н. Замятнин.

Открытие памятников андроновской культуры Южной Сибири эпохи бронзы М. П. Грязновым (продолжение исследований Б. Н. Граковым, Г. В. Подгаецким, К. В. Сальниковым 1928–1933, 1936–1950 гг.).

Раскопки В. А. Городцова в Старой Рязани.

Публ.: А. В. Арциховский. Социологическое значение изучения земледельческих орудий. Труды Социологической секции РАНИОН. Вып. 1. 1926.

П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Л., 1926.

1927

II Конференция археологов СССР в Херсонесе (Севастополь).

Археологические работы на Днепрострое, Д. И. Зварницкий (до 1928 г.). Крымская экспедиция Г. А. Бонч-Осмоловского по изучению памятников палеолита.

Казахстанская экспедиция М. П. Грязнова.

Открытие палеолитического жилища в стоянке Гагарино на Дону, раскопки С. Н. Замятниной.

Начало исследования могильников карасукской культуры эпохи бронзы Южной Сибири Г. П. Сосновским (продолжены А. А. Евтюховой и С. В. Киселевым в 1928–1938 гг.).

Открытие алтайских курганов скифского времени, С. И. Руденко и М. П. Грязнов.

Открытие дворца правителей средневекового Термеза в Хорезме, Б. П. Денике.

Публ.: В. А. Городцов. Типологический метод в археологии. Рязань, 1927 (позднее переведена и издана в США).

А. А. Спицын. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927.

1928

Раскопки стоянки Мальта, палеолит Сибири, работы М. М. Герасимова (до 1937 г.).

Исследования Тимоновской палеолитической стоянки на Десне, М. В. Воеводский и В. А. Городцов (до 1933 г.).

Раскопки Нальчикского неолитического могильника, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий (до 1930 г.).

Исследования тагарской культуры Южной Сибири раннего железного века, С. В. Киселев (до 1932 г.).

Раскопки курганов скифского времени Ильмовая Падь в Бурят-Монголии, Г. П. Сосновский (до 1929 г.).

Раскопки славянского курганного могильника и городища в с. Боршево на Дону близ Воронежа, П. П. Ефименко (до 1929 г.); выделение роменско-боршевской культуры славян VIII–IX вв.

Исследования средневекового Ургенча в Хорезме, А. Ю. Якубовский (до 1929 г., с 1952 г. — С. П. Толстов).

Публ.: С. В. Киселев. Поселения. Социологический очерк. Труды Секции теории и методологии РАНИОН. Вып. 2. М., 1928.

1929

Доклад В. И. Равдоникаса в ГАИМК о необходимости марксистской перестройки советской археологии.

Раскопки Эски-Кермена, исследование «пещерных городов» Крыма Н. И. Репниковым.

Археологическая экспедиция в Среднюю Азию А. А. Семенова.

Раскопки неолитических стоянок Н. и В. Веретье близ Каргополя, М. Е. Фосс (до 1934 г.).

Начало раскопок царских курганов скифской эпохи Пазырык в Горном Алтае, С. И. Руденко и М. П. Грязнов.

Публ.: Сборник работ аспирантов ГАИМК (М. И. Артамонов, В. А. Богусевич, Н. Н. Воронин, Л. А. Динцес, А. А. Иессен, Г. Ф. Корзухина, М. Г. Худяков). Л., 1929.

1930

Открытие неолитического Мариупольского могильника Н. Е. Макаренко.

Открытие памятников колхидской культуры эпохи бронзы в Абхазии, М. М. Иващенко.

Начало исследований Термеза в Средней Азии кушанской эпохи, М. Е. Массон (до 1938 г.).

Исследования столицы Парфии Ниса в Туркмении, А. А. Марущенко (до 1936 г., с 1946 г. — ЮТАКЭ М. Е. Массона).

Публ.: W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

В. И. Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры. Известия ГАИМК. 1930. Т. VII, № 3–4.

1931

Дискуссия о природе доклассового общества (ГАИМК).

1932

Дискуссии ГАИМК по ключевым проблемам докапиталистических формаций и методологии археологических исследований («Известия ГАИМК», «Сообщения ГАИМК» и др. издания).

Исследования палеолитической стоянки Пушкари, близ Новгород-Северского, М. Я. Рудинский и П. И. Борисковский (до 1939 г.).

Раскопки неолитической стоянки Вой-Наволоки в Карелии Н. Н. Гуриной (до 1933 г. и в 1938–40 гг.).

Начало работ Боспорской экспедиции В. Ф. Гайдукевича, исследование «малых городов» Боспора античной эпохи.

Начало многолетних работ по археологическому изучению Новгорода под руководством А. В. Арциховского.

Публ.: Сб. «Первобытное общество» (В. И. Равдоникас, П. И. Борисковский, А. М. Золотарев, Б. Б. Пиотровский, И. И. Мещанинов, А. Н. Бернштам, Е. Ю. Кричевский, И. И. Смирнов и др.). Л., 1932.

А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии». Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2.

С. А. Жебелев. Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка). Сообщения ГАИМК. 1932. № 9–10.

В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. Известия ГАИМК. 1932. Т. 12, № 1–8.

1933

Торжественное празднование научного юбилея председателя ГАИМК акад. Н. Я. Марра.

Исследования памятников степных культур Подонья и Предкавказья эпохи бронзы экспедицией М. И. Артамонова (до 1935 г.).

Раскопки городища Орен-Кала (Байлакан) в Азербайджане, И. И. Мещанинов (с 1951 г. — И. М. Джафарзаде, с 1953 г. — А. А. Иессен).

Раскопки болгарского городища Сувар в Поволжье, А. П. Смирнов (до 1937 г.).
Начало археологических работ на строительстве Московского метрополитена: А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов, Т. С. Пассек и др. (до 1934 г.).
Публ.: Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. Известия ГАИМК. Вып. 100. Л., 1933.
М. Г. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

1934

Восстановление исторических факультетов (и кафедр археологии)²⁵ в Московском и Ленинградском университетах.

Начало работ по исследованию палеолитических местонахождений Яштух и др. в Абхазии экспедицией С. Н. Замятнина (до 1936 г.).

Исследование дольменов Абхазии эпохи бронзы, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин (до 1937 г.).

Раскопки трипольского поселения Коломийщина на Днепре, Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский (до 1938 г.).

Раскопки городища Березняки под Рыбинском, дьяковская культура (памятник рассматривался как раннеславянский), П. Н. Третьяков (до 1935 г.).

Раскопки Цимлянского городища хазарской эпохи на Дону.

Раскопки древнерусского Вышгорода: Б. А. Рыбаков, С. А. Тараканова, М. И. Артамонов (до 1936 г.).

Публ.: П. П. Ефименко. Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества. М.; Л., 1934.

Н. Я. Марр. Ани. М.; Л., 1934.

1935

Раскопки Луговского могильника ананьинской культуры раннего железного века Прикамья, А. В. Збруева (до 1940 г.).

Начало раскопок Елизаветинского городища на Кубани античной эпохи, В. А. Городцов (до 1939 г.).

Саяно-Алтайская экспедиция С. В. Киселева, памятники енисейских кыргызов (работы до 1938 г.).

Публ.: А. И. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии Кавказа. Известия ГАИМК. Вып. 120. Л., 1935.

А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. Известия ГАИМК. Вып. 120. Л., 1935.

1936

Исследование палеолитических местонахождений в Ахштырской и Навалишинской пещерах Абхазии экспедицией с. Н. Замятнина (до 1938 г.).

Продолжение исследования Ильской стоянки В. А. Городцовым.

Раскопки курганов медного века (энеолит) Триалети в Грузии, М. М. Иващенко и Б. А. Куфтин (до 1940 г. и в 1947 г.).

---

²⁵ Кафедры археологии появились позднее: в 1936 г. в ЛГУ и в 1939 г. в МГУ.

Исследование памятников кобанской культуры Северного Кавказа, Е. И. Крупнов (до 1940 г.).

Исследование палеолитической стоянки Буреть на Ангаре, А. П. Окладников (до 1940 г.).

Исследование мезолитических памятников Крыма Шан-Коба и Мурзак-Коба С. Н. Бибиковым.

Обследование петроглифов Онежского озера, открытие Залавруги, В. И. Равдоникас; начало раскопок неолитического Оленеостровского могильника (до 1938 г.).

Раскопки энеолитического поселения Шенгавит в Армении, Е. А. Байбуртян (до 1938 г.).

Начало раскопок античной Фанагории, В. Д. Блаватский.

Раскопки средневекового Анберда в Армении, И. А. Орбели.

Начало археологического изучения Семиречья, А. Н. Бернштам.

Экспедиция ИИМК и Мордовского НИИ по изучению памятников средневековой мордвы, Е. И. Горюнова (начало многолетних работ).

Начало работ в Киеве М. К. Каргера (в 1941–1943 гг., с перерывом).

Раскопки древнерусского Владимира, Н. Н. Воронин (до 1937 г.).

Публ.: В. И. Равдоникас. Задачи «Советской археологии» (Передовая). Советская археология. 1937. № 1 (авт. не указан).

По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. Л., 1936.

1937

Преобразование ГАИМК в ИИМК АН СССР.

Раскопки Каменского городища на Днепре скифской эпохи, Б. Н. Граков (до 1940 г. и в 1949–1952 гг.).

Хорезмская экспедиция АН СССР, С. П. Толстов.

Раскопки буддистского монастыря Кара-тепе под Термезом, Е. Г. Пчелина.

Публ.: В. И. Равдоникас. Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза СССР об учебниках по истории. (Передовая). Советская археология. 1937. № 2 (авт. не указан).

1938

Открытие верхнепалеолитической стоянки Островской на р. Чусовой М. В. Талицким (Стоянка Талицкого).

Работы А. П. Окладникова в гроте Тешик-Таш, Узбекистан, палеолитическая стоянка и погребение неандертальского мальчика. Начало обследований Прибайкалья (до 1950 г.).

Начало раскопок свайного неолитического поселения на р. Модлоне в Вологодской обл., А. Я. Брюсов (до 1940 г. и в 1945 г.).

Раскопки хорезмской крепости Джанбас-кала и сасанидских памятников Беркут-кала (до 1939 г.).

Раскопки Болгар и других памятников Волжской Булгарии под руководством А. П. Смирнова (до 1939 г. и сл. годы).

Начало работ Днепровской Левобережной экспедиции И. И. Ляпушкина (ИИМК) по изучению скифских, черняховских и роменско-боршевских памятников (до конца 1950-х годов, с перерывом в 1941–1943 гг.).

Раскопки Десятиной церкви в Киеве, М. К. Каргер (до 1939 г.).

Раскопки экспедиции В. И. Равдоникаса в Старой Ладoge (до 1957 г., с перерывом в 1941–1944 гг.).

Публ.: П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938.

1939

I Всероссийская археологическая конференция в Москве, проект пятилетнего плана археологической работы музеев РСФСР.

Том «История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства», подготовлен коллективом под ред. М. И. Артамонова (директора ИИМК). Первое обобщение археологических материалов; по результатам закрытых обсуждений в Москве и Ленинграде, была издана «на правах рукописи».

Раскопки неолитического поселения Джанбас-кала в низовьях Аму-Дарьи, С. П. Толстов (до 1940 г.).

Раскопки Копенского чаатаса на Енисее, кургана кыргызской знати VII–VIII вв., А. А. Евтюхова и С. В. Киселев (до 1940 г.).

Публ.: В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Ч. 1. Л., 1939. Первый базовый университетский учебник.

1940

Петроглифы Зараут-Сай (Узбекистан) открыты И. Ф. Ламаевым.

Раскопки трипольского поселения Владимировка на Ю. Буге, Т. С. Пассек (и в 1946 г.).

Раскопки Корчеватовского могильника зарубинецкой культуры рубежа нашей эры, И. М. Самойловский (до 1941 г.).

Начало раскопок древнерусского городища Вшиж, Б. А. Рыбаков (1948–1949 гг.).

Публ.: А. В. Арциховский. Введение в археологию (первое издание унифицированного учебника). М., 1940.

К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.

1941

Исследования Немировского городища скифской эпохи на Украине, Г. Д. Смирнов (М. И. Артамонов в 1946–1948 гг.).

Раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде, М. Е. Массон (до 1948 г. — В. А. Шишкин).

Вскрытие гробниц Тамерлана и Тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде (19–21 июня 1941 г.).

Эвакуация ИИМК из Ленинграда в Елабугу и Ташкент (до 1944 г.).

Публ.: Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941 (первая публикация о раскопках В. И. Равдоникаса на Оленеостровском могильнике и др.).

Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. Л., 1941 (сводные публикации по славяно-русской археологии в лесной зоне Восточной Европы, работы П. Н. Третьякова, Н. Н. Черныгина и др.; тираж почти полностью сторел в блокадном Ленинграде).

П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тыс. н. э. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 5. М.; Л., 1941.

1942

Совещание по вопросам архитектуры Средней Азии в Самарканде (22–26 мая 1942 г.).
Публ.: Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.; Л., 1942.
М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Оборона древнерусских городов. Л., 1942.

1943

Возобновление исследования Луговского могильника ананьинской культуры
П. П. Ефименко.

Публ.: Доклады по истории архитектуры в научных учреждениях Москвы
(краткие резюме). Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры. Вып. 3. М.,
1943 (Н. Н. Воронин, Н. М. Брунов, М. В. Алпатов, А. Л. Якобсон и др. по археологиче-
скому изучению античной, византийской, древнерусской архитектуры).

1944

Юбилейное заседание Ташкентской группы ИИМК (18 апреля 1944 г.).

Начало раскопок Рустави в Грузии, М. М. Ивашенко (до 1946 г., в 1949–1951 гг. —
Г. А. Ломтатидзе).

Обследование разрушений Новгорода и других русских городов немецко-фаши-
стскими захватчиками, М. К. Каргер.

Публ.: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

1945

Всесоюзное археологическое совещание в Москве (25 февраля — 2 марта 1945 г.).

Раскопки Неаполя Скифского в Крыму, П. Н. Шульц и А. Н. Карасев (до 1950 г.).

Раскопки стоянки Талицкого О. Н. Бадером (до 1946 г.).

Раскопки неолитического поселения Уэллен на Чукотке, С. И. Руденко.

Раскопки хорезмского городища кушанской эпохи Топрак-кала, Кара-Калпакия,
С. П. Толстов (до 1950 г.).

Возобновление исследований городища Афрасиаб, А. И. Тереножкин (до 1948 г.).

Разведки и раскопки поселений черняховской культуры на Украине, Е. В. Махно
и др. (до 1947 г. и след. годы).

Раскопки Пскова, С. А. Тараканова (до 1949 г.).

Раскопки Старой Рязани, А. Л. Монгайт (до 1950 г.).

Публ.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Ки-
евского государства: сборник. Юбилейная сессия Академии наук СССР 15 июня —
3 июля 1945 г. Т. 2. М.; Л., 1945.

1946

Начало исследования древнейшего палеолитического местонахождения Сата-
ни-Дар в Армении, С. М. Сардарян и М. З. Паничкина (прод. до 1948 г.).

Раскопки античного города Тира на Буге, Л. Д. Дмитров.

Обследование комплекса городищ Джетыясар в Казахстане Хорезмской экспеди-
цией (раскопки 1946, 1949, 1951 гг.).

Исследования согдийских памятников Бактрии М. М. Дьяконовым (до 1948 г.,
1950 г.).

Курганы вятичей у д. Беседы под Москвой, раскопки А. В. Арциховского.

Возобновление исследования салтово-маяцкой культуры С. А. Семеновым-Зусером. Раскопки в Чернигове (Б. А. Рыбаков (до 1947 г. в 1949–1951 гг. — В. А. Богусевич). Начало систематического археологического изучения Москвы, Б. А. Рыбаков и М. Г. Рабинович.

Публ.: Краткие сообщения ИИМК. 1946. Вып. 13. Обзор археологических работ за годы войны и проблематики историко-археологических исследований (А. Н. Бернштам, Е. Ю. Кричевский и др.).

1947

Возобновление раскопок курганов Пазырыка, С. И. Руденко (до 1950 г.)
Начало многолетних исследований Пенджикента в Согдиане, А. М. Беленицкий.
Публ.: В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Ч. 2. Л., 1947. Базовый учебник, завершивший обзор первобытной эпохи по археологическим данным.
В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.

1948

Раскопки неолитической Сунской стоянки в Карелии, А. Я. Брюсов.
Исследование неолитических памятников Кольского полуострова Н. Н. Гуриной (до 1951 г.).
Публ.: Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948;
История культуры Древней Руси. В 2 т. Под ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. М.; Л., 1948–1958.
П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948.
С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

1949

Начало многолетних работ Л. В. Ванкиной на неолитическом поселении Сарнате в Латвии.
Раскопки знеолитического поселения Анау в Туркмении ЮТАКЭ М. Е. Массона (до 1958 г.).
Открытие и исследование чернолесской культуры предскифского времени в степной зоне Европейской части СССР, А. И. Тереножкин (до 1950 г.).
Раскопки Иволгинского городища гуннского времени на Селенге, В. П. Шилов (до 1950 г.).
Начало многолетних раскопок урартской крепости Тейшебаини (Кармир-Блур в Армении), Б. Б. Пиотровский (с перерывом, до 1950 г.).
Возобновление исследований Гнездовского могильника древнерусской эпохи, Д. А. Авдусин (до 1970-х годов).
Раскопки хазарской крепости Саркел Волго-Донской экспедицией М. И. Артамонова (до 1951 г.).
Начало раскопок древнерусского Белоозера, Л. А. Голубева.
Публ.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
Т. Н. Книпович. Танаис. М.; Л., 1949.

1950

И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Правда. 20 июня, 1950.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.*

Вторая половина XX столетия для отечественной археологии стала периодом динамичного развития, в ходе которого догматическое «социологизаторство» 1930-х годов было преодолено и сменилось становлением широкого «спектра парадигм», адекватных современному состоянию мировой науки. Именно в это время произошел важный переход от экстенсивного развития дисциплины к интенсивному, освоения новых регионов и хронологических горизонтов проблематики к ее структурному усложнению и развертыванию. С другой стороны, этот процесс сопровождался переходом от «моноцентричной» (в советской археологии — практически «биполярной», при наличии «московской» и «ленинградской» столичных школ) к полицентричной организации археологической науки, становлением и подъемом национальных и региональных научных центров.

Динамику этого развития достаточно сложно распределить по годам (с 1950-го по 1999-й), обзор же в рамках полустолетия целесообразно построить по десятилетиям, примерно соответствующим происходившей смене поколений исследователей.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. резко сократила, но не прервала археологической деятельности, и, напротив, обострив, ускорила кризис «теории стадиальности»; уже в предвоенные годы в этногенетических исследованиях ее фактически перестали применять, а статья Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» 1950 г. упразднила «марровское учение о языке», которое служило теоретическим основанием для «стадиалистов», претендовавших на монополию марксистской методологии в археологических исследованиях. 1951–1952-е годы ритуального «отречения» от марризма предварили конец сталинской эпохи в 1953 г. Первая половина пятидесятых проходила

---

* Почти законченная статья сохранилась в личном архиве Г.С. Лебедева и предоставлена для печати В.А. Витязевой-Лебедевой. Текст воспроизводится с сохранением авторского стиля, исправлены только некоторые явные опечатки.

в обстановке «очищения», организационно и психологически подготовившей советскую археологию к 1956 г., решениям XX съезда КПСС, принципиальному осуждению сталинизма.

Кризис теории преодолевался подъемом эмпирических исследований, особенно в союзных республиках (после репрессивного удара к общесоюзной адаптировалась национальная археология стран Прибалтики, с 1940 по 1991 г. входивших в состав Советского Союза). Послевоенное восстановление сопровождалось развертыванием археологических экспедиций на крупнейших стройках СССР (Волго-Донская, Сталинградская, Куйбышевская, Камская и другие экспедиции), завершались предвоенные обобщения по палеолиту (с возобновлением работ в центральном из российских местонахождений, Костенках), неолиту, обогащенному открытием Оленеостровского могильника, периодизации энеолитической культуры Триполья, культур Закавказья, Анау в Средней Азии, курганов Триалети эпохи бронзы в Грузии, раскопки Каменского городища на Днепре и алтайских курганов (Пазырык, Бадахшан) скифской культуры железного века. Возобновление раскопок античных полисов Причерноморья — Ольвии, Херсонеса, Пантикапеи дополнило открытие парфянской столицы Ниса в Туркмении, начались систематичные раскопки раннесредневековых городов «доисламских цивилизаций» Средней Азии, Поволжья и Предкавказья — согдийского Пенджикента и хазарского Саркела.

Славяно-русская археология отмечена находкой первой берестяной грамоты Новгорода (1951) и началом раскопок сплошной площадью Новотроицкого городища роменско-боршевской культуры VIII–X вв. на Днепровском Левобережье. В исследовании славянского этногенеза наиболее политизированными стали вопросы этнической истории страны, идеологически-репрессивный характер приняли дискуссии о роли гуннов и хазар («обсуждение» работ А. Н. Бернштама и М. И. Артамонова в 1951 г.). Десятилетие завершается изданием первого тома библиографии «Советская археологическая литература (1941–1957 гг.)», началась многолетняя работа редакционного коллектива, организованного Б. Б. Пиотровским, М. А. Тихановой, Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровской, Р. Ш. Левиной; однако даже для этих, весьма квалифицированных сил подготовка полноценного тома по предвоенной литературе стала возможной только после реабилитации репрессированных исследователей, состоявшейся в 1957 г.

Послевоенное поколение археологов сформировали ученые первой советской генерации: М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, В. И. Равдоникас, П. Н. Третьяков (слависты), О. Н. Бадер, П. И. Борисковский, П. П. Ефименко, С. Н. Замятин, А. П. Окладников (палеолит), Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, Б. А. Рыбаков (Древняя Русь), В. Ф. Гайдукевич (античность), А. Л. Якобсон (византиноведение, Херсонес), М. П. Грязнов, С. И. Руденко, С. В. Киселев (скифо-сибирская археология), Е. И. Крупнов (кавказоведение), Т. С. Пассек, А. И. Тереножкин (энеолит и бронза Европейской части СССР), С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский (среднеазиатская археология) и др. Начинали

свою научную деятельность Д. Б. Шелов, А. А. Формозов, В. В. Седов, А. Л. Монгайт, Н. Я. Мерперт, И. И. Ляпушкин, А. В. Давыдова, Ф. Д. Гуревич, В. Д. Блаватский, Д. А. Авдусин и др.

Важнейшие достижения советской археологии были суммированы в обобщающих трудах по мировой и отечественной истории в середине 1950-х¹. В 1955 г. в Москве состоялась I Всесоюзная студенческая конференция по археологии, открывавшая пути нового поколения исследователей. В серии инструкций унифицируется методика раскопок, с «Очерков истории исторической науки в СССР» начинается разработка историографической тематики, в первой половине 1950-х обновлены программы преподавания археологии и истории первобытного общества (работы А. В. Арциховского, Д. А. Авдусина, Т. Д. Белановской, А. Д. Столяра и др.). Применение методов естественных наук и смежных дисциплин наиболее ярко представлено в палеоантропологии М. М. Герасимова и трасологических исследованиях С. А. Семенова, заслуживших в эти годы мировое признание.

Серия теоретико-методологических дискуссий проходит во второй половине 1950-х: по проблемам антропогенеза, миграциям и диффузиям, этнической природе культур, общим проблемам первобытности (выступления и публикации Б. Ф. Поршнева, Ю. И. Семенова, А. Я. Брюсова, Н. Я. Мерперта, А. И. Першица и др.). Черняховское совещание 1957 г. вернуло историческую науку к обсуждению и разработке «готской проблемы» (М. И. Артамонов, М. А. Тиханова), выдвигается задача создания «Свода археологических источников» (Б. А. Рыбаков), предмет и задачи науки и ее место в культуре доступно и ярко освещены в популярной книге А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта «Что такое археология» (1957). Советская археология выходит на международные конгрессы и конференции.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Годы прорыва СССР в космос (ключевые события — 4 октября 1959 г. и 11 апреля 1961 г.), время технологической революции, включения отечественной науки, в значительной мере освобождающейся от идеологических догм, в мировой контекст научно-технического прогресса. В археологии это время отмечено резким обновлением и расширением действующего состава научного сообщества, в новом поколении — много национальных имен интеллигенции союзных республик, начинается формирование местных научных школ и центров. По числу публикаций лидирует именно эта генерация, во многих случаях осваивающая новые региональные и тематические разделы археологии: Алексеев В. П. (палеоантропология), Бадер О. Н. (палеолит Волго-Окского

---

¹ Всемирная история в 10 томах. Т. 1–3 / гл. ред. Е. М. Жуков М.: Гос. изд-во полит. лит.; Изд-во соц.-экон. лит. «Мысль», 1955–1965; Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В 2 ч. Ч. 1. М., 1953.

междуречья), Баран В. Д. (ранние славяне Прикарпатья), Башилов В. А., Бибиков С. Н., Блаватский В. Д., Брайчевский М. Ю., Брашинский И. Б., Буров Г. М. (Коми АССР), Вагнер Г. К. (древнерусская архитектура), Вайнштейн С. И. (тюркология), Виноградов А. В. (открытие кельтеминарской среднеазиатской мезолитической культуры), Виноградов В. Б. (северокавказская археология), Винокур И. С., Генинг В. Ф., Гохман И. И., Граудонис Я. Я., Григорьев Г. П., Гумилев Л. Н. (серия «этногенез и биосфера»), Грязнов М. П., Гурина Н. Н., Дебец Г. Ф., Долуханов П. М. (палеоэкология), Доманский Я. В., Дьяконов И. М. (древневосточные цивилизации), Заднепровский Ю. А., Златковская Т. Д. (крито-микенская античность), Клейн Л. С., Кляшторный С. Г. (тюркология), Кнорозов Ю. В. (мезоамериканские цивилизации, письменность майя), Кошеленко Г. А., Краснов Ю. А., Крупнов Е. И., Кулискаусы П. З. и О. К. (супруги, Литва), Ларичев В. Е. (палеолит Сибири), Кызласов Л. Р. (Тува), Лунин Б. В. (среднеазиатская археология довоенного ТКЛА), Мандельштам А. М. (Тува-Хакасия), Марковин В. И., Массон В. М., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. (юг СССР), Окладников А. П. (новосибирский научный центр), Пидопличко И. Г. (палеолит Украины), Пиотровский Б. Б., Пугаченкова Г. А., Савватеев Ю. А. (петроглифы Карелии), Смирнов К. Ф., Тимощук Б. А., Титов В. С. (радиоуглеродные датировки неолитических памятников), Третьяков П. Н., Уртан В. А. (железный век Латвии), Урысон М. И. (антропогенез), Федоров-Давыдов Г. А., Формозов А. А. (палеолитическое искусство, история отечественной археологии), Халиков А. К. (Татарская АССР), Хлобыстин Л. П., Черных Е. Н. (палеометаллография), Шелов Д. Б., Шер Я. А. (математические методы), Шноре Э. Д. (неолит Прибалтики), Шовкопляс И. Г., Щапова Ю. Л. (спектральный анализ стеклоделия), Щепинский А. А., Яблонските-Римантене Р. К. (Литва), Якобсон А. Л., Янин В. Л. Определяется новая структура науки, в ее развертывании объединены экстенсификация — освоение новых регионов Евразии, расширение хронологических горизонтов, и интенсификация — углубление проблематики, дробление дисциплин и субдисциплин, специализация, применение новых методов, установление междисциплинарных связей.

Формируются новые направления исследований: палеоантропология, палеоботаника, палеозоология, палеогеография (экология), подводная археология; заполняются специалистами традиционные субдисциплины, заброшенные в предшествующих десятилетиях: геральдика, метрология, нумизматика (общие вопросы, античная, византийская, исламская, западноевропейская, русская), сфрагистика, эпиграфика (по тем же разделам), появляются специальные работы по истории хозяйства и техники (общие вопросы, виноделие, водоснабжение и ирригация, военное дело, горное дело, земледелие, керамическое производство, кожевенное производство, металлургия и металлообработка, обработка дерева, кости, охота, рыболовство, скотоводство, средства передвижения и пути сообщения, стеклоделие, строительная техника, ткачество, торговля и обмен), глиптике, торевтике, ювелирному искусству.

Спектр общих вопросов включает проблематику духовной культуры, вопросы происхождения религии и искусства, методы исследования этногенеза, начинается дискуссия о понятии «археологическая культура», конкретно-исторической проблематике, от антропогенеза (Ю. И. Семенов, Б. Ф. Поршнев) до «норманской теории» происхождения Руси (И. П. Шаскольский, Л. С. Клейн). Методика и техника археологических работ включает подводные исследования, применение естественно-научных методов (дендрохронология, радиоуглерод, археомагнетизм для датировок), опыты применения кибернетики в работе с массовым материалом (ГИМ, Москва).

Организационную структуру советской археологии возглавляет Институт археологии АН СССР (директор с 1957 по 1986 г. — акад. Б. А. Рыбаков). Советская археология выступает организатором международных конгрессов в социалистических странах: I Международный конгресс славянской археологии (Варшава, 1965), Конгресс по истории и археологии Великоморавского государства IX века (Брно — Нитра, 1963), Балканский конгресс (София, 1966), VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 1964), Учредительный конгресс ИКОМОС ЮНЕСКО (Варшава — Краков, 1965). Всесоюзные конгрессы, конференции и совещания посвящены методам естественных и точных наук в археологии, региональные конференции — тематического характера (от этногенеза марийцев, осетин, туркмен до конференций скандинавистов с центром в Тарту). Появляются стационарные археологические экспозиции (Эрмитаж), разрабатываются проекты этнопарков (Г. В. Пионтек, И. В. Маковецкий, Б. В. Гнедовский), издаются популярные книги и статьи по археологии (А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт, Л. С. Клейн, В. Л. Янин).

Формируется структура периодических и продолжающихся изданий: наряду с журналом «Советская археология» (СА) и серией «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) ежегодник «Археологические открытия» (АО), серии «Археология СССР. Свод археологических источников» (САИ), «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА), региональные археологические издания — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (АСГЭ, Ленинград), «Археологія» (Киев), *Archeologija un etnografija* (Рига), «Проблемы археологии» (ЛГУ, Ленинград), «Вопросы археологии» (древней истории и т. п.) Западной Сибири (Урала, Марийской АССР), «Древности Белоруссии», «Древности Чечено-Ингушетии» и др.

В проблематике на первый план выдвигается междисциплинарное исследование экологических факторов этногенеза, взаимодействие археологии с палеоантропологией, этнографией, лингвистикой (труды Л. Н. Гумилева, П. М. Долуханова, на основе возвращаемых науке работ Н. И. Вавилова, публикации М. Ф. Нестурха, М. И. Урысона, М. О. Косвена, С. А. Токарева, В. И. Абаева, И. М. Дьяконова, Т. В. Гамкрелидзе, О. Н. Трубочева, В. В. Седова и др.), рассматривающие спектр вопросов антропогенеза, формирования индоевропейской общности, происхождения славян. Одновременно начина-

ется целенаправленная работа по систематизации собственно археологического материала: издано до трех десятков выпусков САИ, сводный обзор палеолита и неолита (МИА, вып. 131), бронзового века (МИА, вып. 130). Региональные исследования сосредоточены на проблематике палеолита, неолита, эпохи бронзы Европейской части СССР, изучении зарубинецкой, черняховской и «городищенских культур» раннего железного века, синхронизации этих древностей со средне и североевропейскими (в связи с «готской проблемой» в славянском этногенезе), в античной археологии разворачивается изучение сельской округи (хоры) и «малых полисов», скифо-сарматской — поиски истоков скифской культуры, средневековой — проблем взаимодействия славян, балтов, финно-угров (работы М. И. Артамонова, П. Н. Третьякова, И. И. Ляпушкина, В. В. Седова), обсуждение «варяжского вопроса» (А. В. Арциховский, Д. А. Авдусин, Б. А. Рыбаков), расширяется проблематика ранней истории неславянских народов (Хазария в исследованиях М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева, А. В. Гадло), древнейших цивилизаций Средней Азии (В. М. Массон), кочевнических культур Сибири скифского, гуннского, тюрко-монгольского времени (М. П. Грязнов, А. Д. Грач, А. М. Мандельштам, Л. Р. Кызласов). Появляются обзоры современного состояния зарубежной археологии Европы, Африки, Азии, Америки («Археология Старого и Нового Света», 1966), осуществлена советско-египетская экспедиция, пополнившая фонды и экспозицию Эрмитажа (Б. Б. Пиотровский). В конце десятилетия (с 1966 г.) разворачивается деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). На кафедре археологии ЛГУ начинается работа Проблемного семинара Л. С. Клейна (с 1964 г., 22 декабря 1965 г. — «норманская дискуссия» на истфаке ЛГУ).

«Варяжская» и «готская» проблемы возвращаются в отечественную науку дискуссиями формирующихся научных школ (М. И. Артамонов, М. А. Тиханова и их ученики в Ленинграде, оппоненты в Москве — Б. А. Рыбаков, Д. А. Авдусин, Э. А. Сымонович, и Киеве — Е. В. Махно, М. Ю. Брайчевский). В проблеме славянского этногенеза определяются альтернативные позиции раннего автохтонизма в средневропейских культурах эпохи раннего железа (поморской и производных «полей погребений», зарубинецкой или черняховской) — П. Н. Третьяков, В. В. Седов, и позднего восточноевропейского генезиса на основе корчакско-пражской культуры середины I тыс. н. э., видимо, производной от «городищенских» культур раннего железного века лесной зоны Восточной Европы — М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, Ю. В. Кухаренко; ср. Й. Вернер (ФРГ) (статья в «Советской археологии», 1972, № 4). Восстанавливается объективная оценка дореволюционной археологии, славяно-русской школы А. А. Спицына (И. И. Ляпушкин, МИА, вып. 152, 1968) и основоположника организации российской археологической науки А. С. Уварова (А. А. Формозов, 1961).

СЕМИДЕСЯТЫЕ

Переход от экстенсивного развертывания организации и проблематики к этапу интенсивного развития научных школ, направлений, дифференцирующихся субдисциплин, поиску и созданию интегративных обобщений и теоретической парадигмы. Количество публикаций достигает 3000 ежегодно, структура проблематики стабилизируется в стройную иерархию уровней, направлений и тем от общих парадигмалогических и организационных оснований науки к регионально-хронологической группировке конкретных археологических исследований, с ежегодным мониторингом результатов работы действующих полевых экспедиций (АО с публикациями до 500 авторских отчетов за год). В 1976 г. был принят Закон СССР, а на следующий год — соответствующие республиканские законы об охране памятников истории и культуры, обеспечившие нормативную базу инвентаризации и государственной охраны археологического наследия страны. Началась систематичная работа по научной паспортизации памятников археологии, активная деятельность государственных органов охраны памятников истории и культуры.

Теория и методы становятся самостоятельным и лидирующим направлением археологической проблематики. После серии дискуссий по проблемам определения ключевых понятий «археологическая культура», «тип», «предмет и объект археологии» (1970, 1974, 1979) обсуждается, разрабатывается и стабилизируется процедура корректного исследования проблемы смены археологических культур (Л. С. Клейн, В. С. Бочкарев, Ю. А. Захарук, В. Ф. Генинг), впервые в мировой науке определяется специфика содержания, структура и способы исследования «археологических источников»². Методы анализа этих источников становятся самостоятельным предметом научного исследования³. Рецензируются и реферируются зарубежные теоретические труды (Д. Кларк, Л. Бинфорд, Р. Хахманн, Ф. Борд, обзоры Г. А. Федорова-Давыдова, В. М. Массона, Л. С. Клейна и др.), отечественные разработки выполняются на мировом уровне и приобретают международное признание. Российская археология регулярно представлена на международных конгрессах и конференциях (в среднем до шести в год), Всесоюзные тематические конференции (пять-шесть ежегодно) проходят с участием зарубежных ученых, осуществляется обмен выставками и научными изданиями.

Лидирование по числу публикаций сравнительно равномерно распределяется между представителями разных научных поколений: Алексеев В. П., Артеменко И. И., Арутюнов С. А., Бадер О. Н., Борисковский П. И., Брашинский И. Б., Виноградов В. Б., Волкайте-Кулискаускене Р. К., Генинг В. Ф., Грязнов М. П., Гуляев В. И., Григорьев Г. П., Гуревич Ф. Д., Гурина Н. Н., Деопик Д. В.,

---

² Клейн Л. С. Археологические источники: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

³ Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. (Возможности формализованного подхода.) М.: Наука, 1975.

Диков Н. Н., Дубов И. В., Дэвлет М. А., Ермолова Н. М., Кирпичников А. Н., Клейн Л. С., Ларичев В. Е., Лебедев Г. С., Массон В. М., Маршак Б. И., Матюшин Г. Н., Малевская М. В., Медведев Г. И., Мерперт Н. Я., Микляев А. М., Окладников А. П., Ранов В. А., Рогачев А. Н., Рыбаков Б. А., Савинов Д. Г., Седов В. В., Селиранд Ю. А., Телегин Д. Я., Федоров-Давыдов Г. А., Хазанов А. М., Халиков А. Х., Шер Я. А., Шукин М. Б., Янин В. Л. Общие вопросы археологии разрабатываются во взаимосвязи с другими разделами исторической науки, так В. Т. Пашуто выдвинул реализованное в дальнейшем предложение о создании Корпуса письменных зарубежных и иноязычных источников по отечественной истории с древнейших времен. Теория и методы развиваются как на основе традиционного понятийного аппарата и инструментария археологии, в том числе методики полевых исследований (М. П. Грязнов), так и с вовлечением и адаптацией методов естественных наук (Б. А. Колчин и его школа). В методах анализа археологических источников дифференцируются дескриптивный, статистико-комбинаторный (И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер, В. Ф. Генинг, В. Д. Викторова, В. Б. Ковалевская) и технологический подходы (А. А. Бобринский, Г. Ф. Коробкова, Г. Н. Матюшин, Е. Н. Черных, В. Е. Щелинский); критике источников, качеству источниковедения, объективности археологических исследований посвящен ряд публикаций А. А. Формозова, Д. А. Мачинского. Методам исторической реконструкции, «археологической версии» исторического процесса, археологическим критериям исследования миграций, этнических взаимодействий, социальных структур и процессов посвящены исследования В. А. Алекшина, А. Н. Бибикина, А. Д. Грача, Г. П. Григорьева, Л. С. Клейна, Г. С. Лебедева, В. А. Массона, Д. А. Мачинского, В. Я. Петрухина, Г. Н. Хлобыстина, А. Н. Щеглова, М. Б. Шукина и др.

Общие вопросы ранних этапов истории человечества обсуждаются в ходе дискуссий по концепции генезиса первобытного искусства, предложенной А. Д. Столяром («натуральный макет» в первобытном творчестве неандертальца), теорий древнейшей хозяйственно-культурной дифференциации в работах Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова, «генераторов народов» во взаимодействии биосферы и этногенеза, по вариантам, предложенным Л. С. Клейном или Л. Н. Гумилевым. Проблематика «городской революции» в ходе становления цивилизации на основе модификации концепций Г. Чайльда, Д. Ренфру и других зарубежных археологов разрабатывается на среднеазиатском, равно как и на мезоамериканском материалах в трудах В. М. Массона, В. А. Гуляева, а для древнерусской эпохи в структурно-типологических построениях А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто, Я. Н. Шапова, со сравнительно-историческим анализом северо- и средневропейских материалов — В. А. Булкин, Г. С. Лебедев, А. В. Куза, Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин, Б. А. Тимощук и др. Социологические построения дополняются привлечением археологических данных в разработку структурной типологии семантики — В. А. Иванов, В. Н. Топоров, в том числе с конкретными реконструкциями семантических структур, прежде всего для скифской культуры в исследованиях Д. С. Раевского. Наиболее существенные

итоги исследования первобытности суммированы в университетских учебниках, а затем и сводных монографиях по истории первобытного общества, соавторской группы А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев и др. Одновременно издан фундаментальный двухтомный обзор современного состояния археологии Западной Европы (А. Л. Монгайт). Мировая археология представлена выставками «Сокровища гробницы Тутанхамона», «Золото Америки», «Сокровища викингов» в музеях Москвы и Государственном Эрмитаже, Советский Союз представляет за рубежом экспозицию «Золото скифов».

Существенно обновляются программы и учебные пособия по археологии, истории первобытного общества, этнографии (Д. А. Авдусин, Р. Ф. Итс, Л. С. Клейн, А. И. Мартынов, В. Л. Янин). Кафедры археологии начинают действовать в ряде университетов страны (Сыктывкар, Архангельск, Свердловск, Воронеж, Кемерово, Новосибирск, Иркутск, Томск и др., наряду с университетами в Киеве, Одессе, Симферополе, Минске и других столицах союзных республик).

Обобщающие труды по археологии СССР охватывают весь диапазон первобытности, причем одновременно с обобщением материалов по палеолиту СССР подготовлен двухтомный сводный труд «Палеолит мира» под ред. П. И. Борисковского (1977, 1978). Сводные труды по каменному и бронзовому веку охватывают Европейскую часть России (З. А. Абрамова, М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, О. Н. Бадер с полной публикацией палеолитического погребений в Сунгире, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, Н. Н. Гурина, В. Н. Гладилин, П. М. Долуханов), обширные новые данные выявляются и публикуются по археологии каменного века Европейского Севера и Северо-Запада (Н. Н. Гурина, А. П. Журавлев, М. П. Зимица, А. М. Микляев, Г. А. Панкрушев, Ю. А. Савватеев, А. Д. Столяр, В. С. Титов, Ю. Н. Урбан, В. Я. Шумкин, Л. Ю. Янитс), разворачивается изучение каменного века на Урале (Г. Н. Матюшин), исследования центральных и западных районов страны ведут И. И. Артеменко, Г. М. Буров, Д. А. Крайнов и Н. А. Хотинский, А. В. Никитин, А. Д. Пряхин, М. М. Чернявский. В южных районах хронологические горизонты эпохи камня и бронзы исследуют С. Н. Бибиков, Т. Д. Белановская, В. А. Дергачев, В. И. Маркевич, Н. А. Николаева, А. Н. Румянцев, В. А. Сафронов, И. К. Свешников, Д. Я. Телегин и др., Л. С. Клейн, Э. А. Грантовский и Г. М. Бонгард-Левин обосновывают идентификацию с индоиранцами и индоариями «триады» степных культур эпохи бронзы (ямная, катакомбная, срубная), намечая трассы древнейших индоевропейских миграций из Восточной Европы в Азию. Центральным событием скифо-сибирской археологии становятся раскопки М. П. Грязновым кургана Аржан на р. Уюк в Туве, древнейшего из известных «царских курганов» Евразийской Скифии (VIII — первая половина VII в. до н. э.).

Памятники эпохи железа лесной зоны Восточной Европы интенсивно исследуются на Северо-Западе, где лидируют археологи Прибалтики Я. Я. Граудонис, В. А. Лыугас, Т. Х. Моора, М. М. Михельбертас; растущим признанием пользуется предложенная в предыдущих десятилетиях акад. Х. А. Моора иден-

тификация ряда культур лесной зоны с балтским этническим массивом (при финно-угорской принадлежности культур севернее рек Западной Двины — Оки): в Белоруссии и Днепро-Двинском междуречье эти «городищенские» культуры исследуются в связи с проблемой балто-славянской языковой общности и ранних этапов славянского этногенеза (А. Г. Митрофанов, Л. В. Поболь, Е. А. Шмидт) или древнейших балто-финно-угорских взаимодействий (дяковская культура в исследованиях Р. Л. и И. Г. Розенфельдтов, К. А. Смирнова). Городищенские культуры и сарматские (савроматские) древности Поволжья и Приуралья изучают К. Ф. Смирнов, В. С. Патрушев, А. Х. Халиков. Древности европейских скифов на современном этапе исследования обобщены в работах В. А. Ильинской, реконструкции духовной культуры, мифо-эпического фонда скифо-сакских племен предлагает Д. С. Раевский.

Железный век южных областей Европейской части страны исследуется в аспекте зарубинецко-черняховской проблематики взаимодействия средневропейских (готской и других германских) культур «полей погребений» с автохтонами Восточной Европы, славяно-балтскими, фракийскими, скифо-сарматскими племенами (Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинский, К. В. Каспарова, М. Б. Шукин, Е. В. Максимов, О. Н. Мельниковская, Б. А. Раев, Г. И. Смирнова и др.). Выявление древностей «третьей четверти I тысячелетия», ключевых для проблемы славянского этногенеза, начинает в Днепровском Левобережье Е. А. Горюнов.

Античное Причерноморье привлекает активные силы нового поколения археологов: Е. М. Алексеева, В. А. Анохин, Т. М. Арсеньева, Г. Д. Белов, В. Д. Блаватский, И. Б. Брашинский, Ю. Г. Виноградов, Л. К. Галанина, А. Г. Герцен, К. В. Голенко, К. С. Горбунова, Н. Л. Грач, О. Д. Дашевская, Ю. М. Десятчиков, Я. В. Доманский, И. П. Засецкая, В. И. Кадеев, А. Н. Карасев, П. О. Карышковский, М. М. Кобылина, Л. В. Копейкина, И. Т. Кругликова, В. В. Лапин, Е. И. Леви, И. Д. Марченко, К. К. Марченко, Э. Я. Николаева, Н. А. Онайко, Б. Г. Петерс, А. С. Русяева, Н. И. Сокольский, О. Н. Усачева, Н. А. Фролова, А. И. Фурманская, Г. А. Цветаева, Д. Б. Шелов, Ф. В. Шелов-Ковердяев, И. Г. Шургая, А. Н. Щеглов, И. В. Яценко наряду с центральными полисами и некрополями систематично исследуют Нимфей, Горгиппию, Гермонассу, Кепы, Патрей, Тирамбу, Семибратнее городище, Кучугуры, Торик, древнейшее поселение на о. Березань и усадьбы «хоры» крупнейших полисов, формируя глубоко детализированную картину исторической географии эллинского Понта.

Древняя Русь и в целом эпоха Средневековья в археологическом аспекте изучается прежде всего по материалам исследования ведущих древнерусских городов. Новгородская экспедиция А. В. Арциховского — В. Л. Янина, приближаясь к пятому десятилетию непрерывной деятельности, становится, по существу, стационарным и авторитетным научным учреждением, объединяя наиболее продуктивные силы московской и новгородской школы археологов, историков архитектуры, реставраторов: Г. А. Авдусина, М. Х. Алешковский, А. А. Бобринский, В. И. Борковский, В. А. Буров, П. Г. Гайдуков, А. П. и В. Б. Гре-

ковы, В. П. Даркевич, Б. Д. Ершевский, П. И. Засурцев, Б. А. Колчин, В. Я. Конечный, А. В. Куза, И. И. Кушнир, Н. К. Лисицына, А. Ф. Медведев, Г. Т. Нарышкин, С. Н. Орлов, В. А. Поветкин, М. Д. Полубояринова, Н. Г. Порфиридов, Е. А. Рыбина, Г. П. Смирнова, А. С. Хорошев, Н. Б. Черных, Г. М. Штендер, Ю. Л. Щапова и многие другие. В исследовании новгородской архитектуры продолжают участвовать ленинградские ученые М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, В. А. Булкин, с 1975 г. Е. Н. Носов начинает цикл раскопок Рюрикова городища. Новгород — основа дендрохронологической шкалы точных датировок средневековых памятников Восточной Европы, полигон отработки методов исследования древних технологий (от стеклоделия до гончарства), источниковая база древнерусской сфрагистики, палеографии и текстологии берестяных грамот, выделяющихся в особую дисциплину — «берестологию» (базирующуюся на корпусе, превысившем 700 находок). Новгородская археология стала основой «комплексного источниковедения», парадигмы междисциплинарного взаимодействия «исторической археологии», монографически обобщенной В. Л. Яниным (1978). По образцу раскопок Новгорода организуется исследование древнего Смоленска (Д. А. Авдусин), возобновляются начатые в 1950-х годах. Г. П. Гроздиловым работы во Пскове и его окрестностях (Изборск, Камно) раскопками И. К. Лабутиной, В. Д. Белецкого и С. В. Белецкого, К. М. Плоткина, В. В. Седова, в следующем десятилетии объединенные в Псковскую археологическую экспедицию. Работы в Суздале и других городах Владимирской земли ведут М. В. Седова, В. П. Глазов, А. Е. Леонтьев, И. В. Дубов. Возобновляется археологическое изучение Старой Ладogi (1968 г. — раскопки Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан на могильнике «Плакун», с 1970 г. — регулярные работы В. П. Петренко, В. А. Назаренко, с 1972 г. — Е. А. Рябинин, А. Н. Кирпичников, возглавивший организованную с этого года Староладожскую экспедицию ЛОИА / ИИМК, непрерывно действующую до конца столетия).

Генезис древнерусского города становится одной из центральных проблем славяно-русской археологии. После раскопок И. И. Ляпушкина на Гнездовском поселении под Смоленском (1967–1968 гг.) и возобновившейся дискуссии о «переносе городов» (Д. А. Авдусин, В. А. Булкин, И. В. Дубов, И. Я. Фроянов, Л. В. Алексеев, А. В. Куза и др.) появляется возможность сопоставления ранних фаз процессов урбанизации в Восточной и Северной Европе (В. А. Булкин, Г. С. Лебедев, 1974; затем рецензирование материалов симпозиума по раннему городу Северной Европы 1974 г. в Гёттингене, ФРГ). Определяется необходимость планомерного и углубленного изучения аграрного, предгородского и раннегородского расселения основных регионов Древней Руси. На Северо-Западе эти исследования начинаются с планомерных работ Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ (СЗАЭ), организованных университетом совместно с ВООПИК и Музеем истории Ленинграда (Г. С. Лебедев, 1970–1979 гг., работы в Верхнем Полужье; с 1978 г. — Н. И. Платонова) и затем развернутых в ряде самостоятельных экспедиций и отрядов ЛОИА АН СССР (В. А. Назаренко, с 1971 г. — Приладожье; В. П. Петренко —

Старая Ладога и Нижнее Поволжье; Е. А. Рябинин с 1972 г. — Ижорское плато и Старая Ладога, Е. Н. Носов с 1973 г. — Старая Ладога; бассейны Волхова и Мсты, Приильменье, Рюриково городище; В. А. Кольчатов с 1975 г. — Ижорское плато, Южное Приладожье. С 1973 г. И. В. Дубов (ЛГУ) — открытия клада арабского серебра IX в., начало исследований в Тимерёво и других памятниках Ярославского Поволжья, В. А. Лапшин — обследование Владимирских курганов, К. М. Плоткин — изучение окрестности Пскова (городище Камно, погост Лыбуты и др.), в 1950-х годах В. М. Горюнова — раскопки «Городка» (Великие Луки) в продолжение исследований безвременно скончавшейся Я. В. Станкевич.

Экспедиции А. Н. Кирпичникова (ЛОИА) в те же годы проводят исследования каменных пограничных крепостей Северо-Западной России (Орешек, Копорье, Корела, Ямгород, Порхов и др.). Объединение этой проблематики с изучением крепости, культурного слоя и погребальных памятников Старой Ладоги и создание в 1974 г. «сектора славяно-финской археологии» ЛОИА во взаимодействии с университетом позволяют в серии конференций и семинаров обобщить материалы по археологии Северной Руси («Верхняя Русь» по терминологии, предложенной В. Т. Пашуто в 1970 г.). Обзорные статьи, обычно издаваемые группой авторов (А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко), как и монографические публикации и тематические сборники по этой тематике, объединяют проблематику Северной Руси с «варяжской проблемой» русско-скандинавских отношений IX–XI вв. (Scando-Slavica, 1978; «Тезисы докладов скандинавских конференций», 1976; 1979; «Скандинавский сборник», 1977 и др.). Норманская проблема по археологическим данным активно обсуждалась на VI Всесоюзной конференции скандинавистов в Таллине 1973 г. (Д. А. Авдусин, А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин и др.), где определилась стратегия исследований, осуществленная в следующих десятилетиях.

Проблема славянского этногенеза обсуждается столь же остро на Международных конгрессах славянской археологии (Берлин, 1970; Братислава, 1975), Всесоюзных конференциях, научных совещаниях, симпозиумах, в периодике. Обобщающие монографии В. В. Седова стимулируют дискуссии и поиск «достоверно славянских памятников», возможно, более раннего времени, выделение и атрибуцию культур середины — первой четверти I тыс. н. э.: корчакской, пеньковской, колочинской (V–VII вв.), — в исследованиях В. Д. Барана, Е. А. Горюнова, И. П. Русановой, О. В. Сухобокова, Б. А. Тимощука, П. И. Хавлюка и других археологов России, Украины, Белоруссии. В активное обсуждение вовлекаются и материалы по археологии неславянских народов, финно-угров (весь в исследованиях Л. А. Голубевой, карелы в работах С. И. Кочкуркиной, племена Севера и Северо-Запада в публикациях В. А. Назаренко, Е. А. Рябинина, Э. А. Савельевой, Поволжья и Приуралья в исследованиях В. Ф. Генинга, Р. Д. Голдиной и археологов ее школы); археологии тюркских и иранских племен (салтово-маяцкой культуры) посвящены исследования С. А. Плетневой,

А. В. Гадло, гето-фракийских — молдавских археологов П. П. Бырня и И. Г. Хын-ку; археологией средневекового Крыма занимаются А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, М. Г. Крамаровский; памятниками Золотой Орды — Г. А. Федоров-Давыдов. Памятники гуннов в Центральной Азии исследует А. В. Давыдова. Сложные вопросы этнической истории народов и племен Северного Кавказа второй половины I тысячелетия обобщены в монографии А. В. Гадло (1979).

Конкретно-историческая проблематика и различные методические подходы определили дифференциацию научных течений и школ, оформление и осмысление которой во многом составили содержание следующего десятилетия. Сборник «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма» (1970) отметил начальный этап этой дифференциации подходов, положивших конец «бестеоретическому периоду» (по определению акад. Б. А. Рыбакова); в конце десятилетия каждый из них манифестирован тематическими сборниками и монографиями (от сб. «Статистико-комбинаторные методы археологии» 1970 г. до сб. «Типы в культуре» 1979 г., равно как книги В. Л. Янина, И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера, Л. С. Клейна и др.), выражавшими разнообразие и потенциал формирующегося «спектра парадигм», по существу тождественного действующим парадигмам современной мировой археологии.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Дифференциация подходов обосновывалась и нарастающим значением региональной археологии, где инициатива все более переходила от исследователей «столичных школ» Москвы и Ленинграда к растущим местным силам, опирающимся на национальные научные центры. Особенно динамично этот процесс проходил в республиках Прибалтики, где археология, как в 1989 г. отметил выдающийся эстонский писатель Яан Кросс, стала едва ли не решающим начальным фактором возрождения национального самосознания. Археологические центры и силы Эстонии, Латвии, Литвы на протяжении послевоенного полувека сохраняли определенную самостоятельность, и в начале 1980-х годов основные обобщающие публикации и атласы по региональной археологии этих стран, изданные на национальных языках, зафиксировали обособленность и фактическую независимость научных центров Таллина, Риги, Вильнюса.

Археология Кавказа в предшествующие десятилетия развивалась в тесном взаимодействии российских и местных ученых. В изучении палеолита продуктивным было сотрудничество В. П. Любина, А. Н. Каландадзе, М. Г. Нирорадзе, Д. М. Тушабрамишвили и др. Памятники неолита — бронзы Закавказья исследовали В. М. Котович и В. И. Марковин, Г. Е. Арешян, Т. Н. Чубинишвили, Р. М. Рамишвили, изучение древнейших государств Закавказья, начатое с исследований Б. Б. Пиотровского на памятниках Урарту, охватило Эшерские городища Абхазии, памятники Великого Питиунта, Армавир и другие закавказ-

ские города эллинистической эпохи (работы О. Д. Лордкипанидзе, Г. А. Тирацьяна и др.), интенсивно разворачивается национальная археология республик Северного Кавказа.

Средняя Азия и Казахстан в 1980-х годах стали предметом обобщающих работ по основным разделам археологии от палеолита до Средневековья: эти исследования наряду с республиканскими специалистами — К. М. Байпаков, М. Х. Исамитдинов, А. К. Мирбабаев, А. Р. Мухамеджанов и др. — продолжали российские ученые В. М. Массон, Г. Ф. Коробкова, А. М. Мандельштам, Ю. А. Заднепровский, И. Н. Хлопин, Н. Г. Горбунова, Т. И. Зеймаль, Г. А. Пугаченкова, А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова; многослойное городище Афрасиаб в Самарканде, энеолитический протогородской центр Алтын-Депе, памятники Бактрии и Согдианы, раннесредневековый Пенджикент вошли в фонд национальных и мировой культуры, а ответственность за их сохранение и дальнейшее исследование постепенно перешла в сферу деятельности республиканских академий наук.

В Сибири и на Дальнем Востоке подобным же образом происходило перераспределение ресурсов и сил центральных и региональных научных организаций. Полноценная научная школа была сформирована академиком А. П. Окладниковым, ее ведущие представители в эти годы — Р. С. Васильевский, А. П. Деревянко, Н. Н. Диков, В. И. Матюшенко развернули исследования от Забайкалья до Чукотки, прослеживая евразийские трассы древнейшего заселения американского континента, через «Берингию» — материковую сушу, десятки тысячелетий тому назад объединявшую Азию и Америку. В изучении палеолита сибирские ученые сотрудничали с З. А. Абрамовой (ЛОИА), культуры неолита и бронзы, особенно в степной зоне Южной Сибири, где эти памятники тесно связаны с древностями кочевнических культур, активно продолжали исследовать В. И. Матющенко, В. А. Могильников, Э. Б. Вадецкая, М. Н. Пшеницына, А. И. Мартынов, С. С. Сорокин, С. С. Миняев, Д. Г. Савинов, А. В. Давыдова; памятники Средневековья начали изучать А. Д. Грач, А. П. Деревянко, Ю. С. Худяков, в истории освоения русскими Сибири привлечение археологических данных началось с исследования Мангазеи, выполненного М. И. Беловым и О. В. Овсянниковым, «остроги» землепроходцев XVII в. начал изучать А. Р. Артемьев.

Самостоятельная стратегия археологических исследований определилась на Украине, где после торжественно отмеченного исторического юбилея Киева в 1982 г. Институт археологии Академии наук УССР возглавил П. П. Толочко, развернувший в предшествующем десятилетии стационарную Киевскую экспедицию, где начали самостоятельную научную деятельность В. Н. Зоценко, Г. Ю. Ивакин, А. П. Моця, М. А. Сагайдак и др. В 1985 г. Киев стал местом проведения V Международного конгресса славянской археологии (МКСА). С этого времени древности Украины, как и древности Белоруссии, систематизируются силами местных ученых, как и в РСФСР, прежде всего в ходе общесоюзной работы по инвентаризации памятников археологии.

Столичные силы сосредоточились на подготовке и осуществлении 20-томного сводного издания «Археология СССР», выполняющего роль кадастра и энциклопедического словаря, до сей поры отсутствующих в отечественной археологии. В первом десятилетии выполнения этой программы были выпущены основные тома, посвященные палеолиту (1984), энеолиту (1982), эпохе бронзы лесной зоны (1987), древнейшим государствам Кавказа и Средней Азии (1985), античным государствам Северного Причерноморья (1984), скифо-сарматской эпохе в степях Евразии (1989), степи Евразии в эпоху Средневековья (1981), восточным славянам VI–XIII вв. (1982), Древней Руси (1985), финно-уграм и балтам эпохи Средневековья (1987). Формирующийся корпус, при неполноте и определенной разноплановости томов, несомненно, стал фундаментальным обобщением археологических данных континентального масштаба, тем более значимым и своевременным, что налаженная в предшествующие десятилетия работа по «Своду археологических источников» (САИ) все более теряла координацию, задолго до завершения устаревая морально и технологически. До конца 1980-х годов переход к современным информационным системам и электронным банкам данных оставался в российской археологии несбыточной мечтой, хотя первые теоретико-методические разработки в этом направлении были выполнены на вполне современном уровне в середине 1950-х — начале 1970-х годов; «застой» в советской археологии проявился всего отчетливее именно в архаичности информационно-технической базы, скованной многочисленными ограничениями тоталитарной госбезопасности, равно как постоянной «второразрядностью» в научно-технической иерархии, по отношению к дисциплинам военно-промышленного комплекса. Современные методы аэро- и космической фотосъемки, электронной обработки данных, цифровых информационных систем оставались за пределами технических возможностей отечественной археологии. Эти ограничения, однако, преодолевались порою направленными «точечными» усилиями, часто — с международным участием в нетрадиционных исследовательских проектах, прежде всего — подводной археологии (К. К. Шилик, В. А. Тюленев), «навигационной археологии» экспедиции «Нево» по «пути из варяг в греки» (Г. С. Лебедев, Ю. Б. Жвиташвили, 1986–1985 гг.), русско-норвежских исследований на Шпицбергене (В. Ф. Старков), арктических и тихоокеанских историко-археологических экспедиций (П. В. Боярский) и др.

Общее отставание научно-технической базы в целом не стало препятствием для региональных и общесоюзного сводов археологических данных, накопленных за всю почти 300-летнюю историю отечественной археологии, равно как для фундаментальных историко-культурных обобщений по различным разделам и хронологическим горизонтам, от глубокой первобытности до древнерусского Средневековья. Среди наиболее существенных — монографическая публикация по происхождению палеолитического искусства А. Д. Столяра (1985), «Индоевропейские прародины» В. А. Сафронова (1989), «Модель мира скифской культуры» Д. С. Раевского (1985), основанное на «те-

ории секвенций» решение «готской проблемы» (М. Б. Шукин, серия статей 1977–1989 гг.), концепция этногенеза и ранней истории славян (Д. А. Мачинский, серия статей 1981–1989 гг.). Академик Б. А. Рыбаков опубликовал в эти годы серию своих монографий о Киевской Руси и язычестве древних славян, завершив таким образом работу над историко-культурной концепцией, основы которой были изложены в статьях начала 1950-х годов о древних «русах» (автохтонах Среднего Поднепровья).

Альтернативные представления о «варяжской руси», соответствующие русской летописи, базировались на реабилитации основ русской дореволюционной либеральной историографии (Е. Н. Носов). В целом же многолетнее исследование с этих позиций, традиционного для отечественной науки «варяжского вопроса», с привлечением качественно новых, систематизированных археологических данных по этническим взаимодействиям в мультикультурном и полиэтническом пространстве Северной Европы, составной частью которой была Северная Русь (А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев — публикации 1977, 1980, 1981 гг.), привело к появлению принципиально новой концепции «балтийской цивилизации раннего средневековья» (коллективная международная монография «Славяне и скандинавы», 1986). Дендродаты Старой Ладogi создали точную хронологическую шкалу для основанной на историчности «варяжской легенды» версии ранней русской истории, и шкала эта действительна, начиная с 750-х годов, практически для пятивекового периода с VIII по XII в. (Е. А. Рябинин, Н. Б. Черных, 1985). С этой шкалой синхронизирована периодизация русско-скандинавских связей VIII–XIII вв., практически ставшая общепринятой (Г. С. Лебедев 1985; ср. А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, 1986; ср. Е. А. Мельникова, Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин, 1986, 1987, 1989). В области средневековой археологии обобщены материалы исследования каменных крепостей Новгородской земли XII–XV вв. (А. Н. Кирпичников, 1984) и развернуты исследования западноевропейской и российской фортификации Выборга (В. А. Тюленев, 1980 и след. годы). Восточнопруссские древности Калининградской области начали изучать В. И. Кулаков и В. С. Суворов. Археологически обоснована новая концепция этногенеза балтов и ранней истории Литвы I–XIII вв. (В. А. Ушинская, 1988).

Теоретический раздел археологии обогащен в эти годы русским изданием классической монографии Ж.-К. Гардена «Теоретическая археология» (1983) и серией теоретико-историографических монографий В. Ф. Генинга, а историографическая рефлексия пути отечественной науки запечатлена в сводной публикации А. А. Формозова «Страницы истории русской археологии» (1986).

Процесс развития российской археологии, при всем своеобразии, в целом вошел в русло развития мировой науки⁴. Определелись и сосуществовали базовые парадигмы: «археологическая история» (Б. А. Рыбаков, А. В. Ар-

---

⁴ Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. С. 38–52.

циховский), «археологическая этногенетика (В. В. Седов), «археологическая социология» (В. М. Массон, В. А. Гуляев), «дескриптивная археология» (входящая к монографии И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера), «архетехнология» школы Б. А. Колчина, Е. Н. Черных, «археологическая экология» П. М. Долуханова, А. М. Микляева, «эшелонированная археология», она же — «чистая», как определяли ее оппоненты (В. Ф. Генинг) или «строгая» как предпочитали адепты (Г. С. Лебедев). Лидер последнего из названных направлений Л. С. Клейн в начале 1980-х годов подвергся репрессиям (сравнительно кратковременным), однако именно во время его заключения в Англии была издана главная его теоретическая работа *Archaeological Typology* (Оксфорд, 1982), а в *World Archaeology* (Лондон, 1982) — статья с соавторами, содержащая первую характеристику очерченного диапазона парадигм и «спектра направлений». В целом этот спектр полностью соответствовал положению в мировой археологии, подходившей, по определению чешского археолога Ярослава Малины, к «глобальной» или «объединенной археологии» (*united archaeology*)⁵.

Международное значение и признание российской археологии проявилось в создании постоянных международных форумов и конференций (наиболее продуктивными были советско-финляндские симпозиумы с конца 1970-х годов, проходившие с регулярностью в два-три года), а также ряда стационарных экспедиций (советско-йеменской, болгаро-советской, советско-колумбийской и др.). Активизация внешних связей, при всех сложностях международной обстановки, особенно с началом «перестройки» середины 1980-х способствовала действительному включению археологии в развитие общественных процессов, а на этом фоне стало очевидным, что «в недрах застоя выросло поколение, чуждое застою»⁶.

Развернутая сеть центральных и местных археологических учреждений и организаций способствовала быстрому вовлечению в самостоятельную научную работу выпускников университетов, осваивавших со студенческой скамьи теоретические взгляды и методы реально осуществившегося в археологии «плюрализма», достаточно резко контрастного по сравнению с положением в других разделах исторической науки. Десятилетие отмечено появлением огромного количества новых имен и сравнительно быстрым ростом квалификации молодых исследователей. В изучение северо-запада и севера страны внесли вклад А. А. Александров, С. В. Белецкий, А. Н. Башенькин, Т. Л. Верхорубова, Т. А. Жеглова, М. Г. Косменко, С. Л. Кузьмин, В. А. Лапшин, Ю. М. Лесман, Н. А. Макаров, А. Д. Мачинская, Н. И. Платонова, Г. Н. Пронин, П. Е. Сорокин, В. А. Тюленев, Б. Н. Харлашов, Н. А. Хвоцинская, В. Я. Шумкин; Центральной России — П. Г. Гайдуков, И. В. Дубов, О. М. Иоаннисян, И. В. Исланова, Е. Г. Каменецкая, Л. В. Кольцов, А. Е. Леонтьев, П. Д. Малыгин, А. А. Молчанов, А. Д. Пряхин, В. Н. Седых, И. Л. Станкевич, А. К. Станюкович, С. В. Томсинский,

---

⁵ *Malina J.* 1981? — дать библиографическое описание источника

⁶ Клейн Л. С. Феномен советской археологии. С. 29.

Е. А. Шинаков. Среди исследователей южных областей — М. П. Абрамова, Х. Х. Биджиев, О. М. Давудов, М. Б. Мужухоев, Э. Я. Николаева, А. А. Пескова, О. А. Щеглова, К. К. Шилик, Поволжья и Урала — Н. М. Булатов, А. Д. Вечтомов, Г. Б. Зданович, С. Н. Коренюк, В. Г. Миронов, Т. И. Останина, И. М. Петербургский, Р. Г. Фахрутдинов, В. Е. Щелинский, Сибири — Н. А. Боковенко, Г. В. Длужневская, М. А. Дэвлет, С. В. Красниенко, Л. Р. и И. Л. Кызласовы, Е. А. Окладникова, В. А. Семенов, Ю. С. Худяков, О. А. Шубина, которые включаются в ряды действующих археологов.

Университетские программы подготовки специалистов в этом десятилетии были значительно модифицированы, во многом на основе трехтомной академической «Истории первобытного общества» (Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, В. А. Шнирельман и др., 1983–1988), отразившей современные теоретические взгляды и фактографическую базу доисторической и раннеисторической проблематики, прежде всего на основе археологических данных. Нормой становятся курсы «История отечественной археологии», «Историография», «Библиография», воспитывающие рефлексующее научное сознание, свободное от догматических установок. Показателем этой тенденции времени стало образование постоянного семинара по истории отечественной археологии, открывшего в 1988 г. свою деятельность при Музее петербургского университета заседанием в честь 130-летия А. А. Спицына, а в 1989 г. посвятившего совместное заседание в ЛОИА памяти М. И. Ростовцева; именно возвращение в отечественную науку этого, фактически запретного «эмигрантского» имени стало объективным свидетельством восстановления научной традиции российской археологии, воздающей должное «дореволюционному» поколению своих учителей — русских археологов начала XX в.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Десятилетие, завершающее XX в., естественно стало временем прежде всего углубленной внутринаучной рефлексии, становления самосознания, объективной самооценки отечественной археологии. Динамичные изменения, происходящие в стране и в мире, делают эту самооценку тем более актуальной, и важно, что именно с нею входит новое поколение, которому суждено, вероятно, большей своей частью создавать науку XXI в. Важной чертой времени стало массивное восстановление библио-историографической базы науки, издание и переиздание классических зарубежных, дореволюционных, эмигрантских трудов по философии, антропологии, истории, от столетней давности, «Первобытного общества» Э. Тайлора, до послевоенных трудов Г. В. Вернадского о Древней Руси, публикации первоисточников, переводы всевозможных культурно-исторических справочников и энциклопедий.

Российская Федерация стала ареной деятельности, по существу, нового поколения археологов, при этом сосредоточенных главным образом в региональных центрах, где ни квалификация исследователей, ни техническая и фи-

нансовая обеспеченность (при всех сложностях последней — общих для всей страны) не отличают их от столичных коллег. Компьютер вошел в научный быт практически одновременно по всей России, сеть Интернет по соросовской программе охватила прежде всего провинциальные университеты, а федеральные целевые программы исследований, финансирующиеся с огромными запозданиями, дополняются региональными, муниципальными и договорными средствами, где концентрация ресурсов в определяющей степени зависит от собственной активности локальных научных центров и сил.

Центры эти и силы к середине десятилетия проявились практически на всей территории страны, начиная с Севера и Северо-Запада: Архангельск (Н. М. Терехин, А. Я. Мартынов) Петрозаводск (В. В. Адель, И. В. Кистерный, Г. Э. Герман, Т. П. Дмитриева, А. М. Жульчиков, А. В. Спиридонов, М. М. Шахнович, с продолжением работ С. И. Кочкуркиной, М. Г. Косменко), Вологда (А. Н. Башенькин, Л. С. Адрианова, М. Г. Васенина, А. М. и М. В. Иванисы, И. П. и Е. Н. Кукушкины, Н. Г. Недомолвкина, Н. Б. Смирнова), Псков (Б. Н. Харлашов, А. А. Александров, Э. В. Королева, И. К. Лабутина, Н. Н. Милутина, Е. В. Салмина, С. В. Степанов, С. Е. Шуньгина, Е. А. Яковлева), Новгород (В. Я. Конечский, Б. Д. Ершевский, О. В. Клубова, М. В. Шорин, Е. В. Яременко), Череповец (А. В. Кудряшов), Сыктывкар (Э. А. Савельева, В. А. Семенов, П. Ю. Павлов), Ижевск (Д. Н. Салангин). Как и в других регионах, продолжают исследования, взаимодействуя с местными силами, археологи Санкт-Петербурга (О. И. Богуславский, В. И. Кильдюшевский, А. Н. Кирпичников, Б. С. Короткевич, Л. В. Короткова, С. Л. Кузьмин, А. В. Курбатов, Г. С. Лебедев, А. Н. Мазуркевич, Е. Р. Михайлова, А. Е. Мусин, **В. А. и** Ю. А. Назаренко, Е. Н. Носов, Н. И. Петров, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, А. И. Сакса, А. А. Селин, В. Ю. Соболев, П. Е. Сорокин, В. И. Тимофеев, О. А. Щеглова и др.). Археологи Москвы также продолжали активные исследования в этом регионе, в Калининградской области В. И. Кулаков систематизировал древности пруссов, отдаленные регионы Европейского и Азиатского Севера осваивали московские ученые П. В. Боярский, С. В. Гусев, Г. Е. Дубровин. С. Д. Захаров, Н. А. Макаров, В. Ф. Старков, на Северо-Западе продолжал работы мощный коллектив Новгородской экспедиции В. Л. Янина — А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина, П. Г. Гайдуков, А. Н. Сорокин и др. Показательна стабильная деятельность ежегодных археологических семинаров во Пскове (с 1980 г. — 15 сессий) и Новгороде (с 1988 г. — ежегодно), с постоянным изданием собственных материалов. С 1993 г. собственные регулярные археологические семинары на базе музея-заповедника проводятся в Старой Ладогe (с 1995 г. — Чтения памяти А. Д. Мачинской). Псков в 1995 г. стал центром проведения первой в России конференции «Церковная археология», а Новгород — базой VI Международного конгресса славянской археологии (МКСА, 1996).

В Ладогe в 1997 г. состоялись первые в истории России Парламентские слушания Государственной думы РФ, посвященные Староладожскому историко-археологическому музею-заповеднику.

Центр Европейской части России исследуют, наряду с археологами Москвы и Санкт-Петербурга, научные силы Рязани (И. В. Барышев, И. Н. Верстова, А. А. Вячин, В. Е. Токарев, Н. В. Шаталова), Воронежа (А. Д. Пряхин, В. Д. Березуцкий, С. Н. Гапочка, И. В. Зиньковская, В. Н. Ковалевский, А. П. Медведев, А. Т. Синюк), Курска (А. Н. Апальков, В. В. и О. Н. Енуковы), Брянска (Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов), Калуги (И. В. Болдин, Б. В. Грудинкин, О. В. Прошкин), Тулы (А. Н. Наумов, О. Н. Заидов, А. В. Щеков), Твери (И. А. Дашкова, И. В. и А. Б. Ивановы, А. В. Мирецкий). Собственные археологи действуют в таких важных древнерусских центрах, современных областных городах, как Владимир, Ярославль, Кострома, Пенза, но вместе с тем — и в Бежецке, Веневе, Коломне, Рыбинске, Ельце, Плесе. Сильный республиканский центр создан в Йошкар-Оле (республика Марий Эл; Г. А. Архипов, А. И. Шадрин, Ю. А. Зеленец, В. В. и Т. Б. Никитины, Г. Г. Румянцев, Д. Г. Свечников, О. А. Сидоров).

В Поволжье и на Урале активно действуют археологи Сыктывкара (И. О. Васкул, М. К. Кленов, К. С. Королев, В. Н. Несанелене, В. А. Семенов, Н. Н. Чеснокова), Перми (А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, А. Н. Лепихин, А. Ф. Мельничук, Н. Е. Соколова, В. А. Оборин и др.), Уфы (В. Н. Васильев, В. К. Федоров, В. В. Овсянников, Ф. И. Тагиров), Казани (Л. Ф. Недашковский, А. А. Халиков и др.), Ижевска (Р. Д. Голдина, Т. А. Лаптева, М. Г. Иванова, О. А. Казанцева, Е. М. Черных), Самары (А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков), Саратова (А. П. Захариков, С. В. Ляхов, Н. М. Малов, А. Д. Матюхин, О. В. Сергеева, В. В. Филиппенко, С. И. Четвериков, А. И. Юдин); располагают собственными археологическими силами Челябинск, Волгоград, Астрахань. Крупный научный центр Приуралья и Сибири стабилизирован в Кемерово, с квалифицированным кадровым составом, собственной системой изданий и международных связей (А. И. Мартынов, Я. А. Шер, В. В. Бобров, А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов и др.); сохраняет значение ведущего научного центра сибирской археологии Новосибирск (А. П. Деревянко, Р. С. Васильевский, Е. Л. Бородавская, В. Е. Медведев, В. И. Молодин, А. В. Табарев, Т. Н. Троицкая, Ю. С. Худяков и др.). Развертывает самостоятельные исследования Дальневосточный научный центр во Владивостоке (А. Р. Артемьев, Д. Л. Бродянский, В. И. и О. В. Дьяковы, И. С. Жущиховская и др.), группы археологов действуют в Хабаровске, Якутске, Чите, Красноярске, Тюмени. Юг России обеспечивают археологическим исследованием научные силы Краснодар, Ставрополя, Махачкалы, Майкопа, Владикавказа, Ростова-на-Дону, хотя невосполнимые потери нанесла здесь региональной археологии Чеченская война, в 1995 г. полностью уничтожившая лучший музей по археологии Кавказа, в столице Чечни — г. Грозном.

Во всех регионах, как на Севере так и на Юге, продолжается деятельность археологов Москвы и Санкт-Петербурга, как нового так и предшествующих поколений. Институт археологии РАН в Москве возглавил Р. М. Мунчаев, ИИМК в Санкт-Петербурге (организационно обособившийся от московского академического института) работал под руководством В. М. Массона. Наряду с «новгородской школой» московской археологии, в девяностые годы продолжали

активную научную деятельность ведущие московские ученые В. В. и М. В. Седовы, В. Ф. Старков, А. Г. Векслер, Д. А. Крайнов, Л. Р. Кызласов, новое поколение представляют Н. А. Макаров, С. В. Гусев, Н. В. Лопатин, И. В. Белоцерковская, Е. В. Волкова, А. А. Зайцев, А. Е. Леонтьев, И. В. Исланова, Р. В. Терпиловский, С. С. Ширинский, А. К. Станюкович, Т. М. Арсеньева, А. П. Мошинский, Л. Т. Яблонский, И. Л. Кызласов, Е. А. Попова, С. А. Коваленко.

Петербургская научная школа реализует себя не только на Северо-Западе и Севере, в других регионах России также действуют археологи, представляющие разные поколения этого столичного центра: З. А. Абрамова, Г. Ф. Коробкова, В. П. Любин, В. И. Беляева, С. В. Белецкий, О. М. Иоаннисян, Е. Н. Торшин, М. Е. Килуновская, В. И. Кильдюшевский, А. А. Ковалев, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, М. В. Малевская, А. А. Пескова, Б. А. Раев, Г. В. Синицына, С. В. Томсинский, Д. И. Фоняков, Ю. Ю. Цыганов, Л. В. Голованова, Г. Н. Поплевко, А. Д. Резепкин, В. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, К. В. Чугунов и другие ведут исследования памятников широкого хронологического и территориального диапазона, от палеолита центральных районов до культур ранних кочевников Тувы. Международный характер приобрели исследования ряда традиционных объектов изучения, осуществлявшегося столичными силами, от энеолитического поселения Джейтун (российско-британская экспедиция В. М. Массона) или средневекового Пенджикента (Б. И. Маршак) до продолжения раскопок античных памятников Крыма и других регионов Причерноморья, русско-шведских работ на Рюриковом городище или русско-норвежских исследований Шпицбергена.

Становление региональной археологии — ведущая черта десятилетия, в значительной мере компенсирующая распад централизованной союзной системы организации археологических исследований и изданий. Сама по себе многочисленность новых имен — обнадеживающий показатель, как и отчетливая тенденция к деятельности семейных пар, проявившаяся как в провинции, так и в столицах. Возможно, это своего рода рефлекс на недостаточность общероссийской координации, известную хаотичность состояния научной среды; очевидно, процесс, наметившийся в текущем десятилетии, продолжится и войдет в новую фазу в первые годы следующего столетия.

Несмотря на определенную дискоординированность, дефицит информации, разрозненность центральной и местной периодики, десятилетие отмечено рядом выдающихся открытий и обобщений. Палеолитический горизонт древностей Евразии резко расширился, после исследований В. П. Любина с грузинскими коллегами «олдувейского горизонта» в Закавказье (Дманиси, 1800–1500 тыс. лет). Детальное изучение верхнепалеолитических жилищ «классического» костенковского региона дало основание для новых реконструкций, не только первобытного домостроительства, но и социо-хозяйственных отношений (В. И. Беляева, Н. Д. Праслов). «Эпипалеолитический» горизонт памятников каменного века выявляется в лесной зоне активного действия оледенений (Н. Д. и М. Н. Прасловы, В. И. Тимофеев). Выявлен круг неолитических культур

(типа «усвятской») с ранними формами производящего хозяйства, очевидно, составивших подоснову индоевропейской этноязыковой общности и включавших в свой ареал южную окраину Северо-Запада России (А. М. Микляев). Перешло к публикационной фазе исследование южноуральских памятников эпохи бронзы, связанных с ранними этапами истории индоиранских племен Евразии, открытых В. Ф. Генингом и исследованных Г. Б. Зданевичем могильников Синташта и кольцевого городища Аркаим. Стратиграфия и хронология культур ранней и средней бронзы, с выделением до десяти хронологических горизонтов, начиная с майкопской культуры, установлена для степной зоны Европы по раскопкам курганов Предкавказья (Кавминводы) А. А. Ковалевым. Систематизация данных о восточноевропейских культурах раннего железного века осуществлена в монографическом исследовании М. Б. Щукина «На рубеже эр» (1994). Те же, равно как более ранние и более поздние культуры, рассматриваются в аспекте славянского этногенеза в двухтомной монографии В. В. Седова (1994, 1995). Достоверно славянские памятники Ильменского Поозерья изучены Е. Н. Носовым и В. Я. Конецким, как подоснова градообразования Новгорода Великого. При этом Е. Н. Носов завершил монографической публикацией многолетнее исследование Рюрикова городища Новгорода, где впервые было документировано реальное существование крепости варяжского князя с 860-х годов (1990). В становлении Древнерусского государства IX–XI вв. более определенно выявляется роль Ладоги, Новгорода с околорадьем, зоны градообразования Пскова, то есть ведущих центров и социо-этнических групп, связанной с «Балтийским средиземноморьем Европы» Северной Руси или «Руси Рюрика» (Г. С. Лебедев, Д. А. Мачинский, серия статей 1993–1997 гг.). Панораму истории и культуры финно-угорских племен в составе Древней Руси завершил монографической публикацией Е. А. Рябинин (1997).

Общественное внимание к археологии этих лет во многом стимулировалось переизданием и изданием новых работ Л. Н. Гумилева. Концепция ранней истории Евразии и России, основанная на парадигме, во многом — альтернативной «этнологической археологии» В. В. Седова и его школы (с тождеством «культура = этнос», опровергаемым гумилевской теорией этнокультурных процессов во взаимодействии с биосферой), безусловно, открывает новые горизонты исторического знания, при всей спорности и недостаточности фактографической базы этих интересных работ. Место археологии в основании национального и общественного самосознания акцентировала подготовка и празднование 850-летнего юбилея Москвы в 1997 г. Археологическая экспедиция, под руководством А. Г. Векслера, Л. А. Беляева, С. З. Чернова исследовавшая культурный слой города в районе Манежной площади, дала эффектные материалы для экспозиций первого в истории Музея археологии Москвы, торжественно открытого в дни юбилея, как и возобновленная после долгих лет реконструкции экспозиция ГИМ.

Региональные археолого-этнографические экспозиции к этому времени открыты и в залах Российского этнографического музея и Музея истории го-

рода в Санкт-Петербурге. В «северной столице» России с 1995 г. создан Научный совет, а с 1996 г. — издается журнал «Археология Петербурга», упорядочивающий сведения о многолетней уже к тому времени работе археологов на территории города (А. Д. Грач, А. И. Гессен, Ю. М. Денисов, Е. В. Баженова, Г. С. Лебедев, П. Е. Сорокин, В. А. Грач, В. А. Коренцвит). Становление города, в преддверии его 300-летнего юбилея (1703–2003), рассматривается во взаимосвязи с «Пра-Петербургом» — Старая Ладога VIII–XVII вв. как закономерный этап урбанизации Балтийского культурного пространства России и Северной Европы. В этом аспекте археология русских городов Балтики представлена в международной программе «Городская археология Ганзейского пространства» (Любек, с 1995 г.), формирующей основы программ ЮНЕСКО по работе с городами — объектами Всемирного наследия. Вполне реальной рассматривается возможность, в частности, и на основе «археологической аргументации» провозглашения решением ООН 2003 года (300-летие Петербурга) — Всемирным «годом Санкт-Петербурга» и как Москва, город должен встретить такое событие стабилизацией муниципальной археологической службы. Аналогичные процессы в той или иной мере развиваются и в других городах и регионах Российской Федерации. Все эти симптомы, вероятно, определяют оптимистичные перспективы археологии в реформируемой России.

Безусловно, российская археология в конце XX в. проблемы, унаследованные от предыдущих десятилетий, отяготила новыми, возникающими в эпоху общественных преобразований, далеко не всегда прогнозируемых с достаточной основательностью. Процессы приватизации, децентрализации, федерализации, развернувшиеся в стране, обостряют сложности работы с национальным археологическим наследием, вызванные сложившейся недостаточностью, прежде всего информационно-технической базы российской археологии. Не завершена унифицированная инвентаризация и научная паспортизация памятников археологии, по-прежнему отсутствует общенациональный кадастр, энциклопедические справочники и словари, хотя региональные центры подошли вплотную к задаче создания электронных банков данных. Децентрализация охраны, издательской деятельности, информации и библиографии отрицательно сказывается на планировании и квалификационной оценке работ. Археологи столкнулись и с новыми проблемами: судьбы памятников в процессе приватизации, проявления национального, конфессионального или квази-религиозного экстремизма (особенно в отношении сакральных объектов различных эпох и культур), волны грабительского «кладоискательства» и криминальной контрабанды антиквариата. Впрочем, многие из этих проблем не являются специфически российскими, на открытых с 1995 г. ежегодных сессиях Европейской ассоциации археологов (1995 — Барселона, Испания; 1996 — Рига, Латвия; 1997 — Равенна, Италия) обсуждается «Этический кодекс археологии», определяющий профессиональное отношение к этим проблемам в международном, по существу — глобальном, масштабе.

Этика — высший уровень профессионального сознания. В российской археологии 1990-х заметны и другие симптомы качественного изменения этого сознания. Вряд ли случайно в начале десятилетия увидели свет основные теоретические обобщения, переизданные в расширенном виде монографии Л. С. Клейна «Археологические источники» (1995) и «Археологическая типология» (1991). Вслед за теоретическим уровнем монографически упорядочена историография⁷, и, таким образом, научная рефлексия, процесс самосознания и самооценки, формирования ценностных ориентаций приобретает вполне целенаправленный, рефлекслируемый и регулируемый характер. Поколение археологов, вступающее в XXI в., выдвинуло своих специалистов «археологической историографии» как сформировавшейся научной субдисциплины (И. А. Тункина, И. Л. Тихонов, Л. М. Всевиов, Н. И. Платонова, В. А. Зуев и др.). **Первый фундаментальный труд**, представленный этим поколением, посвящен жизни и деятельности крупнейшего русского археолога XX в. М. И. Ростовцева «Скифский роман»⁸ — еще одно воплощение восстановления научной традиции, а следовательно, жизнеспособности российской науки, пережившей и прощающей с этим столетием, наверное, одним из наиболее напряженных и значимых в мировой истории.

«Хроника российской науки», включая археологию, поэтому представляется не только своевременным и важным средством подведения итогов и создания условий для объективной оценки деятельности нескольких поколений российских ученых. С позиций рубежа веков представляется редкая возможность наметить общую периодизацию развития этой отрасли отечественной науки, а тем самым способствовать определению своего места в ней, и для действующего, и для будущего поколения.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (XVIII–XX вв.)

Триста лет развития отечественной археологии, создававшейся деятельностью более чем десяти поколений ученых XVIII–XX вв., по организации, содержанию, результатам и общественной направленности этой деятельности позволяют выделить в истории российской науки следующие периоды и этапы развития археологии.

1. *Период «ученых путешествий»* (1700–1825), зарождение отечественной археологии на основе «энциклопедической парадигмы» европейского Просвещения, выделение ее начальных разделов.

---

⁷ Лебедев Г. С. История отечественной археологии 1700–1917. СПб., 1992; Клейн Л. С. Феномен советской археологии; Формозов А. А. Русские археологи до и после революции. М., 1995.

⁸ Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. А., Зуев М. Скифский роман. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997.

1.1. «Петровский этап» (1700–1725), предпосылки выделения археологических знаний в корпусе исторической науки, создание Академии наук.

1.2. *Сибирские путешествия Академии* (1725–1774), деятельность В. Н. Татищева, энциклопедическое накопление археологических знаний. Путешествия исследователей классической и славянской древности (1774–1825), зарождение классической и славянской археологии, появление первых научных учреждений археологического профиля.

2. «Оленинский период» (1826–1846), выделение предпосылок «бытописательской парадигмы», первые обобщающие издания. Научно-исследовательская деятельность Академии художеств под руководством А. Н. Оленина, Императорского Эрмитажа, создание Петербургского Археолого-нумизматического общества.

3. «Уваровский период» (1846–1884), развитие отечественной археологии на основе «бытописательской парадигмы» и освоение оснований парадигмы эволюционизма, деятельность А. С. Уварова, исследователя, теоретика, организатора археологической науки России.

3.1. *Ранний этап* (1846–1864), создание системы научных центров в Петербурге (Археологическая комиссия — АК, Императорский Эрмитаж — ИЭ, Русское Археологическое общество — РАО).

3.2. *Зрелый этап* (1864–1872), создание системы научных центров в Москве (Московское археологическое общество — МАО, Исторический музей — ГИМ, Археологические съезды — АС).

3.3. *Поздний этап* (1872–1884), взаимодействие систем АК — ИЭ — РАО, МАО — ГИМ — АС, развитие первобытной, классической, скифской, славянской археологии, зарождение кавказской, восточной, финно-угорской археологии, направляемое деятельностью I–VI АС.

4. *Пост-уваровский период* (1884–1899), формирование основных разделов, направлений, местных центров и школ российской археологии.

4.1. *Дифференциация подходов* (1884–1893) на основе кризиса бытописательской, частичного освоения эволюционистской и развития сменяющей ее этнологической парадигмы.

4.2. *Методологический кризис* (1893–1899), кристаллизация основных направлений и разделов археологии.

5. *Спицынско-Городцовский период* (1899–1918) развития отечественной археологии на основе постэволюционистской этнологической парадигмы, упорядочивающей археологическую эпистему.

5.1. *Систематизация фактических материалов* (1899–1910) с применением к ним понятий «тип» и «культура», в трудах А. А. Спицына.

5.2. *Обобщения* (1910–1915) по отдельным разделам археологии (первобытной, классической, скифо-сарматской, византийской, славяно-русской, кавказской, восточной, финно-угорской, кочевнической) и по археологии России в целом, в трудах В. А. Городцова.

5.3. *Постановка перспективных задач* (1916–1918), формирование культурно-исторической парадигмы как концептуальной базы их решения, в трудах М. И. Ростовцева.

6. *Организационное преобразование археологии в советское время* (1919–1929). Становление ГАИМК и первые опыты внедрения марксистской парадигмы.

6.1. *Реорганизация АК — ГАИМК* (1919–1926), деятельность Н. Я. Марра.

6.2. *Методологические поиски* (1926–1929), «марксистская археология» А. В. Арциховского и других учеников В. А. Городцова.

7. *«Теория стадильности»* в советской археологии (1929–1951), опыт создания марксистской парадигмы в условиях тоталитаризма.

7.1. *Конструкция парадигмы* (1929–1934), деятельность В. И. Равдоникаса, дискуссии по основным проблемам доистории, археологии, истории первобытного общества, истории материальной культуры.

7.2. *Утверждение парадигмы* (1934–1939), «теория стадильности — сталинизм в археологии» (М. В. Аникович). Опыты реализации положений марксизма в археологических разработках первого поколения исследователей. Школа палеолитоведения П. П. Ефименко. Догматизация археологических построений.

7.3. *Кризис парадигмы* (1940–1951), расширение спектра исследований, смена социологизирующей археологии — конкретно-исторической.

8. *«Бестеоретический период»* (1951–1956), стихийная десталинизация и латентная реабилитация дореволюционных парадигм, в трудах М. И. Артамонова, А. В. Арциховского.

9. *«Рыбаковский период»* (1957–1986), развертывание спектра парадигм в недрах административно-командной системы советской археологии во главе с акад. Б. А. Рыбаковым.

9.1. *Возрождение проблем* (1957–1968), дискуссии по готской, варяжской, славянской, скифской проблематике, антропо- и социогенезу. Эмпирические обобщения археологической эпистемы. Поиск парадигм.

9.2. *Теоретические дискуссии* (1969–1979), от «ленинских идей» к «типам в культуре». Семь парадигм советской археологии. «Археологические источники» Л. С. Клейна.

9.3. *Историографическая рефлексия* (1980–1986), локальные исследования и обобщение историографии в итоговой работе А. А. Формозова.

10. *Рефлектирующая археология* (1986 — наст. вр.), самопознание как способ ценностной ориентации. Становление археологической науки как ценностно-ориентационной общественно-научной дисциплины, реабилитация дореволюционной традиции и освоение евразийской эпистемы фонда археологических данных с позиций культурно-экологической парадигмы (Д. С. Лихачев), определяющей место археологии в созидании ноосферы.

ХРОНИКА

1951

Находка первой берестяной грамоты в Новгороде.

Заседание Ученого совета ИИМК по вопросам археологии в свете работ И. В. Сталина. Резолюция — КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.

М. И. Артамонов. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология; А. В. Арциховский. Пути преодоления влияния Марра в археологии. Советская археология. 1951. Вып. 15.

Обсуждение в ЛГУ книги А. Н. Бернштама «Очерки истории гуннов».

Статья в «Правде» о монографии М. И. Артамонова «История хазар».

Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества» Отв. ред. М. Г. Левин, Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский. М., 1951.

По следам древних культур. В 3 т. Т. 1. М., 1951.

1952

Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. Пер. под ред. Т. С. Пассек; предисл. А. Л. Монгайта. М., 1952.

1953

Б. А. Рыбаков. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. Советская археология. 1953. Вып. 17. С. 23–104 + 28 илл.

П. П. Ефименко. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. 3-е изд., перераб. и доп. Киев, 1953.

Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. Пер. под ред. А. Я. Брюсова. М., 1953.

По следам древних культур. В 3 т. Под ред. Г. Б. Федорова. Т. 2: Древняя Русь. М., 1953.

Очерки истории СССР. Период феодализма. В 2 ч. Ч. 1: IX–XV вв. М., 1953.

1954

Открытие Музея археологии Прикамья при Молотовском государственном университете (Пермь), на базе материалов Камской археологической экспедиции 1947–1954 гг. (О. Н. Бадер).

Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

По следам древних культур. В 3 т. Под ред. А. И. Кантера. Т. 3: От Волги до Тихого океана. М., 1954.

1955

Первая всесоюзная студенческая археологическая конференция (ВАСК), Москва.

А. В. Арциховский. Основы археологии. 2-е изд. М., 1955.

Всемирная история в 10 томах. Т. 1. М., 1955.

1956

Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Пер. под ред. В. И. Авдиева. М., 1956.

1957

Б. А. Рыбаков – директор Института археологии АН СССР (до 1986 г.).
Совещание по вопросам черняховской культуры, Киев.

Начало исследования могильника волынской группы полей погребений Брест-Тришин на Украине (Ю. В. Кухаренко).

С. А. Семенов. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам их работы). Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). Вып. 54. М.; Л., 1957.

А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. Что такое археология. М., 1957.

1958

Международная конференция по археологии и антропологии Арктики, Копенгаген (Дания).

Международное совещание по проблеме гоминизации, Париж (Франция).

I конференция по комплексному изучению древней истории народов Западной Сибири в Новосибирске.

М. К. Каргер. Древний Киев. В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1958; т. 2. М.; Л., 1960.

1959

Начало работ по изучению высокогорных древнепалеолитических пещер Кавказа: Кударо, Цонской, Азыжской (В. П. Любин, А. Н. Каландадзе, М. М. Гусейнов).

Открытие мустьерских наземных палеолитических жилищ стоянки Молодова на Днестре (А. П. Черныш).

А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

Советская археологическая литература. Библиография 1941–1957. Л., 1959.

1960

Научная конференция по истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск — Иркутск — Томск — Владивосток.

Совещание работников историко-архитектурных музеев-заповедников РСФСР, Новгород.

Открытие памятников раннего палеолита в Южном Казахстане (Х. А. Алпысбаев).

Начало раскопок черняховского поселения III–IV вв. Лепесовка на Украине (М. А. Тиханова).

Я. В. Станкевич, Ф. Д. Гуревич. Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тыс. н.э. МИА. Вып. 76. М.; Л., 1960.

1961

IV Международный съезд славистов, Москва.

I Оренбургская историко-археологическая конференция, Оренбург.

САИ. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. Археология СССР. Свод археологических источников (САИ). Вып. Д1-29. М., 1961.

САИ. В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. Археология СССР. САИ. Вып. Г4-04. М., 1961.

САИ. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-57. М., 1961.

А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.

1962

Всесоюзная сессия по изучению Древнего Востока, Ленинград.

Совещание по проблемам мезолита, Ленинград.

САИ. З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. Археология СССР. САИ. Вып. А4-03. М.; Л., 1962.

САИ. Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники на территории Полесья. Археология СССР. САИ. Вып. Б1-18. М., 1962.

САИ. В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2: Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Археология СССР. САИ. Вып. Б3-08. М.; Л., 1962.

САИ. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Археология СССР. САИ. Д1-12. М., 1962.

САИ. С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. Археология СССР. САИ. Вып. Д3-09. М.; Л., 1962.

САИ. В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. Археология СССР. САИ. Вып. Е4-04. М., 1962.

М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

1963

Международная конференция, посвященная 1100-летию Великоморавского государства, Брно — Нитра (ЧССР).

Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследования естественных и технических наук, Москва.

Симпозиум по стратиграфии и периодизации палеолита Европы, Москва — Владимир.

I Научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии (Всесоюзная конференция скандинавистов), Тарту.

САИ. Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. Археология СССР. САИ. Вып. В1-19. М., 1963.

САИ. Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. Археология СССР. САИ. Вып. Б1-11. М., 1963.

САИ. И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1: Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Археология СССР. САИ. Вып. Б3-08. М., 1963.

САИ. М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-10. М., 1963.

САИ. К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-9. М., 1963.

1964

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва. САИ. П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. Археология СССР. САИ. Вып. А1-05. М.; Л., 1964.

САИ. Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. М., 1964.

САИ. В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. Ч. 1. Археология СССР. САИ. Вып. В4-12. М., 1964.

САИ. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-04. М., 1964.

САИ. Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI–XIV вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-44. М., 1964.

1965

Учредительный конгресс Международного совета ЮНЕСКО по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС), Варшава — Краков (ПНР).

I Международный конгресс славянской археологии (МКСА), Варшава (ПНР).

Научная конференция «Кибернетика и методы исторических исследований», Москва.

Норманская дискуссия на историческом факультете ЛГУ (обсуждение книги И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке», Л., 1965).

САИ. В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Ч 4: Энеолит южных областей Средней Азии. Археология СССР. САИ. Вып. Б3-08. М., 1965.

САИ. П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.

САИ. В. И. Мошинская. Археологические памятники Севера Западной Сибири. Археология СССР. САИ. Вып. Д3-08. М., 1965.

САИ. А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-14. М., 1965.

1966

I Международный конгресс балканских и юго-восточно-европейских исследований, София (НРБ).

История СССР с древнейших времен в 12 томах. Т. 1: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь (до начала XIII в.). М., 1966.

САИ. Андроновская культура. Археология СССР. САИ. Вып. В3-2. М.; Л., 1966 (вышел только один выпуск).

САИ. А. Я. Брюсов, М. П. Зимина. Каменные сверленные топоры на территории Европейской части СССР. Археология СССР. САИ. Вып. В4-04. М., 1966.

САИ. Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Археология СССР. САИ. Вып. В4-09. М., 1966.

САИ. А. К. Амброз. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.

САИ. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-20. М., 1966.

САИ. Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-27. М., 1966.

САИ. В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). Археология СССР. САИ. Вып. Е1-57. М., 1966.

САИ. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли. IX–XIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. М.; Л., 1966.

САИ. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. М.; Л., 1966.

САИ. А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.

САИ. И. П. Русанова. Курганы полян X–XIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-24. М., 1966.

Археология Старого и Нового света. М., 1966.

Археологические открытия 1965 года. Ежегодник (издание первого выпуска АО).

П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. ~~Прага-Ленинград~~, 1966.

Ю. А. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966.

1967

II Всесоюзное совещание по проблемам черняховской культуры? Львов.

Открытие и начало раскопок Гнездовского поселения IX в. под Смоленском (И. И. Ляпушкин).

Начало раскопок городища Хасав-юрт (хазарский Семендер) в Дагестане (А. В. Гадло).

САИ. В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III до н. э. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-04. М., 1967.

САИ. П. Н. Старостин. Памятники именьевской культуры. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-32. М., 1967.

САИ. Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-38. М., 1967.

1968

Всероссийское совещание по охране памятников истории и культуры, Кострома.

Симпозиум по проблеме становления человека и человеческого общества, Отделение истории АН СССР, Москва.

Возобновление археологических работ в Старой Ладогe (Г. Ф. Корзухина).

САИ. Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-55. М., 1968.

САИ. Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-39. М., 1968.

И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА. Вып. 152. М.; Л., 1968.

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. М., 1968.

1969

Всесоюзная сессия, посвященная 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — ИА АН СССР и итогам полевых исследований 1968 г., Ленинград.

Всесоюзный симпозиум «Города и торговля Древнего Востока III–I тысячелетий до нашей эры», Ереван.

Научная конференция по вопросам изучения и охраны памятников Сибири и Дальнего Востока в связи с подготовкой свода памятников культуры, Тобольск.

Начало работ Северо-Западной археологической экспедиции (СЗАЭ ЛГУ) в Ленинградской области.

САИ. И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 3: Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Археология СССР. САИ. Вып. БЗ-08. Л., 1969.

САИ. Н. И. Сокольский. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-17. М., 1969.

1970

II Международный конгресс славянской археологии (МКСА), Берлин (ГДР).

XIII Международный конгресс исторических наук, Москва.

Международный совет музеев. Конференция Комитета музеев археологии и истории, Москва — Ленинград.

Дискуссия о понятии «археологическая культура» (кафедра археологии ЛГУ, семинар ЛОИА, публикации в «Советской археологии» и др.).

САИ. Терракоты Северного Причерноморья. Ч. 1–2. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-11. М., 1970.

САИ. В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). Археология СССР. САИ. Вып. Д1-27. М., 1970.

САИ. В. В. Седов. Новгородские сопки. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-08. М., 1970.

Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л., 1970.

Статистико-комбинаторные методы в археологии. Отв. ред. Б. А. Колчин, Я. А. Шер. М., 1970.

Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Отв. ред. Б. А. Быбаков, Ю. Н. Захарук. М., 1970.

1971

Начало раскопок царского кургана скифского времени Аржан в Туве (М. П. Грязнов).

Б. Н. Граков. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971.

САИ. Ю. С. Гришин. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. Археология СССР. САИ. Вып. ВЗ-12. М., 1971.

САИ. В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. Археология СССР. САИ. Вып. В4-12. М., 1971.

САИ. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств. IX–XIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. Л., 1971.

САИ. Б. А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-55. М., 1971.

САИ. А. В. Никитин. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-34. М., 1971.

САИ. Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-49. М., 1971.

1972

Всесоюзная конференция по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный стиль»), Москва.

Всесоюзная научная конференция по алтаистике и монголоведению, Элиста.

Конференция по археологии БССР и смежных территорий, Минск.

Начало работ Староладожской экспедиции ЛОИА в Старой Ладоге.

Ранние формы искусства: сб. ст. Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1972.

1973

Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и географическая среда в плейстоцене и голоцене (палеолит, неолит)», Москва.

VI Всесоюзная конференция скандинавистов в Таллине, дискуссия по докладу Д. А. Авдусина «Норманский вопрос и археология».

САИ. И. П. Русанова. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-25. М., 1973.

САИ. А. Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.

САИ. С. А. Плетнева. Древности черных клобуков. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-19. М., 1973.

А. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

1974

Дискуссии о понятии «тип» в археологии, о понятии «предмет археологии» (ЛОИА).

САИ. Н. К. Качалова. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. Археология СССР. САИ. Вып. В4-12. М., 1974.

САИ. Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-12. М., 1974.

САИ. Терракотовые статуэтки. Ч. 3: Пантикапей. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-11. М., 1974.

САИ. Терракотовые статуэтки. Ч. 4: Придонье и Таманский полуостров. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-11. М., 1974.

САИ. В. В. Седов. Длинные курганы кривичей. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-08. М., 1974.

САИ. С. А. Плетнева. Половецкие каменные изваяния. Археология СССР. САИ. Вып. Е4-02. М., 1974.

А. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.

1975

III Международный конгресс славянской археологии (МКСА), Братислава (ЧССР). Всесоюзная археологическая конференция, посвященная 250-летию Академии наук, Киев.

Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья», Тбилиси.

САИ. Е. М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-12. М., 1975.

САИ. П. А. Раппопорт. Древнерусское жилище. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-32. Л., 1975.

И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников. М., 1975.

1976

Закон СССР об охране памятников истории и культуры.

I советско-финляндский симпозиум по археологии, Ленинград.

Всесоюзное совещание «Типология и социальная структура раннесредневекового города», Ленинград.

Всесоюзный симпозиум «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозой», Хабаровск.

Рериховские чтения: к 50-летию исследований Н. К. Рериха на Алтае: тезисы конф. Новосибирск, 1976.

САИ. О. Н. Бадер, А. И. Халиков. Памятники балановской культуры. Археология СССР. САИ. Вып. В1-25. М., 1976.

САИ. О. С. Гадзяцкая. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. Археология СССР. САИ. Вып. В1-21. М., 1976.

1977

Палеолит мира. Т. 1. Отв. ред. П. И. Борисковский. М., 1977.

САИ. Л. К. Галанина. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. И. Бранденбурга). Археология СССР. САИ. Вып. Д1-33. М., 1977.

САИ. В. И. Козенкова. Кобанская культура. Восточный вариант. Археология СССР. САИ. Вып. В2-05. М., 1977.

Г. С. Лебедев. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

1978

Палеолит мира. Т. 2. Отв. ред. П. И. Борисковский. М., 1978.

А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.). Scando-Slavica. Vol. 24, iss. 1. Copenhagen, 1978.

САИ. В. Г. Петренко. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. Археология СССР. САИ. Вып. Д4-05. М., 1978.

САИ. Е. М. Алексеева. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. Археология СССР. САИ. Вып. Г1-12. М., 1978.

САИ. Г. Ф. Корзухина. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.

В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Л. С. Клейн. Археологические источники 1-е изд. Л., 1978.

В. Л. Янин. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1978.

1979

Конференция «Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках» (Гос. Эрмитаж — ЛГУ), Ленинград.

Конференция «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий», Омск.

САИ. В. Б. Ковалевская. Поясные наборы Евразии IV–IX вв.: Пряжки. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-02. М., 1979.

САИ. Л. А. Голубева. Зооморфные украшения финно-угров. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.

Б. А. Рыбаков. Геродотова Скифия. М., 1979.

А. В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа в VI–X вв. Л., 1979.

1980

IV Международный конгресс славянской археологии (МКСА), София (НРБ).

I Всесоюзная методологическая школа молодых археологов, Усть-Нарва.

Юбилейная научная конференция «600-летие Куликовской битвы», Москва.

Начало работ постоянной Псковской археологической экспедиции и ежегодного семинара по истории и археологии Пскова и Псковской земли, Псков.

САИ. А. Х. Халиков. Приказанская культура. Археология СССР. САИ. Вып. В1-24. М., 1980.

САИ. М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в.н.э. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-07. М., 1980.

САИ. Э. С. Шарафутдинова. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура). Археология СССР. САИ. Вып. В1-11. Л., 1980.

М. П. Грязнов. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

1981

Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию V Археологического съезда. Тбилиси.

Советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами», Москва.

Межреспубликанская конференция по этногенезу балтских народов, Вильнюс.

САИ. Х. И. Крис. Кизил-Кобинская культура и тавры. Археология СССР. САИ. Вып. Д1-07. М., 1981.

САИ. Е. А. Рябинин. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1981.

Ф. Д. Гуревич. Древний Новогрудок. Л., 1981.

1982

XI Конгресс Международной ассоциации по изучению четвертичного периода, Москва.

Всесоюзная археологическая конференция, посвященная 1500-летию Киева, АН УССР, Киев.

Б. А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

САИ. В. И. Козенкова. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. Археология СССР. САИ. Вып. В2-05. М., 1982.

САИ. П. А. Раппопорт. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Археология СССР. САИ. Вып. Е1-42. Л., 1982.

Археология СССР. В. В. Седов. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.

Археология СССР. Энеолит СССР. Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М., 1982. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М., 1982.

И. В. Дубов. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

История Древнего мира. Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свентицкой. М., 1982.

1983

Межреспубликанская школа-семинар молодых ученых по проблемам музееведения, Соловецкие острова, Архангельская область.

В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. Ред. колл.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ю. А. Семенов. М., 1983.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983.

Ж.-К. Гарден. Теоретическая археология. Пер. под ред. Я. А. Шера. Л., 1983.

1984

Археология СССР. Палеолит СССР. Отв. ред. П. И. Борисковский. Археология СССР. М., 1984.

Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. Археология СССР. М., 1984.

А. Н. Кирпичников. Каменные крепости Новгородской земли XII–XV вв. Л., 1984.

1985

Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Отв. ред. Г. А. Кошеленко. Археология СССР. М., 1985.

Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. Отв. ред. Б. А. Колчин. Археология СССР. М., 1985.

А. Д. Столяр. Происхождение изобразительного искусства. Л., 1985.

Д. С. Раевский. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Г. С. Лебедев. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Сб. статей сотрудников Староладожской экспедиции (А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин, В. П. Петренко, В. А. Назаренко и др.). Отв. ред. В. В. Седов. Л., 1985.

1986

V Международный конгресс славянской археологии (МКСА), Киев. Славяне и скандинавы. Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1986.
А. А. Формозов. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

1987

Всесоюзная археолого-навигационная экспедиция «Нево-87» по Пути из Варяг в Греки.

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. Археология СССР. М., 1987.

Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Отв. ред. В. В. Седов. Археология СССР. М., 1987.

1988

Тысячелетие Крещения Руси (988–1988). Серия монографических и журнальных публикаций, выставок, конференций с участием археологов.

Начало работы ежегодного Семинара «Новгород и Новгородская земля. История и археология», Новгород.

1989

Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Отв. ред. А. И. Мелюкова. Археология СССР. М., 1989.

Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Отв. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. Л., 1989.

В. А. Сафронов. Индоевропейские прародинны. Горький, 1989.

Д. А. Авдусин. Основы археологии. М., 1989.

Э. Б. Тайлор. Первобытная культура. Пер. под ред. А. И. Першица. М., 1989.

1990

Начало стационарных работ Московской археологической экспедиции.

Е. Н. Носов. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

В. П. Алексеев, А. И. Першиц. История первобытного общества. М., 1990.

Л. Н. Гумилев. География этноса в исторический период. Л., 1990.

1991

Л. С. Клейн. Археологическая типология. Л., 1991.

Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). Под ред. Д. А. Авдусина. М., 1991.

Золото степу. Археологія України (П. П. Толочко, В. Ю. Мурзін, Р. Ролле, М. Мюллер-Вілле, К. Шітцель). Киев; Шлезвиг, 1991.

1992

Л. Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Г. С. Лебедев. История отечественной археологии (1700–1917). СПб., 1992.

1993

Начало работы ежегодного археологического семинара в Старой Ладого, памяти В. П. Петренко (1943–1991), с 1995 г. — Чтения памяти А. Д. Мачинской (1963–1994).

Л. С. Клейн. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

1994

Возобновление ежегодника «Археологические открытия» (АО 1993). М., 1994.

М. Б. Шукин. На рубеже эр. СПб., 1994.

В. В. Седов. Славяне в древности. М., 1994.

В. П. Петренко. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.

1995

Российско-американо-монгольская экспедиция по изучению памятников палеолита южной Гоби.

Всероссийская конференция «Церковная археология», Псков.

М. П. Сотникова. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М., 1995.

В. А. Тюленев. Изучение старого Выборга. СПб., 1995.

В. В. Седов. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

1996

VI Международный конгресс славянской археологии (МКСА), Новгород.

Путь из Варяг в Греки и из Грек... Каталог выставки. М., 1996.

Н. Б. Черных. Дендрохронология и археология. М., 1996.

Л. А. Беляев. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

С. В. Белецкий. Начало Пскова. // В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 1. СПб., 1996.

А. В. Куза. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь, 1996.

1997

Парламентские слушания Государственной думы РФ «Старая Ладога — древняя столица Руси, международный центр Евро-Балтийского культурно-экономического и Ганзейского сообщества», апрель 1997 г., с. Старая Ладога — г. Волхов Ленинградской области РФ.

Открытие Музея археологии Москвы в дни 850-летнего Юбилея столицы России.

В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий. Псковский Кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. Городское ядро средневекового Пскова. Ч. 2, вып. 1. СПб., 1997.

Е. А. Рябинин. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
А. А. Хлевов. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

1998

«Хроника российской археологии» в «Хронике российской науки XX века», ч. 1, М., 1998.

1999

«Хроника российской археологии» в «Хронике российской науки XX века», ч. 2, М., 1999.

ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (ВВОДНЫЙ ОБЗОР)*

«...разглашенная тайна оскорбляет Истину...»

Макс Фрай. *Лабиринт (Чужак)*

Редакционная коллегия «Петербургских исследований» решила выделить в особый раздел тематику «Археология Петербурга», сравнительно новую для «петербурговедения». Археологические раскопки, все более частые на территории города, и традиционные — в окружающем регионе (Ленинградской, Псковской, Новгородской областях), показали, особенно в последние десятилетия, неразрывную связь генезиса и начальных этапов развития Санкт-Петербурга с процессами ранней урбанизации и в целом — формирования заселения региона в предшествующие столетия, изучаемые прежде всего средствами археологии. Представленные статьи по этой тематике, сами по себе весьма информативные, требуют, однако, предварительной характеристики, в целом — «феномена петербургской археологии». Почти парадоксальным образом этот феномен (как, впрочем, и в целом «петербурговедение») соединяет в себе качества объекта и субъекта исторического знания. Поэтому взаимосвязь, внутренняя логика конкретных исследований, публикуемых современными археологами Петербурга, может быть, станет более понятной для читателя, если раскрыть перед этим основные аспекты, структуру, главные этапы формирования этого своеобразного, и не слишком известного широкой публике явления петербургской культуры.

Санкт-Петербург с первых лет своего основания и до конца петровской эпохи, а также в следующие за нею десятилетия стал местом рождения и освоения важнейших инноваций в русской культуре. Особое место среди этих инноваций занимают относящиеся к науке, а в комплексе научных знаний — к гуманитарной сфере. Петербургская Академия наук, учрежденная в 1724 г., стала последним из новообразований, венчавшим реформы Петра Великого, и при этом — продуманной и подготовленной в течение предшествующих десятилетий, одной из наиболее развернутых и эффективных форм «организации науки нового времени»¹. Ряд относившихся к созданию Академии начинаний

---

* Текст статьи из личного архива Г. С. Лебедева предоставлен В. А. Витязевой-Лебедевой. Текст воспроизводится с сохранением авторского стиля, система ссылок приведена к принятой в настоящем сборнике.

¹ *Копелевич Ю. Х.* Петербургская Академия наук и европейское научное содружество (XVIII в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. К 275-летию Академии наук. Мат-лы Междунар. конф. Т. 1 / отв. ред. Э. А. Тропп. СПб.: С.-Петербург. науч. центр РАН, 1999. С. 22.

осуществлялся задолго до ее учреждения, а по мере исполнения — полученные результаты, материалы и основанные на них разделы знаний достаточно органично вошли в формирующийся корпус научных дисциплин, определяя дальнейшее развитие отечественной науки с начала XVIII в. до наших дней. Собственное и достаточно своеобразное место в этом корпусе знаний занимает археология.

Первые в истории России и российской науки целенаправленные археологические исследования были осуществлены в окрестностях Санкт-Петербурга задолго до основания Петербургской академии наук и связаны с деятельностью одного из первых представителей зарождающейся петербургской интеллигенции XVIII в., и при этом одного из основоположников «петербурговедения», евангелического пастора городской общины и Российского флота Вильгельма Толле (1674–1710). Прибывший в Санкт-Петербург не позднее осени 1704 г. в составе первого «массового набора» иностранных моряков, насчитывавшего более 500 специалистов, завербованных на русскую службу адмиралом Корнелиусом Крюйсом, Толле до конца своих дней, наряду со своими пастырскими обязанностями, занимался многосторонним изучением местоположения и топографии нового российского города на Балтике, исследованием его ближних и дальних окрестностей, этнографией и языка окружающего населения и, что особо необходимо выделить археологическим изучением древнерусских памятников на этой территории, за возвращение которой Россия вела еще напряженную и длительную Северную войну со Швецией. В последние годы своей жизни Толле провел первые в истории российской науки археологические раскопки: это оказались исследования раннесредневековых курганов Старой Ладogi, города, который с середины VIII до конца XVII в. был непосредственным предшественником Санкт-Петербурга на водном пути в Балтику, «Пра-Петербурга», как его определяют современные исследователи. Несмотря на преждевременную кончину Толле, материалы его сохранились в анналах «петербурговедения», и сто восемьдесят лет спустя следующий исследователь Старой Ладogi, выдающийся русский археолог, военный историк, боевой офицер и организатор ныне действующего Артиллерийского музея, генерал Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903) вернул в научное обращение данные этих раскопок, где впервые нашли материальное подтверждение ранние и многосторонние связи Древней Руси VIII–IX вв. со скандинавским Севером и мусульманским Востоком (в курганах, раскопанных Толле, были найдены погребальные урны, аналогичные скандинавским «готским», как их тогда определяли, а также арабская монета, одна из первых находок, характеризующая многочисленные клады восточного серебра VIII–X вв., открытые и изученные учеными в последующем, в том числе и на территории города Санкт-Петербурга). Русь эпохи «призвания варягов» приоткрылась в этих раскопках Толле, за полтора десятилетия до того, как петербургский академик Г. З. Байер, современник В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, приступил к систематизации отечественных и зарубежных письменных источников по ранней

истории Руси, открывая при этом неизвестные ранее страницы начальной истории Древнерусского государства в 838–839 гг., когда оно впервые заявило о своем существовании Византийской империи и Франкской державе².

Петербургская Академия наук с момента своего создания решала задачи научного освоения и изучения всей огромной территории Российской империи, и прежде всего — отдаленных и неизведанных пространств Евразии. Первая из последовательно осуществленных программ многолетней исследовательской экспедиции, послужившая прообразом дальнейших «Сибирских экспедиций» Академии наук и включавшая наряду с естественно-научными (географическими, ботаническими и др.) этнографические и археологические изыскания, была представлена и выполнена в 1720–1727 гг. германским врачом и натуралистом Д. Г. Мессершмидтом. По заданию царя он в течение семи лет обследовал бассейны Иртыша, Енисея, Подкаменной Тунгуски, Лены, Байкала, Оби. В ходе этих исследований близ Абакана он провел первые в Сибири научные раскопки курганов, обнаружил, описал и зафиксировал каменные стелы бронзового века, ему принадлежит и честь первооткрывателя «рунической» орхоно-енисейской письменности древнетюркских племен. Материалы и дневники Мессершмидта по возвращении в Петербург были переданы в Академию наук и, наряду с поступлением в Кунсткамеру (с 1715–1718 гг.) золотых вещей из «скифских» курганов Сибири, составили по существу первооснову вещественного и документального фонда отечественной археологии³.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. определились базовые особенности, характерные для зарождающейся в Санкт-Петербурге российской науки, исторического знания и, как составной его части, отечественной археологии. Анализируя своеобразие «петербургской — ленинградской исторической школы», ее авторитетный современный представитель Д. Н. Аль отмечает, что школа эта отличается «непоколебимым, не подверженным никаким конъюнктурным колебаниям методом исследования: источник (доскональное изучение его происхождения, достоверности, взаимоотношения со всеми другими относящимися к теме источниками) = факт = концепция... С этой точки зрения петербургская — ленинградская историческая школа противостоит многим другим школам, допускающим иной метод исследования: концепция (нужная, эффективная и т. п.) = факт (подходящий) = источник (содержащий «нужные»

---

² *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. С. 1, 4; *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья (Материалы по археологии России, вып. 18). СПб., 1895. С. 18; *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. Ч. 9–13, 53–65, 83–86, 271; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии (1700–1917). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. С. 53; *Лебедев Г. С., Станг Х.* Готлиб Зигфрид Байер и начало русской истории: взгляд спустя три столетия // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: к 275-летию Академии наук: мат-лы Междунар. конф. / отв. ред. Э. А. Тропп. Т. 2. СПб.: С.-Петерб. науч. центр РАН, 1999. С. 136–152.

³ *Кызласов Л. Р.* «В Сибирю неведомую за письменами таинственными» // Путешествия в древность: сб. ст. / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 16–49.

факты)⁴. Безусловно, в рамках «петербургской» школы как в прошлом, так и в настоящем встречались и встречаются отклонения от этих незыблемых принципов: однако, они как правило, вызывают резкую «реакцию отторжения»⁵. Дело в том, что принципы эти органично связаны с изначальной «включенностью» историко-этнографических и археологических заданий в «естественно-научный контекст» программ Сибирских и последующих экспедиций Академии наук, методически строгим уровнем требований к историческим исследованиям, преемственностью поколений и проблематики петербургской научной школы. Последнее из обстоятельств определяет, по-видимому, еще одну из особенностей «петербургской школы», действительную и для археологической науки: внимательное отношение к предшествующим исследованиям, полноту и объективность научной историографии; ярким примером можно считать приведенное выше «возвращение» к забытым открытиям В. Толле в Старой Ладогe, в фундаментальных исследованиях Н. Е. Бранденбурга 1895–1896 гг. Примат источниковедения и историографии сохраняет действенность и определяет научный уровень «петербургской археологической школы» как составной части отечественной исторической науки.

Наряду с этими «общенаучными характеристиками», собственно «феномен петербургской археологии» определился также изначальной «двойственностью» положения и статуса петербургской науки в целом. Сосредоточенная в новой столице империи, эта наука должна была решать неотложные и новаторские задачи в масштабах всей страны. Академические экспедиции — в Сибирь, Северное Причерноморье, Крым, на Кавказ в течение XVIII–XIX вв. предопределяли первые маршруты отечественных археологов. Концентрация полученных результатов — в Санкт-Петербурге (первоначально — исключительно в Академии наук, затем также в Академии художеств, Императорском Эрмитаже, наконец с 1859 г. — в Императорской Археологической комиссии) вела к быстрому оформлению именно в рамках «петербургской археологической школы» основных отраслевых разделов археологической науки — античной и славяно-русской, восточной и первобытной, скифо-сарматской и византийской, кавказской и финно-угорской археологии. Связанные с именами выдающихся ученых А. А. Спицына, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, Н. П. Кондакова, В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, П. П. Ефименко, Б. Б. Пиотровского и многих других петербургских археологов, эти конкретные научные направления определили во второй половине XIX — первых десятилетиях XX в. своеобразие внутренней структуры археологической науки России и ее достаточно высокий статус в мировом научном сообществе. С начала XX в. в Петербурге складывается и традиция археологического преподавания в Универ-

---

⁴ Аль Д. Н. Петербургская — Ленинградская историческая школа // Феномен Петербурга: труды Междунар. конф. / отв. ред. Ю. Н. Беспятых. СПб., 2000. С. 157.

⁵ См., напр., «Известия» от 19 июля 2000 г., «Новые Известия» 22 июля 2000 г., «Новая Газета» 23 июля 2000 г.

ситете, связанная в течение этого столетия с именами А. А. Спицына, В. И. Равдоникаса, М. И. Артамонова, А. Д. Столяра, Д. Г. Савинова, и объединившимися вокруг них на протяжении десятилетий представителями всех поколений петербургской научной школы⁶.

Санкт-Петербург и его окрестности для археологов со времен Толле оставался, однако, не только естественным центром научного общения, но также и своеобразным «полигоном» научных исследований, актуальных прежде всего для ранней истории Древней Руси. В XIX–XX вв. каждое новое поколение российских археологов именно здесь, в «Санкт-Петербургской губернии», начинало очередной цикл полевых исследований, открывая новые фонды вещественных источников, совершенствуя методы их исследования, расширяя историческую проблематику. Необходимо назвать в связи с этими открытиями имена З. Доленга-Ходаковского, Л. К. Ивановского, Н. К. Рериха, Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, М. И. Артамонова, Г. Ф. Корзухиной, Н. Н. Гуриной и ряд других. Замечательный образец такого рода исследований представляет собою наследие Н. Е. Бранденбурга, материалы его раскопок крепости и храмов Старой Ладogi, курганов Приладожья. Публикация Л. К. Маковской «Н. Е. Бранденбург (1839–1903). Новые материалы к биографии ученого» свидетельствует о далеко не исчерпанном потенциале «историографического аспекта» петербургской археологической школы.

Равным образом по сути тот же историографический аспект представлен в работе А. К. Филиппова «Человек, никогда не изменявший себе. К столетию со дня рождения Сергея Аристарховича Семенова (25 сентября 1898 — 6 декабря 1978)». С. А. Семенов — один из крупнейших представителей петербургско-ленинградской научной школы в XX в., обогативший мировую археологию новым методом исследования, а по существу создатель археологической субдисциплины «трасологии» (микроисследование следов работы древними орудиями). Теоретико-методические разработки были представлены в трудах ряда петербургских, петроградских и ленинградских археологов, В. И. Равдоникаса, М. П. Грязнова, В. М. Массона, Л. С. Клейна. Однако наиболее продуктивной по конкретным научным результатам оказалась именно «палеотехнологическая школа Семенова», а создатель ее первым из советских исследователей получил признание в зарубежной науке (в частности, США). Лаборатория естественно-научных методов, созданная под его руководством, продолжала научную традицию, в 1920-х годах заложенную М. В. Фармаковским, она существенно расширила арсенал исследовательских средств, особенно в изучении древнейших этапов палеолита, осуществленных П. П. Ефименко, П. И. Борисковским, В. П. Любиным, Н. Д. Прасловым, и в наши дни успешно действует под руководством Г. Ф. Коробковой.

---

⁶ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии...; Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / отв. ред. И. В. Тункина, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995.

Фонды научных материалов и документов, накопленные со времен Императорской Археологической комиссии (ИАК) сохраняются донныне в хранилищах преимущественно связанного с нею Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). Посвященная древностям одного из центральных памятников средневекового Крыма, изучавшегося ИАК в дореволюционные годы, овеянного легендами «пещерного города» Бахчисарайской долины, публикация Г. В. Длужневской «Чуфут-Кале — караимский город-крепость близ Бахчисарая (по материалам фотоархива ИИМК РАН)» даст читателю хотя бы начальное представление об уникальном богатстве фонда фотоматериалов, насчитывающего свыше полумиллиона единиц хранения и наряду с академической Библиотекой ИИМК (около миллиона томов), а также документальным Архивом ИИМК (свыше 60 тыс. ед. хр.), составляющего непреходящую по ценности основу научного наследия петербургской археологической школы.

Сосредоточенные в хранилищах ИИМК, Государственного Эрмитажа, фондах Российского этнографического музея, Кунсткамеры, Государственного музея истории Санкт-Петербурга, ряда региональных музеев вещественные материалы, коллекции археологических находок (артефактов) раскрывают хронологические горизонты первобытной и ранней истории с глубочайшей древности, от эпохи нижнего палеолита (в интервале 2–1,5 млн лет тому назад) до допетровской России, на пространстве от Скандинавии до Китая. Однако, как и в первые десятилетия XVIII в., современные петербургские археологи ищут в ближайшей округе Санкт-Петербурга ответов на ключевые для национального самосознания вопросы начальной истории Древней Руси. Серия статей представлена участниками Северо-Западной археологической экспедиции (СЗАЭ), созданной в Университете более 30 лет тому назад и начинавшей свои работы в 1969 г. с возобновления обследования автором этих строк и В. А. Назаренко — приладожских курганных групп, открытых Н. Е. Бранденбургом. Тридцать лет спустя, новые поколения петербургских археологов продолжают исследовательские работы, главным образом в Ленинградской области и сопредельных районах Псковской и Новгородской областей. Публикации современных руководителей полевых отрядов СЗАЭ, С. Л. Кузьмина, Е. Р. Михайловой, А. А. Селина, В. Ю. Соболева, посвящены, по существу, единой теме: славяно-русскому освоению «Петербургского края», северо-западной окраины Европейской России, «Верхней Руси» вокруг Старой Ладogi и Новгорода Великого.

Особенность этих исследований последних полутора-двух десятилетий заключается в том, что от изучения «стольных городов» Верхней Руси, появившихся на страницах летописей в связи с именем и деятельностью варяжского князя, легендарного основателя древнерусской великокняжеской династии Рюрика, — Ладogi и Новгорода (весомый вклад в исследование которых внесли работы петербургских археологов Н. И. Репникова, Н. К. Рериха, В. И. Равдоникаса, Г. Ф. Корзухиной, А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Рябинина, В. П. Петренко,

Е. Н. Носова и др.) — современное поколение археологов приступило к изучению неаграрных поселений следующего, «нижележащего» иерархического уровня: древнерусских «погостов», административных центров сельского населения, служивших опорными пунктами нарождающейся древнерусской государственности Верхней Руси IX–X вв. Первый из таких «погостов» — Гремяцкий в Городце под Лугой — удалось идентифицировать еще в 1970-х годах.⁷ С тех пор «погосты Ольги», по летописи, основанные св. блгв. княгиней в 947 г. на Луге и на Мсте, в результате планомерных исследований удается все более уверенно отождествить с конкретными археологическими памятниками. Они знаменуют следующую из начальных ступеней государственного строительства России, вслед за «Русью Рюрика» 862–879 гг. (засвидетельствованной археологическими данными Ладоги и Новгорода) и «Русью Олега Вещего» 882–922 гг., объединившего Ладогу, Новгород и Киев в границах единого Древнерусского государства. Материалы некоторых погостов и предшествующих им укрепленных поселений «ильменских словен» сопоставляются с древностями «курганных культур» VIII–XII вв., что позволяет представить динамику формирования древнерусской народности в регионе, соотношение в ней славянского и неславянского компонентов (автохтонного финского населения и пришлых варягов, составивших вместе со словенами ядро этой «начальной Руси»).

Региональные исследования заставляют по-новому оценить и такое явление, как генезис и развитие урбанизма Санкт-Петербурга. Вопреки устоявшейся мифологеме, город возник не просто «из тьмы лесов, из топи блат», но представлял собою закономерную ступень эволюции древнерусского урбанизма, от начальных форм его, представленных «протогородским» слоем Староладожского Земляного городища VIII–IX вв., укрепленными «градками» погостов X–XIII вв., к развитым средневековым формам урбанизма Старой Ладоги XII–XVII вв., уникальной системе каменных пограничных крепостей XIV–XVI вв., и в начале XVIII в. именно эта эволюция органично завершилась созданием нового российского порта и крепости на выходе в Балтику — Санкт-Петербурга⁸. «Археология Петербурга» как субдисциплина археологической науки рубежа XX–XXI вв. обретает собственный статус и задачи: наряду с изучением региональных предпосылок становления Санкт-Петербурга, все более результативным оказывается применение археологических приемов исследования к изучению ранних этапов строительства и истории города на Неве⁹.

Показательно, что первые целенаправленные раскопки культурного слоя Санкт-Петербурга петровской поры провел более полувека тому назад, в 1952 г. — в преддверии приближавшегося 250-летия города, А. Д. Грач, в даль-

---

⁷ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977.

⁸ Лебедев Г. С. Феномен Петербурга в региональном контексте // Феномен Петербурга: сб. ст. [труды Междунар. конф., состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А. С. Пушкина] / отв. ред. Ю. Н. Беспятых. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2000. С. 59–74.

⁹ См. альманах «Археология Петербурга» I, II, III / 1996–1999 гг.

нейшем — один из крупнейших исследователей древностей Южной Сибири¹⁰. Сопряжение задач изучения «археологического прошлого» столицы и отдаленных евразийских просторов страны было и остается «видовой особенностью» петербургской научной школы. Последние десятилетия археологические приемы наиболее продуктивно применяются в изучении «малых форм» императорских парков петербургских пригородов. Пример такого исследования — раскопки В. А. Коренцвита, результаты которых публикуются в статье о петергофском ансамбле Марли. Тематически примыкает к статьям данного раздела «Петербургских исследований» его же публикация, посвященная новым археологическим открытиям при работах в Летнем саду Санкт-Петербурга. Включение этой работы в блок историко-архитектурных исследований, посвященных одному из ключевых объектов «Первоначального Петербурга», Летнему саду, представляет собою очередной пример того, насколько продуктивными оказываются археологические методы в изучении такой, казалось бы, насыщенной историческими документами эпохи, как XVIII век. Это — еще одно из постоянно пополняющихся свидетельств о раскрывающемся постепенно потенциале «археологии Петербурга» как перспективном направлении развития петербургской археологической школы.

Перспектива эта, безусловно — в сопряжении возможно более глубоких и давних традиций «петербурговедения» с новыми задачами, методами и формами исследований, при этом — возможно более полно сочетающимися с фондом и традицией, созданными петербургской наукой в течение трех столетий. Публикация Н. В. Пивоваровой «Церковно-археологический музей Петербургской Духовной Академии: материалы к истории (1870-е — 1920-е гг.)» посвящена одному из последних по времени осуществления опытов восстановления этой традиции: музей был воссоздан в 1998 г., к 150-летию со дня рождения его основателя Н. В. Покровского¹¹. Этот опыт — взаимодействия Церкви и Музея, представляется исключительно значимым и актуальным, не только для судеб современной российской археологии, но и культуры в целом. Археология как форма объективации исторического знания, а следовательно, общественного самосознания, обретает особую значимость и ответственность в наше время на пороге III тысячелетия от Рождества Христова. Петербургская археологическая школа подошла к 2000 году с достаточно определенным сознанием этой ответственности.

---

¹⁰ Лебедев Г. С. А. Д. Грач и археология Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Александра Даниловича Грача / отв. ред. Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская, А. А. Ковалев. СПб.: Культинформ-пресс, 1999. С. 253–263.

¹¹ Пивоварова Н. В. Церковно-археологический музей Петербургской Духовной Академии: материалы к истории (1870-е — 1920-е гг.) // Церковная археология. Вып. 4: мат-лы II Всерос. церк.-археол. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. // отв. ред. диакон Александр Мусин. СПб., 1998.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ РУСИ И БАЛТИКИ
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЛЕБА СЕРГЕЕВИЧА ЛЕБЕДЕВА

ТОМ I

Корректор *Ю. А. Стрельбицкая*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*
Обложка *И. А. Колтушиной*

Подписано в печать 00.00.2024. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л. 00,0. Тираж 000 экз. Print-on-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести:

по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов «Дом университетской книги», Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ,
интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**,

biblio-globus.ru, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**